

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Абселемов Серикхан Ахметович

**АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В
РОССИЙСКОЙ И КАЗАХСТАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

Специальность 07.00.09. – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор ист. наук, профессор
Чуркин Михаил Константинович

Омск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-45
Глава I. Перспективы, проекты и практики аграрного освоения Степного края в российском историографическом дискурсе.....	46
1.1. «Колонизационное дело» в Степном крае в оценках имперских экспертов второй половины XIX – начала XX вв.....	46-69
1.2. Аграрная колонизация степных областей в советской историографии: от «империи положительной деятельности» к национал - большевизму.....	70-92
1.3. Современная российская историография колонизации Степного края в условиях «постколониального» дискурса.....	93-117
Глава II. Степной край в колониальном пространстве империи: казахстанская историографическая традиция.....	118
2.1. Колонизация Степного края в трудах и практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв.....	118-139
2.2. Освоение земледельческих районов Степного края в национальном (казахстанском) сегменте советской историографии.....	140-163
2.3. Историография национальной «травмы»: аграрная колонизация Степного края в научно-исследовательской полемике историков Республики Казахстан.....	164-192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	193
Список использованных источников и литературы.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Обращение к теме становления, развития и эволюции российской и казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начала XX вв. обусловлено обстоятельствами как научно-исследовательского, так и общественно-политического характера.

В этой связи научная актуальность исследования определяется возможностью реконструкции хозяйственно-экономического, идейно-политического и социокультурного контекста эпохи, в хронологических границах которой происходило становление научного знания в целом и представлений о содержании аграрно-колонизационных мероприятий, степени вовлечённости в них власти и общества на конкретном этапе в частности. Не менее существенным является и восстановление интеллектуального пространства деятельности научного сообщества в различные периоды исследования проблем аграрной колонизации региона: акторов, каналов коммуникации, а также идейных позиций и способов их трансляции и репрезентации. Осмысление исследовательского опыта имперского и национального уровней исторического нарратива, как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан, создаёт перспективы интернационализации исторической науки, внедрения полемических начал в канву историографического дискурса.

В общественно-политическом плане исследование многослойного процесса интеллектуальной рефлексии аграрной колонизации Степного края представляется актуальным с точки зрения вывода исторического знания за схематические и во многом шаблонные параметры исторической политики, когда травматические сюжеты прошлого используются в качестве инструмента мобилизации ультра патриотических настроений или оказываются направлены на

пробуждение националистических аллюзий.

Наконец, возможное согласие представителей российской и казахстанской историографии с фактом отрицательных последствий имперского опыта «внутренней колонизации» как для коренных народов, так и для русских переселенцев Степного края, вовлеченных с разной степенью интенсивности в формат имперского доминирования и принуждения, открывает широкие возможности к выстраиванию продуктивной коммуникации не только в научной сфере, но и в области общественно-политических контактов российского и казахского народов.

Степень изученности темы. В настоящем исследовании, носящем по целеполаганию историографический характер, в поле зрения автора попали, прежде всего, те работы, которые отражают восприятие и реакцию научного сообщества на долгосрочный опыт осмысления проблем аграрной колонизации Степного края в российской и казахстанской исторической науке второй половины XIX – начала XXI вв.

В этой связи отметим, что в досоветский период попытки историографической рефлексии изучения российского опыта аграрной колонизации практически отсутствовали, что во многом объясняется краткосрочностью самой традиции исследования проблемы. Сюжеты аграрной колонизации окраин во второй половине XIX – начале XX вв. являлись предметом текущей научно-исследовательской полемики, встраивались в общую канву сиюминутных политических и социокультурных задач, связанных с продвижением империи на восток. Во многом поэтому реализовывался процесс накопления фактического материала по истории аграрного освоения Сибири и сопредельных территорий, репрезентация и последующее обобщение которого производились в рамках деятельности Российской академии наук, университетов, отделов и подотделов Императорского Русского

Географического общества.

Одна из первых попыток обобщения опыта предшественников в аспекте изучения колонизации Зауралья была предпринята в фундаментальном исследовании Н.М. Ядринцева¹, в котором автор одну из глав своей работы посвятил детальной характеристике сибирской библиографии, обозначив основные издательские площадки, ставшие трибуной репрезентации представлений исследователей о колонизируемых пространствах. Н.М. Ядринцев, рассуждая о роли печатных изданий как коллекторе сведений о регионе, обозначил круг авторов и тематических сюжетов, посвящённых освоению Степного края и публикуемых, в частности, в таких газетах, как «Акмолинские областные ведомости» и «Семипалатинские областные ведомости»².

Опыт систематизации подходов к колонизационному процессу, его акторам и специфике был реализован в области этнографических исследований А.Н. Пыпиным. В своей «Истории русской этнографии», опубликованной в 1892 г., учёный дал общее описание новейшей литературы по истории Сибири³. А.Н. Пыпиным были выявлены и зафиксированы основные группы трудов, охвативших знаковые сюжеты продвижения русской оседлости на восток во второй половине XIX в., среди которых он выделил литературную традицию исследования «иностранцев», их образа жизни и языка; вопрос о сибирском типе русской народности в работах российских и региональных авторов (П.Н. Буцинский, А.П. Щапов, Д.Н. Анучин, Н.М. Ядринцев), а также этнографические исследования сибирского народного быта⁴. В целом работа А.Н. Пыпина представляла собой первую попытку собрать воедино сведения по различным проблемам

¹ Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

² Там же. С.475.

³ Пыпин А.Н. История русской этнографии. В 4-х т. Т.4. Белоруссия и Сибирь. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. 488 с.

⁴ Там же. С.V – XI.

изучения Зауралья, изложенные в разные годы в работах исследователей региона.

Наиболее последовательно в досоветский период практики научного обобщения в области исследования колонизации и её аграрной составляющей реализовывались в очерках, сообщениях и заметках ЗСОИРГО, публикуемых на страницах изданий общества. Продолжительный период накопления сведений этнографического, естественно-географического, статистического характера завершился в 1902 г. подготовкой и изданием юбилейного сборника «Записок ЗСОИРГО», на страницах которого была запечатлена рефлексия научно-исследовательского опыта и практик предшествующих лет. Более того, сформировалась традиция, в параметрах которой детально освещался вклад отдельных исследователей Степного края в общую канву изучения колонизируемых территорий (Н.М. Ядринцев, Г.Е. Катанаев, С.П. Швецов и др.)⁵. Один из составителей сборника – М.М. Сиязов – опубликовал статью, в которой на основании обширного фактического материала была дана развёрнутая оценка научной и общественно-просветительской деятельности отдела в различных областях, включая экспедиционную и собственно научную⁶. В дальнейшем, в 1902 – 1916 гг., модель, сообразно с которой изучение отдельных регионов и областей Зауралья реализовывалось с опорой на осмысление опыта предшественников, была широко представлена в публикациях историографического характера таких сотрудников отдела, как Г.Е. Катанаев, Н. Лебедев, А.Е. Новосёлов, П.В. Путилов, Т. Фарафонтова, М.А. Шестаков, Ф. Шидловский⁷.

⁵ Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1902. С

⁶ Сиязов М.М. К обзору научной деятельности ЗСОИРГО // Юбилейный сборник...С.37-147.

⁷ Катанаев Г.Е. Н.И. Потанин и его русские предшественники по разведкам Средней Азии, с приложением путевых журналов Н.И. Потанина // Записки ЗСОИРГО: издание Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1878-1927. Кн. XXXVIII, 1916. С.192-258; Лебедев Н. К вопросу о почвенно-сельскохозяйственных условиях Акмолинской области // Там же. Кн. XXXIV, 1908. С.1-121; Новосёлов А.Е. Задачи сибирской этнографии // Там же. Кн. XXXVIII, 1916. С.86-104; Путилов П.В. О последних успехах антропологии и этнографии с дополнениями

Оценивая вклад досоветских практик составления обобщающих работ и места в них вопросов, связанных с аграрно-колонизационными процессами, отметим, что историографические очерки, заметки, сообщения, речи носили главным образом описательный характер и не содержали сравнительного анализа представленных в них работ, но в целом стали необходимым основанием для последующих аналитических изысканий в историографической традиции советского и постсоветского периодов.

Именно опыт предшественников обеспечил обращение первых исследователей Зауралья советского периода к написанию обобщающих историографических работ, систематизации подходов к прошлому региона и попытке обнаружить связь между изучением сибирской истории с общим ходом её освоения. Данная традиция в 1920-1950-х гг. рельефно обозначилась в трудах историографического характера В. И. Огородникова и С.В. Бахрушина⁸.

Предваряя характеристику историографических трудов советского времени, запечатлевших системный опыт исследования аграрной колонизации Степного края, необходимо отметить, что обозначенная проблема в советской исторической науке рассматривалась, во-первых, как фрагмент общего процесса присоединения Сибири к России, во-вторых, в советской историографии к 1960-м гг. окончательно утвердилась формула о добровольном включении Казахстана в общеимперское пространство. Подобного рода ситуация привела к качественным изменениям в организации и характере рефлексии темы. В ареал исследовательской работы историков центра и регионов СССР оказались включены по большей части вопросы изучения внутренних

относительно Сибири и Средней Азии // Доклад – Отч. 1885, С.31; Фарафонтова Т. Н.М. Ядринцев. Биографический очерк. Отд. оттиск, 1902. 22 с.; Шестаков М.А. О задачах учёных обществ применительно к деятельности ЗСОИРГО. Доклад. Протокол, 1884. С.23-28; Шидловский Ф. Исторический обзор деятельности Отдела за 25 лет его существования. Речь 26 октября 1902 г. Протокол торжественного заседания по случаю 25-летия Отдела. С.2-9.

⁸ Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч.1. Иркутск. Б.и., 1920. 289 с.; Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. Ч.1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 379 с.

окраин империи (Томской и Тобольской губерний) и севера Сибири, тогда как сюжеты освоения степных территорий стали прерогативой республиканских научных учреждений, в частности, казахстанского отделения АН СССР. В этой связи есть основания говорить о «расщеплении» советского историографического поля на два сегмента: российский, представители которого в исследовании аграрно-колониационной проблематики ориентировались на общие вопросы колониационного процесса в границах Восточной и Западной Сибири и казахстанский, предполагающий сосредоточение на событиях и явлениях, связанных с тематикой присоединения степных территорий к России, имперской политикой в областях Казахстана (административно-территориальное определение «Степной край» было фактически исключено из научной риторики – С.А.), влиянием переселений на образ жизни и хозяйственные занятия коренного населения.

В российском сегменте советской историографии системное осмысление исследовательской традиции колонизации Зауралья, в том числе и аграрной её составляющей, нашло отражение в работах В.Г. Мирзоева, М.Б. Шейнфельда, Л. М. Горюшкина и Н.А. Миненко⁹.

В частности, В.Г. Мирзоев в рамках марксистско-ленинского методологического канона предпринял попытку вписать сибирскую историографическую традицию в контекст демократического, областнического и буржуазно-дворянского направлений. Тема аграрной колонизации Степного края, по мнению исследователя, получила наибольшее обоснование в работах сибирских областников, наиболее последовательно критиковавших колониальную политику самодержавия (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков, В. И.

⁹ Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. 391 с.; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т. 1973. 399 с.; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. 315 с.

Вагин и др.)¹⁰. Историк отметил широту взглядов представителей сибирского областничества, а также множество сюжетных линий, осваиваемых представителями движения, в том числе «инородческую» проблематику, организацию управления в Степном крае, переселенческое движение и политику¹¹.

Общий вывод историка сводился к заключению, согласно которому в области исторической теории историография Сибири выдвинула целый ряд проблем, связанных с колонизацией и освоением новых земель, обосновав тезис о решающей роли народных масс в истории присоединения и освоения восточного края¹², что в полной мере соответствовало господствующей концепции о добровольном и прогрессивном характере включения степных территорий в состав России.

Исследования и выводы М.Б. Шейнфельда основываются на обширном опубликованном и архивном материале. Однако, по признанию самого автора, цель его работы состояла в изучении основных историографических направлений с учётом решения идеологической задачи – показать закономерный процесс зарождения и развития марксистского направления, что позволит дать объективную критику буржуазных теорий, распространённых в дореволюционной России¹³. В то же время несомненная заслуга автора заключается в стремлении учитывать в оценке историографического опыта исследователей работы краеведческого и регионального характера¹⁴.

Монография Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко «Историография Сибири дооктябрьского периода», опубликованная в 1984 г., стала первой попыткой системного анализа процессов осмысления дореволюционными исследователями широкой гаммы вопросов

¹⁰ Мирзоев В.Г. Указ. соч. С.299.

¹¹ Там же. С.306.

¹² Мирзоев В.Г. Указ. соч. С.389.

¹³ Шейнфельд М. Б. Указ. соч. С.86.

¹⁴ Там же.

истории Сибири и сопредельных регионов, присоединения их к России, заселения территории русскими колонистами, становления и распространения аграрно-земледельческих практик в различных районах Зауралья. Оценка исследователями историографической традиции аграрной колонизации в целом и аграрно-земледельческого освоения отдельных регионов и областей была произведена в рамках существующей методологии, чему сопутствовало выделение основных направлений (официального, либерального и демократического) в историографии в соответствии с идейно-политическими критериями эпохи. Вместе с тем авторы, профессионально ориентируясь в теоретических и методологических вопросах колонизации, использовали в процессе аналитического освоения опыта и традиций дореволюционной историографии собственную типологизацию зауральских пространств России, согласно которой территории Степного края относились к категории колониальных окраин, где процесс разрушения натуральных форм хозяйства шёл быстрее, что объяснялось более активной позицией колониальной администрации¹⁵. Подобная позиция, диссонирующая с официальной доктриной о «добровольности» и «прогрессивности» присоединения национальных окраин к России, имела важные практические последствия, а именно послужила толчком к возобновлению историографической полемики о влиянии переселений на процесс седентаризации аборигенных этносов лесостепных и степных регионов на востоке страны¹⁶.

В национальном казахстанском сегменте советской историографии интерес к содержанию исследовательских штудий в аспекте аграрной

¹⁵ См. например: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, конец XIX - начало XX в. Новосибирск: Наука, 1967. С. 363-369.

¹⁶ Горюшкин Л.М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Аграрные структуры в XIX веке» (Канада, Монреаль, 24-26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988; Он же. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии» (Япония, Токио, 19-23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989.

колонизации степных областей проявился максимально отчётливо, что связано с одним существенным обстоятельством. Независимо от доминирующей доктрины (абсолютного/относительного зла или добровольности присоединения Казахстана к России) научно-академическое сообщество Казахской ССР в советский период имело, как «пострадавшая» сторона, значительно больше возможностей для реализации своих научно-исследовательских проектов. Критика подходов к колониационному делу в дореволюционной историографии становилась, по сути, критикой имперских проектов инкорпорации Степного края в общеимперское поле. С точки зрения центральной власти, уязвлённое чувство национальной идентичности «правильнее» было приглушить, сориентировав национальный историографический дискурс в направлении ожесточённой критики самодержавной политики Российской империи. Расхождения историков национальной школы советского периода в оценках степени интенсивности колониального давления до некоторой степени создавали иллюзию научной дискуссии и в тоже время в условиях одномерного и крайне консервативного в методологическом отношении исследовательского пространства являлись симулякром реальности. В казахстанском сегменте историографии происходил стабильный прирост научных трудов, в которых колониационные сюжеты осваивались максимально интенсивно и широко в рамках допустимых идеологией возможностей, что требовало регулярной историографической рефлексии.

Обсуждение степени изученности проблем колонизации и аграрно-земледельческого развития Степного края в историографии Казахстана уходит своими корнями в начало 1960-х гг., когда в связи с 40-летием

образования Казахской ССР появляются публикации о состоянии научно-исторического знания в республике¹⁷.

Первые крупные труды обобщающего историографического характера в Казахстане увидели свет во второй половине 1960-х гг. К ним следует отнести работу Э.А. Масанова «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР»¹⁸, в которой содержался детальный разбор процесса становления этнографической науки в Казахстане, особенно в аспекте исследования материальной и духовной культуры этноса, а также обширный очерк Г.Ф. Дахшлейгера «Историография советского Казахстана», ставший в дальнейшем эталоном при написании трудов историографического характера в республике¹⁹.

Г.Ф. Дахшлейгер определил основной круг дискуссионных вопросов, связанных с оценкой в исторических трудах обстоятельств аграрной колонизации Степного края. К ним он отнёс содержание и специфику патриархально-феодальных отношений в условиях казахского кочевого хозяйства, путей развития капитализма в регионе, универсальности опыта массового перевода казахов-кочевников к оседлости²⁰. Одной из главных идей, полемичность которой в исторической науке была отмечена автором, стала теория о переходе казахского патриархально-родового общества к социализму, минуя капиталистическую стадию, что оказалось возможным тогда, когда Казахстан был освобождён от колониального «рабства»²¹. По мнению Г.Ф. Дахшлейгера, основанном на анализе специальных исследований,

¹⁷ Нусупбеков А.Н. Развитие исторической науки в Казахстане за годы Советской власти // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1958. Вып.2; Нусупбеков А.Н., Шахматов В.Ф. Историческая наука в Казахстане в советский период // Наука в Казахстане за 40 лет Советской власти. Алма-Ата, 1957; Калистратов Н., Нурканов А. Изучение истории Казахстана к 40-летию республики // Учёные записки КазГУ. Т.48. Серия «История», Вып.7. Алма-Ата, 1961.

¹⁸ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.

¹⁹ Дахшлейгер Г.Ф. Историография советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. 189 с.

²⁰ Там же. С.127.

²¹ Там же. С.140.

бремя колониальной зависимости коренного населения проявлялось, прежде всего, в практике изъятия земель у кочевников²².

Очерковая традиция в составлении историографических работ продолжилась исследованием П.Г. Галузо в области оценки роли советской исторической науки в осмыслении аграрных процессов в Казахстане²³. В частности, в характеристике историографии аграрных отношений исследователь выделил две концепции: чиновничье-колонизаторскую и демократическую, доказав с опорой на труды по истории аграрной колонизации абсолютное доминирование первой. В центре внимания историографической рефлексии П.Г. Галузо – история сельского хозяйства в Степном крае, формы землепользования во второй половине XIX – начале XX вв., бюджеты переселенческих хозяйств, социальное расслоение в рамках переселенческой деревни и казахского аула²⁴.

В целом 1960-1970-е гг. в исторической науке Казахской ССР стали временем активной историографической рефлексии в системе координат концепции о добровольном характере и прогрессивном значении присоединения Казахстана к России и аграрной колонизации степных окраин империи, что предметно отразилось в работах В.Ф.Шахматова, Б.С.Сулейменова, В.Я.Басина, Н.Е.Бекмахановой и др.²⁵.

Среди работ историографического плана, написанных в 1980-е гг. и зафиксировавших опыт научной рефлексии исследования аграрно-колониационной проблематики, следует отметить фундаментальный

²² Там же.

²³ Галузо П.Г. Очерк советской историографии аграрных отношений в Казахстане в период капитализма. Алма-Ата: Б.и., 1971. 113 с.

²⁴ Галузо П.Г. Указ. соч.

²⁵ Шахматов В.Ф. Историография Казахстана // Очерки исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. т.1. 692 с.; Сулейменов Б.С. Проблемы истории дореволюционного Казахстана в советской историографии // Вестник АН КазССР, 1968, №1. С.46-53; Сулейменов Б.С., Басин В.Я., Турта В.В. Некоторые вопросы советской историографии присоединения Средней Азии и Казахстана // Изв. АН Каз. ССР. Серия обществ. 1971, № 10. С.211-218; Бекмаханова Н.Е. История дореволюционного Казахстана в новейшей советской литературе (1968 -1971) // Вопросы истории. 1972. №10. С.127-134.

труд Д.И. Дулатовой²⁶, в котором автор выявила, систематизировала и охарактеризовала основные выводы историков досоветского и советского периодов в сфере социально-экономической, политической и культурной жизни Казахстана. К числу основных сюжетов, подвергнутых историографическому анализу, стали вопросы переселенческого движения и колониальной политики, казачьей колонизации, аграрных отношений, механизмов функционирования кочевой модели цивилизации и т.д. Одной из важных особенностей исследования Д.И. Дулатовой стал культурно-антропологический подход в осмыслении выводов предшественников, что реализовалось, например, в фиксации автором процесса становления научных традиций в изучении культурного наследия казахского народа²⁷. Д.И. Дулатова, оценивая состояние и перспективы исследования широкого спектра вопросов аграрной колонизации, обозначила проблемы, выпадавшие из общего исследовательского контекста как в досоветский, так и в советский периоды. К ним она отнесла социальные последствия, вызванные дифференциацией аула и переселенческой деревни, а также сюжеты, иллюстрирующие процесс узурпации казахской аристократией общинных земель-кочевий²⁸.

В 1980-е – начале 1990-х гг. проблемы историографии аграрной истории Казахстана в национальной исторической науке всё чаще осваиваются в этнографическом и фрагментарно в источниковедческом аспекте, что было во многом обусловлено продолжительной во времени традицией изучения этногенеза казахов. В 1988 г. под редакцией академика АН КазССР М.К. Козыбаева, вышел сборник научных работ «Вопросы историографии и источниковедения Казахстана», в предисловии к которому составитель

²⁶ Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861-1917 гг.). Алма-Ата: Наука, 1984. 272 с.

²⁷ Там же. С.109.

²⁸ Дулатова Д.И. Указ. соч. С.170-171.

призвал к необходимости аналитического синтеза достижений советских учёных в области историко-этнографического, антропологического и источниковедческого изучения ключевых вопросов дореволюционной исторической проблематики²⁹. В этой связи в качестве приоритетных сюжетов, осваиваемых в рамках исследования колониционной проблематики, стали рассматривать вопросы этнодемографических последствий вхождения степных областей в состав России, определения исконных границ этнической территории коренного населения, взаимодействия казахского населения, казачества и крестьянства между собой и с представителями этнических и сословных групп в других регионах³⁰, обоснования этнологического типа, языка, материальной и духовной культуры казахов³¹, характеристики социальных отношений и классовой борьбы казахского крестьянства³².

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. история этнологического изучения народов Средней Азии и Казахстана специализированными научными учреждениями, выполнявшими имперские функции в досоветский и ранний советский периоды, получает оценку в историографических работах Б.Х. Кармышевой, К.А. Акишева, Х.А. Аргынбаева, Н. Алимбаева, Э.Ж. Валиханова и др.³³.

Процесс становления национальных исторических школ в 1990-е – 2000-е гг. не только поставил историков перед проблемами

²⁹ Вопросы историографии и источниковедения Казахстана: дореволюционный период. Алма-Ата: Наука, 1988. С.3.

³⁰ Герасимова Э.И., Бекмаханова Н.Е. Проблемы политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII – XIX вв. (70-е-80-е гг.) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана: дореволюционный период. Алма-Ата: Наука, 1988. С.25-50.

³¹ Алимбаев Н., Аргынбаев Х. Историко-этнографические проблемы истории дореволюционного Казахстана в историографии конца 30-х – 50-х гг. // Там же. С.87-134.

³² Касымбаев Ж.К. Основные проблемы и задачи изучения классовой борьбы казахского крестьянства в советской историографии (конец XVIII – начало XX вв.) // Там же. С.5-25.

³³ Кармышева Б.Х. Этнологическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып.10. С.38-62; Акишев К.А., Аргынбаев Х.А., Алимбаев Н. Археологическое и этнографическое изучение Казахстана // Историческая наука советского Казахстана (1917-1960): Очерки становления и развития. Алма-Ата: Гылым, 1990. С.43-60; Валиханов Э.Ж. Деятельность РГО по изучению экономического и общественного положения казахского народа на рубеже XIX – XX вв.: дис...канд. ист. наук. Алма-Ата, 1989. 212 с.

переоценки содержания аграрно-колониальной политики Российской империи в административно-территориальных границах Степного края, переформатирования терминологического аппарата, но и изменения теоретико-методологических подходов к исследованию проблемы, что в значительной степени ориентировало представителей научно-исторического сообщества России и Казахстана к переосмыслению историографической рефлексии предшественников.

Оценка развития историографической традиции аграрного освоения Степного края в современной российской исторической науке формируется в контекстных рамках методологического поворота, обращения историков к концепту «империя» и научно-исследовательским практикам «новой имперской истории». В данном плане анализ историографического опыта исследования аграрных сюжетов инкорпорации окраин осуществляется в двух направлениях.

Во-первых, в аспекте актуализации историографических подходов, в рамках которых в центре внимания исследователей оказывались вопросы взаимодействия имперских властей и местных сообществ, системных взаимоотношений между центром и регионами в специфических этноконфессиональных и социокультурных условиях инкорпорации окраин в общеимперское пространство.

Во-вторых, с позиции конструктивной критики несостоятельности тех приёмов и методов историографического анализа вопросов колониальной истории, которые стали осваиваться в российской и казахстанской исторической науке в условиях «парада суверенитетов», пробуждения национального самосознания, роста «великодержавной» реакции начала 1990-х гг.

Оба направления, отразившие состояние и напряжение историографической рефлексии, наиболее ярко проявились в диссертациях, научных монографиях, очерках, статьях, выступлениях на конференциях таких исследователей, как А.В. Ремнёв, Л.М.

Дамешек, И.Л. Дамешек, Е.В. Безвиконная, Н.Г. Суворова, Б.К. Айтенова, Н.Н. Сорока, М.К. Чуркин, Б.С. Токмурзаев, А.В. Филимонов и др.³⁴.

Оценивая эволюцию историографической традиции в исследовании аграрной колонизации Степного края, современные российские исследователи сделали ряд фундаментальных выводов. В частности, историками признано, что относительно не высокое напряжение историографической рефлексии эпизодов аграрной колонизации в досоветский период объясняется общей злободневностью колониационной проблематики, что направляло исследовательскую активность в русло публицистической, а не научной полемики. В советской исторической науке историографическое осмысление опыта аграрной колонизации окраин, в том числе и Степного края, было подчинено идеологическим задачам имперского и национального строительства, что снижало продуктивность выводов исследователей при наличии одной позитивной тенденции: интенсивного расширения источниковой базы

³⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. 236 с.; Он же. Западно-Сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (Биографические очерки) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.): Краеведческий сборник / Под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994. С.5-31; Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества: мат-лы международной науч. конференции к 75-летию Л.М. Горюшкина. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2002. С.105-108; Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в. Омск: Б.м., 2005. 239 с.; Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2007. № 11 (29). С. 132 – 179. (в соавторстве с А.В. Ремневым); Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.; Айтенова Б.К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в Казахской степи: дис... канд. ист. наук. Омск, 2007. 203 с.; Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX - начала XX вв.: дис... канд. ист. наук. Омск, 2009. 190 с.; Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX вв.: историографическая традиция и исследовательские практики // Вестник Томского государственного университета. № 406. Май. 2016. С. 158-164; Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX - начала XX вв.: дис... канд. ист. наук. Омск, 2016. 252 с.; Филимонов А.В. Финансирование переселенческого дела на воточных окраинах Российской империи: государственная политика и практики второй половины XIX - начала XX вв.: дис... канд. ист. наук. Омск, 2017. 261 с.; Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, В. П. Шахеров, А. С. Маджаров, Т. А. Перцева. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 261 с.

вопроса³⁵. В постсоветское время критика историографической традиции аграрной колонизации Степного края первоначально осуществлялась в рамках формирующихся национальных исторических школ и историографических дискурсов – постколониального в России и колониального в Республике Казахстан³⁶. Расположение национальных научно-исторических школ в разных «галактиках» дискурса дало основание А.В. Ремнёву для конструктивной критики казахстанской историографической традиции, в ходе которой историком были обозначены телеологичность подходов, не оставляющих места исторической альтернативности, неясность в определении предмета национальной истории, доминирование колониального и национального нарративов в оценках историографического опыта, «колониальный возврат» в историографической рефлексии, что повлекло не только восстановление советской риторики, но и реанимацию тех сюжетных линий в историографических описаниях, которые фиксировали внимание лишь на «травматических» аспектах истории Степного края (Казахстана) в составе России³⁷.

В этой связи следует отметить, что историографическая рефлексия широкого спектра вопросов аграрного освоения Степного края в исторической науке Республики Казахстан в последние двадцать пять лет происходила в интеллектуальных и социокультурных границах «переживания травмы колонизации», что повлекло за собой двойственные результаты. С одной стороны, в казахстанской исторической науке в условиях национального возрождения очертился интерес к дореволюционному периоду национальной истории и, как следствие, анализу в произведениях историографического характера

³⁵ Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX вв...С.158-164.

³⁶ См. об этом: Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio*. № 1. 2011. С.169-205.

³⁷ Ремнёв А.В. Указ. соч. С.185.

оценочных суждений имперского периода историографии второй половины XIX – начала XX вв., в которых наиболее последовательно и предметно изучалась именно аграрная составляющая российской колонизации. Всё это в целом способствовало расширению спектра обсуждаемых вопросов колониального прошлого Казахстана, усилило полемичность в обсуждении колониационного нарратива в аспекте переживания «травмы» колонизации. Стремление сформулировать новый подход к оценке историографической традиции аграрной колонизации степных областей, руководствуясь соображениями восстановления исторической справедливости, наглядно продемонстрировано в работах обобщающего историографического характера 1990-х – 2000-х гг. таких казахстанских историков как И.М. Козыбаев, М. Сембинов, С.Ф. Мажитов, С.К. Игибаев, В.З. Галиев, З.Т. Садвокасова, А. Шарипова и др.³⁸.

В частности, З.Т. Садвокасова подвергла детальному разбору весь тематический спектр исследований колониационной проблематики в казахстанской историографии новейшего времени, акцентируя внимание на таком интересном факте, как дискуссионность и альтернативность выводов историографического характера, что было немыслимо или крайне ограничено в работах республиканских историков советского периода³⁹. Вместе с тем исследователь констатирует отчётливую историографическую доминанту негативного восприятия представителями научного сообщества Казахстана последствий аграрно-колониационных процессов в Степном крае, что

³⁸ Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата: Руан, 1990. 125 с.; Он же. Историческая наука Казахстана в 40 - 80-е гг. XX века. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 149 с.; Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999; Мажитов С.Ф. Вопросы методологии изучения характера колониального господства России в контексте истории Казахстана начала XX века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994. С. 62-73; Игибаев С.К. Историография Казахстана. Древность – начало XX века. Усть-Каменогорск Б.и., 2012. 183 с.; Галиев В.З. Национально-освободительное движение казахского народа в свете новых исследований // Мысль. 1993. № 4; Садвокасова З.Т., Шарипова А. Современная историография по проблеме колонизации Казахстана // Вестник КазНУ. Серия историческая. №1 (76). 2015 С.27-34;

³⁹ Садвокасова З.Т., Шарипова А. Указ. соч. С.27-34.

наглядно проявилось в сохранении риторических приёмов, свойственных антиколониальной историографии: «казачество как инструмент подавления национальных выступлений», «приход колонизатора...несёт бедствие для жителей метрополии», «в глазах завоевателей...местный житель-туземец представлял собой аборигена, не обладающего правам претендовать на лучшую долю» и т.п.⁴⁰

С другой стороны, часть историков Республики Казахстан в осмыслении историографических подходов и практик к оценке аграрно-колониационного прошлого отличается большей лабильностью и склонностью к компромиссу и коммуникациям с российской исторической школой, о чём свидетельствуют работы, в которых так или иначе содержатся характеристики историографической традиции аграрной колонизации.

Так, исследователи И.В. Ерофеева и Д.Я. Фризен, размышляя о современном историографическом опыте исследования колониационной проблематики, обращают внимание на то, что критика марксистско-ленинской методологии в казахстанской историографии способствовала росту национальной репрезентации истории, актуализировав мифотворчество не только далёкого прошлого Казахстана, но и событий второй половины XIX – начала XX вв.⁴¹.

Ж.А. Еремекбай в статье, посвящённой вопросам истории Казахстана в творчестве А.В. Ремнёва, обратил особое внимание на продуктивность исследовательской коммуникации научных школ как один из эффективных способов преодоления историографического

⁴⁰ Там же. С.30.

⁴¹ Ерофеева И. В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремистификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана: сб. науч. ст. Алматы, 2007. С.14-22; Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии республики Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. науч. ст. Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 181.

мифотворчества и объективизации знания о сложных и многомерных проблемах колонизации. По мнению учёного, обращение современных российских исследователей к категории «империя» и научным практикам «новой имперской истории» способствовало выведению историографии вопроса за пределы «исторической политики», переместив в пространство дискурса проблем имперской географии власти, политико-географических образов востока, что открыло возможности для переосмысления историографических подходов к аграрной колонизации Степного края досоветского и советского периодов⁴².

Вопросы аграрной колонизации Степного края как части имперской колонизационной парадигмы России неоднократно попадали в поле зрения западных историков. Очевидно, что в западной историографии был в достаточной степени освоен комплекс дореволюционной монографической литературы и публицистики, отразившей злободневность колонизационной проблематики. Работы советского и раннего постсоветского периодов в силу серьёзных идеологических и методологических расхождений либо не являлись предметом исследования в трудах европейских и американских учёных, либо становились предметом ожесточённой критики. Наиболее последовательно позиции советской историографии (и её национального казахстанского сегмента) обсуждались в западной исторической науке в связи с концепцией добровольного присоединения Казахстана к России, что так или иначе актуализировало и полемику по аграрно-колонизационным составляющим вопроса. В 1950-х – 1980-х гг. критическое осмысление историографической традиции «добровольного присоединения» Казахстана, проблем переселенческого движения и

⁴² Ермекбай Ж.А. Вопросы истории Казахстана в трудах профессора А.В. Ремнёва // Азиатская Россия: люди и структуры империи / Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр «КАН», 2016. С.21-25.

аграрной политики в регионе было представлено в работах Дж. Уилера, Х. Лансделла, Д. Тредгольда, С. Зеньковского, Л. Крайдера, Э.Д. Сокола и др⁴³.

Знаменательным фактом, запечатлевшим основные вехи критического подхода к оценке советской историографии колонизации и её аграрного аспекта, стала работа Махмета Кулмагамбетова, бывшего сотрудника Института философии АН КазССР, эмигрировавшего на Запад в 1979 г. В 1983 г. в общественно-политическом журнале «Форум» была опубликована его статья, посвящённая празднованию в СССР 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России⁴⁴, в которой автор по сути дела сформулировал основные претензии западной исторической науки к советской историографии вопроса. М. Кулмагамбетов озвучил негативное отношение западной историографии к мифу о торговых и земледельческих нуждах казахского народа, якобы удовлетворённых в результате российских колонизационных мероприятий, позитивных результатах русификации и седентаризации коренного населения, лояльной политики царизма в отношении казахов и казахских земель⁴⁵. Примечательно, что аргументы исследователя в пользу насильственных действий имперской администрации выстраиваются с опорой на национальный сегмент историографического опыта предшественников, в частности, на труды российских и казахских историков Е. Бекмаханова, С. Сейфулина, С. Асфендиарова, Т. Рыскулова⁴⁶.

⁴³ Wheeler G. The Modern history of Soviet Central Asia. L., 1964. p.40; Henry Lansdell . Russian Central Asia, vol. 1, p. 1; «The Encyclopedia Americana». New York, Chicago, 1-944 edition, vol. 16, p. 354; Donald M. Treadgold . The Great Siberian migration; Government and peasant in resettlement from emancipation to the First World War. Princeton, 1957; S. Zenkovsky. S. American research on Russia's moslems // «The Russian Review», 1959, vol. 18, N. 3, p. 201; Krader L. Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology. 1955, vol. II. N. 2, pp. 67-92; Sokol E.D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor, 1954.

⁴⁴ Кулмагамбетов М. По поводу 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России // Форум. Общественно-политический журнал. № 2. 1983. С.125-134.

⁴⁵ Там же. С.126.

⁴⁶ Кулмагамбетов М. Указ. соч. С.129.

Таким образом, подводя итог осмыслению в исторической науке историографической традиции аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XXI вв., отметим, что учёными России и Казахстана была проделана большая работа по фиксации основных принципов и подходов исследователей к оценке аграрно-колониационных процессов и их эволюции во второй половине XIX – начале XXI столетий. В обобщающих сочинениях историографического характера достаточно полно освещены вопросы оценочного содержания общих проблем колонизации: аграрной и переселенческой политики, административно-территориального управления, инкорпорации сословий и этнических групп в социальное пространство империи, взаимоотношений переселенческого контингента и индигенного населения региона. Вместе с тем, в историографии недостаточно полно освещены контекстуальные условия генезиса, формирования и эволюции российской и казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края в рассматриваемый период, а также факторы и обстоятельства, обеспечившие преемственность сформулированных в рамках историографических дискурсов России и Республики Казахстан подходов, оценочных выводов и исследовательских практик в связи с реализацией процесса инкорпорации Степного края в имперское пространство.

Объект исследования – интеллектуальное и коммуникативное пространство российской и казахстанской историографии второй половины XIX – начала XXI вв.

Предмет исследования – аграрная колонизация Степного края в российской и казахстанской историографической традиции (вторая половина XIX – начало XXI вв.).

Цель исследования – раскрыть контекстуальные условия генезиса, формирования и эволюции российской и казахстанской

историографической традиции аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

Достижение поставленной в диссертационном проекте цели реализуется посредством решения следующих *задач*:

1. Определить ключевые признаки российской и казахстанской историографической традиции второй половины XIX – начала XXI вв.;
2. Обосновать содержание, принципы и логику подходов к оценке аграрной колонизации Степного края в советской историографии;
3. Выявить основные позиции современной российской историографии в характеристике процессов аграрного освоения и имперской инкорпорации Степного края в условиях «постколониального» дискурса;
4. Установить факторы и обстоятельства формирования национальной историографической традиции аграрной колонизации Степного края в трудах и практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв.;
5. Раскрыть содержание подходов к оценке земледельческой колонизации степных окраин империи в национальном (казахстанском) сегменте советской историографии;
6. Выявить модели интерпретации сюжетов аграрной колонизации Степного края в научно-исследовательской полемике историков Республики Казахстан.

Хронологические рамки работы охватывают период второй половины XIX – начала XXI вв., что обусловлено следующим. Вторая половина XIX столетия стала временем массовых аграрных переселений в Степной край, разработки имперских проектов управления и инкорпорации региона в общегосударственное пространство, становления принципов национальной политики в отношении коренного населения и т.д. Всё это в целом способствовало включению в «колониционное» дело общественно-политических сил,

в том числе и казахской национальной интеллигенции. Именно в трудах современников и непосредственных участников событий: экономистов, статистиков, деятелей науки и культуры, выполнявших так или иначе функцию имперских экспертов, были запечатлены те сходства и оппозиции в оценке широкого спектра аграрно-колониционных мероприятий, которые легли в основание российской и казахстанской историографической традиции исследуемого вопроса.

На рубеже XX - XXI вв. в обстоятельствах распада СССР и возникновения суверенных государств - Российской Федерации и Республики Казахстан - рельефно обозначились принципиальные расхождения в оценках содержания и исторического значения аграрной колонизации Степного края в контексте империостроительства на восточных окраинах. Вместе с тем изменения в исторической науке, обращение к современным исследовательским подходам и практикам в условиях активной научной коммуникации историографических школ открыли дополнительные возможности для выхода на новый качественный уровень исследования заявленной проблемы.

Методологическая база исследования. Настоящий диссертационный проект носит историографический характер и по замыслу соотносится с предметным полем *«новой культурно-интеллектуальной истории»*, базируясь на традиционных для историографических работ исследовательских методах. В отличие от исходной концепции *«интеллектуальной истории»*, озвученной в работах А. Лавджоя, предполагавшей лишь создание максимально полной биографии изучаемых идей, описание её стадияльной манифестации в разных сферах интеллектуальной жизни⁴⁷, в параметрах *«новой культурно-интеллектуальной истории»* происходит замещение *«интерналистского»* подхода *«контекстуальным»*. По

⁴⁷ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.

определению Л.П. Репиной, в условиях контекстуального подхода история науки рассматривается как одна из форм общественной деятельности и часть культуры, которая не может исследоваться изолированно от социального, политического и других аспектов интеллектуальной истории⁴⁸. В этой связи историографическая практика обладает имманентной способностью к синтезированию таких своих составляющих, как история исторической мысли, история исторической науки и история исторического знания, функционирующих в широком социокультурном контексте. Методологический потенциал «новой культурно-интеллектуальной истории» позволяет исследователю выйти за пределы узкого фарватера долгосрочной историографической модели, ориентированной исключительно на анализ учений и концепций, смещая рефлексию в плоскость исследования творческого процесса их создания и осмысления, что адекватно вписывается в онтологический постулат Р. Барта о недоступности для историка познания объективной реальности, поскольку он имеет дело с её образами, порождающими «эффект реальности»⁴⁹.

Ключевым в диссертационном исследовании является понятие «историографическая традиция», определяемое в качестве концептуальной преемственности подходов, оценочных суждений и исследовательских практик в связи с реализацией процесса инкорпорации Степного края в имперское пространство, сформулированных в рамках историографических дискурсов России и Республики Казахстан. Таким образом, одним из элементов исследовательского подхода в границах «новой культурно-интеллектуальной истории» является признание активной роли языка, текста и нарративных структур в конструировании исторической

⁴⁸ Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Вестник РОИИ. №1, декабрь 2001. С.5.

⁴⁹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 392-400

реальности, другими словами, *дискурсивных практик*, предполагающих существование единого концептуального пространства образуемого тематически связанными текстами⁵⁰. В целом в контексте исследовательских практик «новой культурно-интеллектуальной истории» историография выполняет функцию концентрированной ретрансляции коллективной памяти об историческом прошлом, восстанавливает модели интерпретации исторических сюжетов в продолжительной исторической ретроспективе, через познание творческих и личностных аспектов научной деятельности. Признание поликонтекстуальности процесса формирования историографической традиции аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. ориентировало автора на привлечение к исследованию *социологической теории сообществ (communities)* Ф. Тенниса. По мнению учёного, сообщество подразумевает социальные отношения, характеризующиеся доверительностью, эмоциональной глубиной, сплочённостью и продолжительностью во времени. В концепции Ф. Тенниса понятие сообщества предполагает упорядоченный набор связей и отношений, продуцируемых общей идентичностью, формирующейся в практиках кооперации, сотрудничества и объединения⁵¹. Обращение к концепции Ф. Тенниса позволило проследить сложные процессы функционирования научных сообществ России и Казахстана на разных стадиях изучения проблем аграрной колонизации Степного края, выработки в рамках научных школ и направлений единства взглядов, позиций, общности и преемственности исследовательских принципов, методов и практик.

⁵⁰ См. об этом: Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.; Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (дата обращения: 18.08.2018) doi: 10.17759/langt.2015020202

⁵¹ «Community» // The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by Gordon Marshall. NY., Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 72-73.

Продолжительный опыт совместной научной и общественно-политической деятельности способствовал формированию общей профессиональной идентичности, что предопределяло выбор коммуникативных стратегий и подходов к оценке исторических явлений, связанных с аграрно-колониационным процессом.

Одним из смыслообразующих методологических принципов диссертационного исследования является *принцип историзма*, который реализуется посредством утверждения идеи о том, что любое историческое явление может быть осмыслено лишь в контексте исторической динамики, с учётом конкретных условий и причинно-следственных характеристик. В практическом плане, в связи с темой диссертационного проекта, процесс генезиса, утверждения и эволюции подходов историографических школ к проблеме аграрной колонизации Степного края рассматривается с учётом государственно-политической, экономической, интеллектуальной и социокультурной ситуации эпохи.

Сообразно с *принципом системности* научные корпорации историков, выступающие в диссертационном исследовании в качестве транслятора представлений о характере, действующих акторах и содержании процесса аграрной колонизации Степного края, являются частью общества как сверхсложной саморегулирующейся системы с многообразными и изменчивыми связями, что дало возможность установления корреляции между подходами исследователей к оценке исторических факторов аграрного освоения степных территорий с общественно-политическими настроениями, идеологическими и культурными конвенциями второй половины XIX – начала XXI вв.

В исследовании оказались востребованы специальные методы: проблемно-хронологический, историко-сравнительный, а также метод деконструкции историографического дискурса.

Проблемно-хронологический метод дал возможность выявить

базовые элементы рефлексии ключевых проблем аграрной колонизации Степного края в контексте влияния на представления историков идейно-политических конвенций той эпохи, в рамках которой реализовывалась деятельность научного сообщества.

Историко-сравнительный метод позволил установить факторы эволюции российской и казахстанской историографической традиции в продолжительной исторической ретроспективе, определить сходства и оппозиции в оценках учёных формальных и содержательных аспектов аграрной колонизации региона.

В основу применения метода деконструкции историографического дискурса был положен принцип типологизации, предполагающий деление дискурса на первичный и вторичный. В соответствии с таким делением первичный дискурс содержит по преимуществу исторический нарратив, включающий непосредственную реакцию исследователей на событийную канву аграрной колонизации посредством обработки информации, содержащейся в первоисточниках. Во вторичном дискурсе задействовано историческое сознание исследователя, его восприятие и интерпретация события. Тем самым вторичный историографический дискурс дополняется личным интеллектуальным и научно-исследовательским опытом самого историка. Таким образом, признание того факта, что историк воссоздаёт событие в собственном сознании, так или иначе переживая внутренний опыт его непосредственных участников - носителей сообразных эпохе языковых практик, дало возможность более детального проникновения в представления исследователей о нюансах аграрно-колониционных мероприятий Российской империи в колонизируемом регионе.

Источниковая база диссертационной работы. Поставленные в диссертации задачи решались в исследовании с опорой на комплекс историографических источников. В силу специфики работы,

предметным полем которой является актуальное историческое знание в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории, систематизация, характеристика и критика источников осуществлялись в соответствии с подходом, в котором историографический источник определяется как произведение историка, реализующее функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного⁵². Задействованная в данном блоке диссертации феноменологическая концепция источниковедения предполагает обращение к феноменам сознания⁵³, отражающихся в представлениях о событиях самих историков, реализующих свой научный потенциал в границах пластичной и подвижной социокультурной системы.

В диссертации в качестве источников использованы научные исследования, в которых репрезентировались представления и подходы историков разных поколений к оценке содержательных аспектов аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.: монографии, тематические публикации в сборниках научных статей и периодической печати, материалы научных и научно-практических конференций, материалы сессий и заседаний академических учреждений СССР и её республиканских отделений.

Первую группу источников составили труды монографического характера (в том числе диссертации), в которых зафиксированы представления исследователей о содержании процесса аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. Специфика данной группы источников заключается в разновременном происхождении текстов и, как следствие, в различных уровнях и

⁵² Казаков С.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов // 150 лет на службе науки и просвещения: сб. материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5-6 декабря 2013 г. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2014. С.422.

⁵³ Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 2. 2006. С.15

качестве рефлексии проблемы. Так, первые работы, посвящённые аграрно-колониционным мероприятиям в исследуемом регионе, были написаны во второй половине XIX – начале XX вв. непосредственными очевидцами и участниками событий, что придавало им отчётливый рецептурно-рекомендательный формат. Совершая служебные командировки в области Степного края под эгидой имперских учреждений, такие исследователи, как А.А. Кауфман, Н.Н. Балакшин, А.А. Исаев, Т.И. Седельников, Ф.А. Щербина, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, И.М. Ямзин, В.П. Вошинин и др., собрали ценный материал о переселенческом движении, правительственной переселенческой и аграрной политике, образе жизни, материальной и духовной культуре коренного населения, взаимоотношениях переселенцев и старожилов, сословных группах региона⁵⁴. В результате произошёл значительный прирост фактического материала по истории аграрной колонизации Степных областей Зауралья. Работы современников событий, исследователей досоветского периода имеют источниковую ценность и в аспекте идейных расхождений в оценке колониационного процесса (официально-консервативная и либеральная позиция), определения движущих сил, основных субъектов аграрного продвижения в регион, потенциальных возможностей и перспектив развития кочевого хозяйства в условиях расширения имперского пространства России. В данном отношении ценный материал содержится в трудах

⁵⁴ Кауфман, А.А. Переселение и колонизация: [С прил.] / А. А. Кауфман. – СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1905. IX, 349, 81 с.: табл. (Библиотека "Общественной Пользы"). Ч. 1. Государство и переселения. 1861-1894. Ч. 2. Переселения, их причины и значение для народного хозяйства; Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.; Тип. МВД, 1887. 56 с.; Исаев, А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.; Седельников, Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колониационная политика правительства). СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.; Щербина, Ф.А. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 48 с.; Потанин, Г.Н. Материалы для истории Сибири. М: Унив. типография (Катков и К) на Страстном бульваре, 1867. 172 с.; Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.; Ямзин, И.Л., Вошинин, В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л.: Гос. издательство, 1926. 332 с.

представителей формировавшейся в этот период казахской национальной интеллигенции, отразившей в своих работах не только базовые характеристики «инородческого» быта и моделей производственных отношений, но и реакцию на восприятие имперской властью коренного населения как реакцию зависимой категории, «субалтернов» империи⁵⁵.

Работы советских историков представляют интерес с точки зрения постоянной аккомодации новых источников, что было обусловлено идейно-политическим контекстом исследования вопросов аграрной колонизации Степного края в период существования СССР. В условиях действия в 1920-х гг. доктрины «империи положительной деятельности», институционализация которой сопровождалась жесткой критикой административной и переселенческой политики самодержавия, в том числе и в отношении индигенных народов, в эпицентре исследовательского интереса новых поколений историков прежде всего оказывались сведения законодательного и делопроизводственного характера, используемые как неопровержимое доказательство преступлений «царизма» и российского имперского колониализма⁵⁶. Вместе с тем в трудах исследователей как российского, так и казахстанского национального сегмента советской историографии и этнографической области знания, в русле политики деколонизации национальных меньшинств, содержались ценные сведения об опыте хозяйственной деятельности и быте казахов,

⁵⁵ См. например: Валиханов Ч.Ч. О кочевках киргиз // Ч.Ч. Валиханов / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 105-109; Он же. О мусульманстве в степи // Ч.Ч. Валиханов / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 71-76; Букейханов, А.Н. Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. // Тандамалы (избранное) / Глав. ред. Р. Нургалиев. А.: «Казак энциклопедиясы», 1995. 216 с.

⁵⁶ См. об этом: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. Л.: Прибой, 1925. 302 с.; Карпов Н. Аграрная политика Столыпина Л.: Прибой, 1925. 238 с.

медико-санитарных условиях жизни кочевого населения, промыслах, ремёслах, духовной культуре⁵⁷.

В дальнейшем в обстоятельствах перестройки идеологического контекста осмысления сюжетов аграрной колонизации Степного края и последовательного утверждения доктрины «относительного зла» и концепции добровольного присоединения Казахстана к России процесс приращения и внедрения в канву монографических работ источников законодательного и делопроизводственного характера продолжался, менялись лишь акценты в их интерпретации⁵⁸.

Среди историографических источников современного периода следует выделить научные монографии таких исследователей, как А.В. Ремнёв, И.Л. Дамешек, Н.Г. Суворова, М.К. Козыбаев, Н.Э. Масанов, З.Т. Садвокасова, А.К. Рахимбекова, Б.С. Токмурзаев и др.⁵⁹. В трудах названных авторов проблемы аграрной колонизации Сибири и окраин, включая Степной край, рассматриваются в двух контекстах.

⁵⁷ См. например: Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. Т.36. 551 с.; Самойлович А.М. Казахи Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области // Казахи: сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л.: Издание АН СССР, 1930. Вып.15. С.303-328; Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов // Материалы комиссий экспедиционных исследований / // Казахи: сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л.: Издание АН СССР, 1930. Вып.15. С. 1-72; Шонанулы Т. Жер тагдыры - ел тагдыры. Алматы: Санат, 1995, 224 б.; Тынышпаев, М. История казахского народа. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. 224 с.

⁵⁸ См. например: Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 1977; Фёдорова Е.Д. Организация переселения крестьян в Иркутскую губернию во второй половине XIX – начале XX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: НГПИ, 1986. С.70-91; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986.

⁵⁹ Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков (под общей редакцией Н.Г. Суворовой). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.; Ремнёв А.В., Суворова, Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века.. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.; Дамешек И.Л. Окраинная политика России во второй половине XIX в.: автореф. дисс...канд. ист. наук. Иркутск, 1998; Масанов Н.Э. Указ. соч.; Козыбаев, М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Кн.1 / М.К. Козыбаев. Алматы: Изд-во: «Галым», 2000. 248 с.; Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков). Алматы: Қазақ университеті, 2005. 339 с.; Рахимбекова А. К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004. 29 с.; Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX – начала XX вв.: дис...канд. ист. наук. Омск, 2016. 252 с.

В современной российской историографии вопроса активно задействуются научно-исследовательские подходы и практики «новой имперской истории», что значительно видоизменило горизонты видения проблемы аграрной колонизации, расширило видовой спектр привлекаемых источников, усложнило методику их интерпретации. В монографиях российских историков, оперирующих как традиционным (делопроизводство, законодательство, статистика) массивом источников, так и с недавнего времени активно включаемым в исследовательский оборот блока эго-текстов, наблюдается смещение акцентов с характеристики события к оценке состояния, что обеспечивает внедрение исследователя в дискурс эпохи и, как следствие, предоставляет шанс поливариативной оценки деятельности империи в колонизируемом регионе.

В монографиях и диссертациях историков республики Казахстан в настоящий период источник позиционируется главным образом как поставщик информации о тех сюжетах аграрной колонизации Степного края, которые так или иначе демонстрируют «болевы точки» национальной истории, свидетельствуют о восприятии российской аграрной колонизации региона в рамках концепций «абсолютного» и «относительного зла».

Вторая группа источников включает тематические публикации в периодической печати, сборниках научных статей, материалах научных и научно-практических конференций.

Материалы периодической печати в дореволюционный период выполняли функцию коммуникационного пространства представителей общества и науки, являлись одним из коллекторов и каналов репрезентации историографической традиции. Результаты научной экспертизы территорий, входящих в поле аграрной колонизации, регулярно публиковались в полемических статьях, заметках, сообщениях на страницах специализированных общественно-

политических изданий второй половины XIX – начала XX вв. Принадлежность этих изданий к различным политическим и идейным платформам даёт возможность выявления не только фактической составляющей аграрной колонизации Степного края, но и содержания историографического дискурса эпохи, совпадения и расхождения в оценке исследователями причин, хода, результатов и перспектив реализации имперских колонизационных практик в регионе освоения⁶⁰.

В советский период, с утверждением марксистско-ленинского методологического подхода к истории, периодические издания часто становились плацдармом, разрабатывающим и ретранслирующим идейно-политическую установку власти в оценке того или иного исторического события или явления. Так, например, в одном из академических журналов СССР «Вопросы истории» в 1951 г. было опубликовано знаменитое «письмо в редакцию» М.В. Нечкиной, определяющее «генеральную линию» историографии исследований аграрной колонизации Казахстана как добровольное присоединение к России⁶¹. Источниковая ценность подобных материалов в характеристике историографической традиции проблемы заключается в том, что авторитетное мнение становилось основанием для новой расстановки акцентов в интерпретации источников, инициировало

⁶⁰ См. например: Записки ЗСОИРГО: издание Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1878-1927. 1893. Кн. XV, XVI; Омск, 1894. Кн. XVII; 1897. Кн. XXI; 1900. Кн. XXVII; Семёнов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества // Записки ЗСОИРГО. Т. XXXIX. Юбилейный. Омск: Издание ЗСОИРГО, 1927; Вопросы колонизации: периодический сборник / ред.: № 1 - О. А. Шапский, № 2-3 - Г. Ф. Чиркин и А. В. Успенский, № 6-19 - Г. Ф. Чиркин и Н. А. Гаврилов, № 20 - Г. Ф. Чиркин. № 1 (1907)-№ 20 (1917). СПб., Петроград, 1907-1917. 1907. №1, 2; 1908. № 3; 1910. № 7; 1912. № 11; 1914. № 14; Русский вестник: литературный и общественно-политический журнал / ред. М.Н. Катков. М., СПб., 1856-1906. 1882. Т.157, Т.160; 1883. Т.164; 1884. Т.174; 1885. Т.177; 1886. Т.182; 1890. Кн.11; 1906. Кн.12; Сибирские вопросы: периодический сб., с 1906 г. – независимый прогрессивный журнал О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта / ред. П. М. Головачёв, с 1909 г. – ред. А. И. Иванчин-Писарев; изд. В. П. Сукачев, 1905–1913. СПб.: тип. Альтшулера, с августа по ноябрь 1908 г. Тип. И. Флейтмана. С 1-го июля 1906 г. – ежемес. С 1-го апреля 1907 г. (с № 4). Ежегод. 1912. № 18; Восточное обозрение: лит. и полит. газета. Иркутск. Ежедн. 1882. № 12, 13, 19; 1883. № 23; 1885. № 5; 1887. № 3; 1888. № 5, 50; Киргизская степная газета: особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским обл. ведомостям. Омск, 1888-1905. 1894. 19 мая; Степной край: обществ.-полит. и лит. газ. / ред.-изд. Л. К. Чермак. Омск, 1893–1905. 2–3 раза в нед. 1895. 19 октября. № 76.

⁶¹ Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (Письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. №4. С.44-48

публикации в идеологически «правильном» направлении, что позволяет констатировать факт влияния власти «советской империи» на исследовательскую деятельность и научные выводы историков⁶².

Периодическая печать как источник на современном этапе исследования проблемы имеет одну существенную особенность. Отечественная периодическая печать (газеты и журналы) эпохи формирования новой российской государственности к сюжетам аграрной колонизации Степного края не обращалась, сосредоточив внимание преимущественно на «белых пятнах» советской истории. В то же время в периодике Республики Казахстан тема присоединения к России получила широкую прессу. Статьи и публикации по этому поводу позволяют выявить природу мифотворчества на раннем этапе существования современной казахстанской историографической традиции, в основе которой лежит отношение к историческому опыту и практикам российской колонизации как к национальной «травме»⁶³.

В реконструкции содержания и эволюции российской и казахстанской историографической традиции аграрной колонизации степных областей Зауралья знаковую роль играют такие источники, как сборники научных статей, опубликованные материалы научных конференций. Происходящий в заочном или очном формате обмен мнениями позволяет уточнить позиции историографических школ, совпадения и расхождения во взглядах на предмет исследования, понять логику рассуждений и аргументов сторон. При работе над диссертацией наиболее востребованными оказались научные сборники

⁶² Якунин А.О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11. С.83-86; Брагинский И.С., Раджабов С.А., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Там же. 1953. №8. С.21-40; Зиманов С.З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 12. С.63-67; Он же. Общественный строй казахов в первой половине XIX в. Алма-Ата: АН Каз. ССР, 1958. 293 с.

⁶³ Козыбаев М.К. «История России есть история страны, которая колонизируется»// Столичное обозрение. 2.05. 1998; Назарбаев Н.А. Нравственный и политический выбор интеллигенции // Казахстанская правда, 18.03.1998; Он же. Слово об Абае//Казахстанская правда. 1995. 10 августа.; Э. Ж. Валиханов. Колониализм и земельный вопрос // Заря. 1993. № 4. С. 10-11; Аимбетов А. Первый человек был узбеком // Казахская правда. 2003. № 2.

и материалы конференций, опубликованные в постсоветский период, поскольку им в значительной мере свойственен демократизм, плюрализм мнений и представлений в оценке содержательных аспектов аграрно-колониационного процесса. Кроме того, существенным является предметно выраженный методологический формат научных сборников и конференций 1990-х – 2000-х гг. с кардинально изменёнными научно-теоретическими и источниковедческими подходами к решению научной проблемы⁶⁴.

К третьей группе источников относятся материалы сессий и заседаний АН СССР и её республиканских отделений, а также РАН и

⁶⁴ См. например: Ремнёв А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. № 2. С.79-85; Он же. Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2002. С.102; Он же. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio. № 1. 2011. С.170 – 178; Кузнецов Д.В. Работа администрации по заготовке колониационного фонда в Среднем Прииртышье в конце XIX – начале XX века. // Исторический ежегодник. Омск, 1999. С. 23 – 31; Толочко А.П. Роль Западно-Сибирского отдела русского географического общества в исследовании Степного края (кон. XIX-нач. XX вв.) // Там же. Астана-Омск-Томск, 2003. С.98-99; Шиловский М.В. Некоторые вопросы взаимоотношений русских и казахов в Степном крае (XVIII- начало XX вв.) // Там же. Омск : [б. и.], 1998. С.14-17; Томилов Н.А. Процессы этнокультурного взаимодействия казахов и русских юга Западной Сибири во второй половине XVIII - начале XX вв. // Там же. С.18-20; Кусаинов К.А. Сотрудничество между Россией и Казахстаном: прошлое и настоящее // Там же. С.25-28; Колесников А.Д. Степной край: зона встречных миграций с севера русских, с юга казахов // Там же. С.46-49; Золотова Т.Н. Взаимодействие русского и казахского народов (конец XIX- XX вв.) // Там же. С.106-109; Чуркин М.К. Исследовательские практики «новой истории империи» в научной рефлексии аграрной колонизации Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина [Текст]: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С.62-64; Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 1999; «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур»: Материалы Пятой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2005; Алаш-Орда: Проблемы казахской государственности и культуры: Материалы Международной научной конференции. Алматы, 2008; Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII – XX вв.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2009; Ислам и православие: религии мира // <http://www.idmedina.ru/medina/?4991>; Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы международной научной конференции. Часть 1-2. Иваново, 2014 г; Казахское государство и евразийское пространство: история и современность; XI Евразийский научный форум. Астана, 2014; Модернизация отечественной исторической науки в контексте Национальной идеи «Мәңгілік Ел»: Материалы Международной научной конференции. Алматы, 2014; Ерофеева И. В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана: сб. науч. ст. Алматы, 2007. С.14-22; Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии республики Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. науч. ст. Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 181.

АН Республики Казахстан, определяемых в исследовании как «академическое делопроизводство». Первоначально, в рамках АН СССР (1925-1991), был учреждён Институт истории АН СССР, ставший главной инстанцией, контролирующей и координирующей исследовательскую работу в масштабах страны. В условиях централизации исторической науки заседания и сессии академических учреждений и их отделений (филиалов) сообразно с идейно-политической ситуацией в стране определяли общий вектор и принципы исследования тех или иных исторических сюжетов, в том числе и национальных исторических нарративов. Обсуждение вопросов аграрной колонизации Степного края, политических, экономических, культурных обстоятельств присоединения этого национального региона к Российской империи происходило с учётом господствующей научной концепции, что определяло спектр тем и направления научно-исследовательской активности учёных, репрезентируемых в специальных академических изданиях⁶⁵. Таким образом, обращение к материалам сессий и заседаний, происходивших в продолжительной исторической ретроспективе, позволило выявить и обосновать специфику общественно-политических, социокультурных и идеологических условий формирования, развития и эволюции историографических традиций в исследовании различных аспектов

⁶⁵ См. например: Материалы объединённой научной сессии, посвящённой прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент: Госиздат, 1959. 298 с.; Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период / [Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР С. П. Толстов и др.]; Акад. наук СССР. Акад. наук Узбек. ССР. Акад. наук Казах. ССР. Акад. наук Таджик. ССР. Акад. наук Туркм. ССР. Акад. наук Киргиз. ССР. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. - 590 с.; Самойлович А.М. Казахи Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области // Казахи: сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л.: Издание АН СССР, 1930. Вып.15. С.303-328; Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов // Материалы комиссий экспедиционных исследований / // Казахи: сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л.: Издание АН СССР, 1930. Вып.15. С. 1-72. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1991. № 1. С.188-206; Тогжанов Г. Казахский колониальный аул // Труды научно-исследовательской ассоциации при изучении национальных и колониальных проблем; Вып. 15 Ч.1., М. (б.и.), 1934. 109 с.; Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1948. 254 с.; Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1950. 213 с.

аграрной колонизации Степного края, выявить позиции научно-исторических школ в отношении широкого круга проблем, связанных с инкорпорацией региона в общеимперское пространство.

В целом привлечённые к исследованию источники историографического характера дали автору возможность раскрыть содержание российской и казахстанской историографической традиции научной рефлексии процесса аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. Источники, относящиеся к трём обозначенным группам, в процессе их анализа и сопоставления предоставляют репрезентативную картину соотношения позиций исследователей по дискутируемому вопросу с общественно-политическим, идеологическим и социокультурным контекстом, в границах которого происходил процесс генезиса, становления, развития и эволюции подходов научных школ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Российская историографическая традиция изучения аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. формируется в условиях неуклонного продвижения Российского государства в степные области Зауралья, трансляции имперской модели административно-политического управления и национальной политики, в основе которой располагались принципы русификации коренного населения, реализуемые путём насаждения земледельческой оседлости. Практикоориентированные цели и задачи земледельческого освоения региона предполагали обязательное включение представителей научного знания в экспертную деятельность, направленную на изучение колонизационных возможностей Степного края. В результате имперские принципы «внутренней колонизации», основанные на практиках доминирования и принуждения, способствовали «огосударствлению» института экспертов и, как

следствие, оценке причин, развития и итогов аграрной колонизации региона с позиций экономических и политических интересов империи.

2. Эволюция российской историографической традиции аграрной колонизации Степного края в советский период происходила в условиях доминирования позитивистских подходов в исторических исследованиях, усиленных мощным идеологическим фоном, репрезентируемым марксистско-ленинскими формулами интерпретации истории. Историографическая традиция развивалась в жёсткой привязанности к идейно-политическому контексту советского империостроительства. Первоначально такой подход реализовывался в формате критики аграрно-колониционных мероприятий самодержавия и дискриминационной политики в отношении национальных меньшинств. В дальнейшем утверждение и легитимация национал-большевистской идеологии переориентировали советский историографический дискурс в формат концепции «относительного зла», признающей позитивность процессов российской колониционной экспансии степных территорий и проживающих там индигенных народов. С завершением национального строительства в СССР, достижением внешнеполитических успехов в историографической традиции вопроса был принят и растиражирован принцип добровольности и прогрессивности инкорпорации окраин, в том числе и Степного края, в состав России.
3. Принципы и подходы современной российской историографии к узловым проблемам аграрной колонизации Степного края начинают переоформляться на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг., что было обусловлено отказом от описательно-повествовательных моделей реконструкции исторического процесса и аккомодацией научно-исследовательских практик «новой истории империи», поместивших сюжеты «внутренней колонизации» в канву постколониального дискурса. Антропологический поворот в исторической науке

перенаправил исследовательскую активность историков аграрных процессов в России от изучения событий к изучению состояний, что наглядно проявилось в актуализации интереса к акторам колонизации и, прежде всего, к покорённым группам - «субалтернам» империи, которыми являлись не только национальные меньшинства, но и русские переселенцы.

4. Становлению казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края соответствовал процесс формирования национальной интеллигенции. Выработка историографических идей консолидированной группы казахских интеллектуалов происходила в условиях двойственного влияния: с одной стороны, российских политических институтов и образовательных структур, с другой – факта принадлежности образованной национальной интеллигенции к степной аристократии, что актуализировало рост национального самосознания и идентичности. В обстоятельствах либерального социокультурного фона окраин и коммуникативной среды региона эпизоды аграрного освоения Степного края интерпретировались в трудах представителей первого поколения казахской интеллигенции в рамках антиколониального дискурса и антиколониальной риторики концепции «абсолютного зла».
5. В советский период национальная историографическая традиция аграрной колонизации Степного края развивалась в идейно-политических и организационных параметрах советской историографической школы, на начальном этапе допускавшей, даже поощрявшей критические оценки имперской политики в аграрном и переселенческом вопросах, что являлось адекватным текущей политической ситуации нациостроительства в СССР и концепциям «абсолютного» и «наименьшего» зла. Однако с 1950-х гг. в Казахской ССР, равно как и в других союзных республиках, начался процесс встраивания национальных исторических нарративов в канву советской

имперской доктрины о добровольном и прогрессивном характере присоединения степных окраин к Российскому государству. В результате рефлексия вопросов аграрной колонизации Степного края в национальном историографическом сегменте продолжилась преимущественно в системе координат этнографического знания, ориентированного на исследования факторов этногенеза, образа жизни и материальной культуры коренного этноса, что обеспечило не только процесс накопления и систематизации источников, но и сохранение научно-интеллектуального потенциала сообщества национальных историков.

6. Современная постсоветская историография аграрной колонизации Степного края Республики Казахстан развивается в системе координат колониального дискурса, в основе которого располагается идея и исследовательские практики переживания национальной «травмы». Возвращение к концепции «абсолютного зла», репрезентированной в дореволюционной историографии в обстоятельствах доминирования националистически ангажированной публицистики 1990-х гг., породило мощную волну мифотворчества, что привело к фиксации в общественном сознании и исторической науке республики однозначно негативных оценок аграрно-колониционных мероприятий Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. В рамках исследовательских проектов «умеренного» направления национальной историографии, признающего не только негативные, но и позитивные последствия инкорпорации степных областей в общеимперское пространство, оказалась запечатлена реакция части научного сообщества на мифологизм в оценке колониционного прошлого, что способствовало сближению казахстанского и российского историографических дискурсов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается, во-первых, в системной реконструкции подходов к оценке аграрной

колонизации Степного края в российской и казахстанской историографии. Впервые в отечественной исторической науке научная рефлексия историками содержания и знаковых сюжетов колониационного процесса на восточных окраинах империи осуществлена в параметрах исторической контекстуальности, предполагающей смещение исследовательских акцентов с описания и фиксации исторического нарратива к признанию решающей роли идейно-политических, социокультурных и интеллектуальных факторов в качестве определяющего условия формирования историографической традиции.

Во-вторых, исследование генезиса, становления и эволюции историографической традиции аграрной колонизации степных областей Зауралья во второй половине XIX – начале XX вв. представлено в диссертационном проекте в формате историографического дискурса, образуемого тематически связанными текстами. Всё это позволило реконструировать коммуникативное пространство деятельности историков, учесть присутствие в текстах не только собственно историографического материала, но и социокультурного фона эпохи, в границах которой реализуется та или иная исследовательская стратегия.

Теоретическая значимость диссертации определяется обращением автора к научно-исследовательским практикам «новой культурно-интеллектуальной истории», предполагающим понимание социального контекста интеллектуальной рефлексии как культурно-исторической ситуации. В этой связи ключевое понятие диссертации *«историографическая традиция»* как концептуальная система общности и преемственности в подходах, оценочных суждениях и исследовательских подходах рельефно отражает взаимосвязь между ценностными общественными ориентирами и конвенциями с одной стороны, и исходными предпосылками в постановке историками

научных проблем с другой, что во многом определяет результаты их познавательной деятельности. Внедрение в канву диссертационного сочинения понятия «историографическая традиция» направило исследовательскую активность не только в поле репрезентации историографического нарратива, но и поставило автора перед решением сложной и перспективной задачи деконструкции историографического дискурса аграрной колонизации Степного края. Синтез представлений, оценочных суждений исследователей разных эпох и социокультурного контекста, в котором осуществлялась деятельность историков, позволил разработать оригинальную модель реконструкции и описания историографической традиции аграрной колонизации Степного края в России и Казахстане в продолжительных хронологических параметрах второй половины XIX – начала XXI вв.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть учтены и использованы в процессе разработки историографических «ландшафтов» исследовательских проектов, посвящённых широкому спектру вопросов, связанных с историческим опытом российской колонизации во второй половине XIX – начале XX вв. Кроме того, вполне оправданным будет применение фактического материала диссертации в образовательной практике: в учебных курсах по истории России и Республики Казахстан, в специализированных учебно-методических пособиях историографического характера, при организации и проведении семинарских занятий по истории и историографии колонизации окраин Российской империи, проблемам переселенческого движения в социокультурном и этноконфессиональном аспектах.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования отражены в - публикациях, в том числе - в изданиях, рекомендованных ВАК, а также сформулированы в формате

сообщений и докладов на международных и всероссийских научных конференциях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОЕКТЫ И ПРАКТИКИ АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В РОССИЙСКОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. «Колонизационное дело» в Степном крае в оценках имперских экспертов второй половины XIX – начала XX вв.

Проблема колонизации Степного края и включения территорий Акмолинской и Семипалатинской областей, наиболее удобных в земледельческом отношении, в имперское пространство России становится знаковым сюжетом российской историографии во второй половине XIX столетия. Стабильный рост интереса исследователей (историков, экономистов, этнографов, общественно-политических деятелей) к вопросам, связанным с обсуждением перспектив переселенческого движения в регион, распространения в нём имперских практик России, соотносился в указанный период с состоянием общественно-политического дискурса, в котором одно из центральных мест занимала тема русификации окраин империи путём распространения земледельческой оседлости, внедрения моделей административного управления, апробированных в окраинных районах, являвшихся ранее эпицентром российской колонизации.

В данной связи необходимо отметить, что процесс становления историографических подходов к вопросу аграрной колонизации Степного края в российской историографии был тесным образом связан с практической экспертной работой, направленной на изучение региона в природном, социально-экономическом, этнографическом, правовом, культурном отношении. Таким образом, исследователи вопроса являлись непосредственными участниками колонизационного дела, выполняли функции имперских экспертов независимо от своих политических взглядов и убеждений.

По справедливому замечанию современных авторов, в частности М.К. Чуркина, базис российской историографической традиции по научной рефлексии и оценке содержания колонизации Степного края закладывался в условиях динамичного роста авторитета науки, что создавало благоприятные предпосылки для превращения изысканий российских ученых, чиновников, общественно-политических деятелей в основание для внедрения административных интеграционных практик, дезавуировало и усиливало роль имперского фактора в колонизации⁶⁶.

Своеобразным исходным пунктом и одновременно интеллектуальным фоном становления российской историографии аграрной колонизации можно признать учреждение Русского Императорского географического общества, основатели и вдохновители которого - А. Миддендорф, Ф. Литке, Ф. Врангель, К. Бэр - стремились создать сообщество учёных, занимавшихся изучением земель, народов и ресурсов Российской империи, которое объединило бы в себе различные отрасли знания: географическую, статистическую, этнографическую науки. Как утверждает Н. Найт, по замыслу основателей, географическое общество должно было предоставлять международному сообществу точную информацию о Российской империи и тем самым увеличить вклад России в прогресс мировой науки⁶⁷.

Весьма существенно то, что институционализация РГО реализовывалась в рамках двух проектов. Согласно первому, деятельность общества должна была стать специализированным (в области географии и этнографии) продолжением усилий Академии

⁶⁶ Чуркин М.К. Степной край в имперском проекте колонизации: историографическая традиция второй половины XIX – начала XXI вв. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. Вып. 13. С.85.

⁶⁷ Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М.: Новое издательство, 2005. С.155.

наук, предполагавшей процесс сбора и обмена информации о территориях и народонаселении империи. В соответствии со вторым, географическое общество осуществляло свою работу под патронатом Министерства внутренних дел, активно сотрудничая с имперскими учреждениями, выполнявшими важную для государства работу, направленную на сбор статистической информации (Топографическое депо Главного штаба, Гидрографический департамент Морского министерства).

Разбираясь в обстоятельствах учреждения РГО, необходимо учитывать, что сама идея общества в известной степени оказалась реакцией на дискуссию о цивилизованных народах, ставшую частью западно-европейского общественно-политического дискурса 1840-х гг., в котором славянству категорически отказывалось в праве принадлежать к цивилизованному миру. Вполне естественно, что в программе ИРГО, разработанной Н.И. Надеждиным и К.Д. Кавелиным, особое место занимали не только задачи естественно-географического и этнографического содержания, но и откровенно политического – изучение умственных способностей русского народа.

О приоритете политических и национальных задач над сугубо исследовательскими свидетельствует и ожесточённая полемика по поводу устава организации. Предметно по вышеназванному обстоятельству высказался известный востоковед, служивший в МВД В.В. Григорьев, заявив, что общество возникло для решения практических задач, а не для удовлетворения абстрактного любопытства. По мнению В.В. Григорьева, которое в конечном итоге было закреплено в уставе РГО, одна из фундаментальных задач общества заключалась в «возделывании землеведения по трём главным его отраслям: географии собственно, статистики и этнографии»⁶⁸.

⁶⁸ Найт Н. Указ. соч. С.162.

В этой связи вопросы колонизации восточных окраин империи, где землеведческие и земледельческие задачи находились в приоритете, также принадлежали к категории практикоориентированных имперских проектов. Когда в 1870-1880-х гг. произошла переориентация колониционных принципов империи от абсолютного доминирования военно-политических задач в сторону обсуждения аграрных перспектив региона, стали учреждаться отделы ИРГО, которые были призваны решать важные государственные задачи. На восточных окраинах, в частности в Степном крае, эта работа реализовывалась в практической экспедиционной (1877-1890 гг.), научно-исследовательской (1890-1905 гг.) деятельности учреждённого в 1877 г. (г. Омск) Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

В сложившейся ситуации ЗСОИРГО становился «платформой» зарождения российской историографии вопроса во второй половине XIX – начале XX вв., формировавшейся в обстоятельствах колониционной экспертизы территорий освоения. Собственно в «Положении» отдела, озвученном 8 июня 1878 г. генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнаковым, подчёркивалась важность решения исследовательских задач в имперской системе координат. Указывалось в том числе, что ЗСОИРГО занимается изучением как Западной Сибири, так и сопредельных с ней стран Средней Азии и Западного Китая, в отношениях географическом, геологическом, естественно-историческом, этнографическом, статистическом, археографическом и археологическом...Отдел оказывает содействие лицам, посещающим Западную Сибирь с учёной целью, а равно и местным жителям, изучающим край...»⁶⁹.

⁶⁹Цит. по: Семёнов В.Ф. Указ. соч. С.19.

Симптоматично, что начало экспедиционной и научно-академической работы ЗСОИРГО соотносилось по времени с процессом формирования правительственной программы земледельческой колонизации Сибири. С конца 1870-х – начала 1880-х гг. обнаруживается значительный прирост вольно-народных миграций за Урал, государство предпринимает ряд практических мер, направленных на придание народному движению форм колонизационного освоения. В результате центральная бюрократия в решении переселенческого вопроса уже не могла делать ставку только на администрирование, без учёта настроений общества. Складывавшаяся ситуация становилась и некоторым основанием для совместной деятельности власти и общества в колонизационном вопросе, а её практическим выражением стала экспедиционная и научная работа ЗСОИРГО, являвшегося и своеобразным научно-исследовательским коллектором. Отметим, что возникновение отдела стало возможным не только в силу административного участия и инициатив генерал-губернатора Н.Г. Казнакова, но и подготовлено деятельностью «Общества исследователей Западной Сибири», ставшего первой формой корпорации местных краеведов и общественных деятелей. Представители научной общественности (Н.М. Ядринцев, И.Я. Словцов, И.Ф. Бобков, Г.Е. Катанаев, А.И. Сулоцкий и др.) проделали значительную работу экспедиционного и публицистического характера, ориентированную на изучение сибирского колонизационного фонда.

Важным является и то, что отдел был ориентирован на сотрудничество с имперскими властями, что способствовало привлечению исследователей к экспертной работе, направленной на изучение естественно-географических условий степных территорий, в том числе и в контексте земледельческого освоения. В период с 1878 по 1890 гг. обществом было организовано в общей сложности 8 крупных

экспедиций (Шмидт Ю.А., Путилов П.В., Балакшин Н.Н., Анзимилов Г.Г. и др.), в число задач которых входило изучение пространств Степного края в природно-географическом, климатическом и земледельческом отношении⁷⁰. Экспедиционная работа учёных позволила нейтрализовать мифы о бескрайности территорий, пригодных для земледельческой обработки, и, как следствие, неограниченных возможностях по расселению в регионе мигрантов. В частности, было установлено и стало элементом историографии вопроса утверждение, что устройство переселенческих посёлков в Акмолинской области целесообразно в северной части Омского уезда, в средней части Петропавловского уезда, в средней и западной части Кокчетавского уезда, на северных окраинах Акмолинского и Атбасарского уездов. В Семипалатинской области исследования возможностей организации земледелия, проводимые в течение нескольких десятилетий, вплоть до 1902 г., показали, что годными для устройства переселенческих посёлков являются не более 5 % территории (в основном – в границах Усть-Каменогорского уезда), что составляло 360 тыс. десятин из осмотренных 7 млн. десятин.

Усилиями членов ЗСОИРГО Г.Г. Анзимилова, Ю. А. Шмидта, Г.Е. Катанаева, Л.К. Чермака, И.Я. Словцова, В.А. Остафьева и др. были проведены всесторонние исследования Степного края. В центре научно-экспертного интереса учёных-экспедиционеров оказался широкий круг вопросов, связанных с естественно-географическими и историческими особенностями региона: природными условиями, гидрологическим режимом, наличием пригодных для земледелия участков. Так, И.Я. Словцов в 1876-1877 гг. участвовал в поездках по киргизской степи с чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири Н.Н. Балкашиным, а в 1878г. объехал

⁷⁰Подсчитано автором по: Семёнов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества...

Кокчетавский уезд Акмолинской области. За путевые заметки об этой поездке, опубликованные в «Записках ЗСОИРГО», путешественник был награжден серебряной медалью Географического общества. Г.Е. Катанаев произвёл детальное обследование пригодности киргизских земель Акмолинской области к пашенным практикам, сделав выводы об адаптивных способностях русского крестьянства в регионе. Л.К. Чермак подверг анализу обычаи коренных народов степных областей и их влияние на земледельческие отношения.

Разнонаправленная деятельность ЗСОИРГО способствовала не только успехам экспедиционной работы. Основным результатом стало формирование исследовательской идентичности, консолидация учёных, отработка подходов к осмыслению логики колониационного процесса в регионе. Кроме того, эффект экспедиционных и научных изысканий значительно усиливался популяризаторской деятельностью членов ЗСОИРГО. Общие собрания членов отдела носили открытый характер, были доступны для всех желающих, что способствовало распространению среди образованной части населения, в частности, представителей агрономической практики, информации о природе, географических и климатических особенностях Западной Сибири.

Так, постепенно в историографический дискурс вовлекались животрепещущие вопросы колонизации, выходящие за привычные рамки сугубо познавательного процесса. Через изыскания в области хозяйственного быта населения Степного края исследователи вышли на проблему «инородцев» региона: образ жизни, характер занятий, стратегии поведения в условиях реализации имперских проектов освоения (Н.Н. Балакшин, Т.И. Седельников, Н.М. Ядринцев и др.). В частности, учёными была озвучена мысль о сомнительности верноподданнических чувств кочевников, провозглашена идея о необходимости водворения в киргизских степях русского земледельческого населения, что способствовало бы развитию начал

гражданственности среди кочевников, разработаны программы исследования коренного населения Западной Сибири с оценкой возможности их перехода к оседлому состоянию и вариантов устройства переселенцев в границах инородческих общин⁷¹.

К числу наиболее полемичных в ряду обсуждаемых сотрудниками ЗСОИРГО являлся вопрос о судьбе казачества в условиях курса на аграрную колонизацию Степного края. Изучением истории сибирского казачества в XIX – начале XX вв. занимались исследователи, в разные годы участвовавшие в работе ЗСОИРГО, такие как Г.Н. Потанин, Г.Е. Катанаев, Н.Г. Путинцев, Ф.Н. Усов и др. Названные авторы, являясь представителями казачьего сословия, крайне болезненно восприняли критические высказывания о неспособности казачества к культуртрегерской деятельности. Показательно, что в статьях и заметках, опубликованных на страницах Записок ЗСОИРГО, один из ярких представителей «казачьей историографии», Г.Е. Катанаев, акцентировал внимание на героической истории сибирского казачества⁷². В то же время общий тон и настроение материалов о казачестве как субъекте колонизации Степного края, выходивших в разных изданиях, способствовал корректировке оценочных суждений по поводу организации хозяйственной жизни, быта, осмысления сценариев взаимоотношения казачества с «инородческим» контингентом и российскими переселенцами. Так, по определению Г.Н. Потанина, в Прииртышской степи преобладал тип казака, который «ловкий торговец, кулак и плохой работник»⁷³.

⁷¹ См. например: Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.; Тип. МВД, 1887. 56 с.; Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

⁷² См. например: Потанин Г.Н. Сибирские казаки // Г.Н. Потанин / Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под ред. П.П. Семенова. СПб., М.: Издание товарищества М.О. Вольфа. 1884. Т. XI. С. 107-116;

⁷³ Там же. С.306.

Знаковую роль в описании форм взаимоотношений социальных и этнических групп в процессе аграрной колонизации Степного края сыграли работы офицеров Генерального штаба, активно включённых в работу ЗСОИРГО. Так, офицер Генерального штаба Российской империи М. Красовский в 1860-х гг. собрал обширные сведения по истории и хозяйству сибирских инородцев, в частности, казахов степных областей, подчеркнув значение степного скотоводства в кочевой экономике, обосновав факторы и причины перехода кочевников к полuosедлому образу жизни, что однозначно указывало на определяющую роль в данном процессе имперских структур⁷⁴.

Собранный М. Красовским материал составил основу научно-исследовательской работы учёных, географов, чиновников, представивших в своих трудах детализованные характеристики различных групп сибирского общества. В частности, И.Ф. Бабков, первый председатель ЗСОИРГО, представил фрагментарные характеристики хозяйственных и культурных контактов «инородцев» с казачеством в продолжительной исторической ретроспективе. Согласно его представлениям, аграрные отношения переселенцев с коренными группами населения Степного края сопровождались постоянными конфликтами. И.Ф. Бабков склонен был считать, что «киргизы грабили и жгли пограничные со степью казачьи поселения и увлекали в неволю казачьих женщин и детей»..., а «кочевые народы, поддавшись оседлому государству, ничего ему не давая, сами получали от него дань в виде жалованья, подарков и угощения...»⁷⁵.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что экспедиционная и научно-академическая деятельность ЗСОИРГО во второй половине XIX – начале XX вв. в сфере исследования природно-географических, социально-экономических, культурных условий

⁷⁴ Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч.3. С.31.

⁷⁵ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859-1875 гг. СПб., 1912. С.37.

Степного края имели не только прикладное, но и важное теоретическое значение. Накопление и тиражирование экспедиционных материалов являлись основой для создания обобщающих трудов или фрагментов монографий, посвящённых степным окраинам империи. Тем самым происходило «встраивание» отдельных сюжетов в общую канву историографического осмысления процесса колонизации региона. Кроме того, продолжительный опыт совместной работы членов ЗСОИРГО на научном и общественно-политическом поприще, способствовал трансформации локального сообщества учёных в монолитную корпорацию с отчётливыми признаками общей профессиональной идентичности, способной не только к сбору фактов, но и серьёзной аналитической работе, интеллектуальной рефлексии, определению основных позиций в историографии вопроса.

Становление российского историографического дискурса, центральное место в котором занимали вопросы аграрного освоения Степного края, стало естественным следствием логики колониационного процесса. Во второй половине XIX столетия продвижение русской оседлости в южном степном направлении приводило к расширению колониационных зон и складыванию новых административных центров государства, активно транслировавших представления о функциональной роли окраин в имперском пространстве России.

В 1870-х – 1880-х гг. в системе координат историографического дискурса важнейшее место занимали темы путей и перспектив развития окраин, организации земледельческих занятий в регионах доминирования традиционных номадических форм хозяйственной деятельности, контактов и взаимоотношений представителей разных этносов и культурных типов.

Значительный вклад в обсуждение краеугольных вопросов аграрной колонизации в этот период был внесён представителями сибирского областничества, максимально включённого в канву экспертизы Степного края.

В научных трудах лидера и идеолога областников Н.М. Ядринцева отношение к колонизационной проблематике было сформулировано предельно отчётливо. Во-первых, Н.М. Ядринцев сформулировал тезис о колонизации как исключительном продукте народного творчества, направляемой самодержавным государством. По убеждению Н.М. Ядринцева, ставшего идейной основой областнического проекта колонизации, Сибири была уготована посредническая миссия, так как в силу своего географического положения она находилась на стыке двух миров – восточного и западного, выполняя исторически и геополитически роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала⁷⁶. Н.М. Ядринцев полагал, что Сибирь пережила все этапы, которые свойственны новооткрытым странам: «...Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поисков золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и гражданские формы жизни создали в ней задатки жизни гражданской...»⁷⁷. В этой связи идеолог считал необходимыми условиями развития колонизируемых окраин не только заселение и право землепользования, но и предоставление полных прав гражданства жителям колоний наравне с гражданами метрополии⁷⁸. Во-вторых, в риторике областников и непосредственно Н.М. Ядринцева понятие «колония» формулировалось в качестве основной региональной ипостаси. Если имперские политики, эксперты и исследователи

⁷⁶ Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2004. С.110.

⁷⁷ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония...С.502.

⁷⁸ Ядринцев Н.М. Там же. С.502.

старались в публичных речах и научных трудах избегать термина «колония», позиционируя восточные окраины империи в качестве естественного продолжения территорий метрополии, которые должны быть «оцентрированы», Ядринцев и его соратники настаивали на их колониальном статусе: «Представьте невежественную территорию обособленной, она более проиграет, чем выиграет за неимением сношений. Связь колоний с метрополией имеет поэтому свой смысл, и чем колония неразвитее, тем потребность в этой связи должна быть сильнее. Невежественная страна умрет с голоду, погрузится в застой, она станет Монголией, Китаем...»⁷⁹. В-третьих, одним из ключевых вопросов в связи с аграрной колонизации Сибири и сопредельных регионов Н.М. Ядринцев считал вопрос инородческий. Критикуя в своём определении «бюрократические цивилизаторские проекты» заселения степей, мешавших нормальному развитию кочевой культуры и прогрессу, исследователь поставил под сомнение эффективность имперских планов, в которых содружество «меча и плуга» позиционировалось как своеобразная народная санкция имперской экспансии⁸⁰.

Проблемы заселения и аграрного освоения Степного края как важного сегмента «колониационного дела» получили обоснования в трудах Г.Н. Потанина. Согласно его воззрениям, «установление единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русской страной, но и органической частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения. Затем необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейской частью России железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую

⁷⁹ Ядринцев Н.М. «Я сын девственной и могучей страны...». Сборник статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С.18.

⁸⁰ Он же. Заселение киргизских степей...С.2.

территорию. Тогда само собою, совершенно естественно установится должный прилив населения из Европейской России в Сибирь, и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках. Только при этом условии и может явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацию «золотого дна»⁸¹.

Размышляя о перспективах аграрной колонизации Степного края, Г.Н. Потанин в ходе экспедиций на Зайсан и в Тарбагатай в 1863-1864 гг. пришёл к выводу о спорадическом характере земледелия у казахов, признав его в принципе законным экономическим явлением⁸². Г.Н. Потанин, оценивая потенциал хлебопашества в степи, подчёркивал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были к исключительному развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т. е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие. «Теперь, - писал Г.Н. Потанин, - очень мало остается поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для

⁸¹ Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 31–48.

⁸² Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004. С.29

земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений, взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях»⁸³.

Эскалация переселенческого движения в Степной край в 1880-х – 1890-х гг. активизировала экспертную работу, связанную как с техническими (выбор и подготовка переселенческих участков, обустройство мигрантов, ссудные практики), так и с идеологическими (русификация колонизируемых территорий) задачами. В указанный период на смену военно-политическим устремлениям постепенно приходит потребность в мирном освоении степных окраин, когда главным субъектом колонизации становилось крестьянство. В новой ситуации особая роль предназначалась имперским экспертам, к числу которых относился широкий круг лиц: от путешественников-экспедиционеров, представлявших различные общества, до чиновников центральных и региональных ведомств, роль которых в «колониционном деле» неуклонно возрастала. Причина такого положения вещей заключалась в принципиальных расхождениях либералов (областников и их адептов) и «охранителей» - сторонников линии М.Н. Каткова, расценивавших колонизацию окраин, в том числе и Степного края, как основополагающее условие реализации «теории большой русской нации». Представители национал-консервативных позиций в историографическом дискурсе продвижение русской оседлости на восток страны связывали с необходимостью разработки

⁸³ Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири...С. 331.

таких проектов, которые ускорили бы процессы включения степных пространств в состав «имперского тела», обеспечив их бесперебойную ресурсную эксплуатацию и стабильную зависимость региона от центра. Соответственным образом менялись и требования к деятельности экспертов, формировались новые критерии их мобилизации и, как следствие, происходило видоизменение оценок перспективы и задач аграрной колонизации, что неизбежно находило отражение в трудах по этому поводу.

Проблема заключалась и в том, что деятельность экспертов, вербуемых ЗСОИРГО, слабо контролировалась центром. В представлении власти вновь мобилизованные эксперты должны были чётко понимать важность именно государственных задач аграрной колонизации. В сложившейся ситуации приоритетной целью имперской администрации становится создание специальных учреждений, которым предстояло функционировать в формате колониальных министерств⁸⁴. Символично, что «обновление» подходов к экспертизе колониационного фонда Степного края происходило на фоне снижения экспедиционной активности ЗСОИРГО, что было связано не только с объективными причинами: смертью экспертов (Балакшин, Усов) или переездом ряда лиц (Певцов, Шестаков, Бобков), но и с практиками ограничения имперской властью финансирования экспедиций, что свидетельствовало о несоответствии выводов экспертов ожиданиям колониальной администрации.

Стартовой площадкой для формирования российского колониального ведомства и «вербовки» новой генерации имперских экспертов стало Министерство государственных имуществ, переименованное в 1894 г. в Министерство земледелия и

⁸⁴ Сандерленд В. Министерство Азиатской России: Никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917)*: Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛЮ, 2010. с. 105-150.

государственных имуществ. Первостепенной задачей Министерства после реорганизации должна была стать забота о развитии и поощрении частных отраслей добывающей промышленности – земледельческой, лесной, рыбной и горной. Государственные земли позиционировались как запас для дальнейшей колонизации сельского населения и как подспорье для развития земледелия. В этой связи участие в переселенческом деле, землеотводные мероприятия, обустройство мигрантов также становились важной частью компетенции учреждения. Существенным является то, что в деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ оказался рельефно запечатлен перелом во взглядах имперской власти на колонизационный процесс, функциональные обязанности экспертов в сфере оценки перспектив аграрного освоения окраин, что существенно корректировало историографическую традицию. Очевидно, что в новом ведомстве продолжала знаковую роль играть научная составляющая. На должность министра был назначен А.С. Ермолов – кандидат сельского хозяйства, выпускник Санкт-Петербургского земледельческого института, служивший в 1886-1888 гг. вице-президентом Вольного Экономического Общества. Первым директором Департамента земледелия стал основоположник современного почвоведения П.А. Костычев. В 1898 г. Ученый комитет возглавил И.А. Стебут – профессор и практикующий агроном⁸⁵. Привлечение учёных к работе аграрного ведомства предполагало модернизацию архаичного сельского хозяйства. Вместе с тем ситуация с пограничными окраинными территориями, в частности, Степным краем, где концентрировалась большая часть «инородцев» империи, де-факто принадлежавшая к категории государственных крестьян, требовала активного правительственного вмешательства. По

⁸⁵ Книга М.Д. Первые шаги Министерства земледелия и государственных имуществ в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х гг. XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. №4 (47). С. 309.

утверждению В. Сандерленда, «...в соответствии с этой реальностью сотрудники министерства старательно считали крестьян и земельные площади по всем окраинам империи...Из всех программ развития, разработанных министерством, самой значительной была систематическая организация крупномасштабного переселения славянского крестьянского населения в малонаселённые пограничные районы»⁸⁶.

В этом смысле показательна деятельность и взгляды по вопросам аграрной колонизации Степного края одного из видных экспертов МЗИГИ, крупнейшего российского статистика и экономиста А.А. Кауфмана, который под эгидой ведомства с 1893 г. активно привлекался имперскими властями к работе по поземельному устройству крестьян и организации переселенческих участков. В период с 1894 по 1903 гг. он командировался в разные районы Западной Сибири, в том числе в области Степного края и Туркестана, составил детальные характеристики колонизационной ёмкости киргизских степей и организации крестьянского хозяйства в Акмолинской и Семипалатинской областях на рубеже XIX – XX вв.⁸⁷. Проведённое А.А. Кауфманом исследование земледелия в степных областях помимо решения сугубо практических задач по выяснению объёмов колонизационного фонда послужило толчком к историографической полемике об эффективности переселений и колонизации, роли русского крестьянства в аграрном освоении Степного края, в которую прямо или косвенно включались и другие эксперты: чиновники особых поручений МВД В.Л. Дедлов, А.А. Станкевич, писатель Я.Я. Полфёров, Советник Акмолинского областного правления Т.И. Тихонов, заведующий статистическими работами по исследованию степных областей Л.К. Чермак, организатор

⁸⁶ Сандерленд В. Указ. соч. С.128.

⁸⁷ Кауфман А.А. Переселение и колонизация... Ч.1. С.229-234; 331-334.

«Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам» профессор Исаев А.А. и др.

А.А. Кауфманом были сформулированы основы скептического отношения к переселенческому делу и роли русских мигрантов на окраинах империи, в особенности в степных областях. Исследователь активно полемизировал с профессором А.А. Исаевым и его сторонниками, видевшими в переселениях «естественный порядок исторической жизни»⁸⁸, а в самих мигрантах - носителей культурно-земледельческого прогресса на востоке страны. А.А. Кауфман полагал, что киргизская степь с её лёгкой и дешёвой арендой создаёт слишком благоприятную почву для азартного, спекулятивного хозяйства, порождая особый тип переселенца, который не думает о прочной оседлости и не имеет надобности заботиться о земле⁸⁹. Вместе с тем, выполняя функции имперского эксперта, А.А. Кауфман недвусмысленно резюмировал, что северная часть киргизской степи наряду с коренной Сибирью – единственный колонизационный район, где русский переселенец является почти идеальным колонизатором⁹⁰.

Начиная с 1896 г. продолжателем политики колонизационного дела МЗИГИ и основным имперским агентом в деле аграрной колонизации становится Переселенческое управление, организованное при МВД.

Главными фигурантами этого учреждения являлись технократы – исполнители, понимавшие и признававшие колониальный характер поставленных перед ними задач, что предопределило и специфику их подготовки. Общеизвестным фактом являются поездки землемеров и специалистов по ирригации Переселенческого управления в Австралию и Америку с ознакомительными целями. А.Н. Куломзин, крупный имперский чиновник, участвуя в обсуждении переселенческих

⁸⁸ Исаев А.А. Указ. соч. С.124.

⁸⁹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация... Ч.1. С.334.

⁹⁰ Там же. С.334-335.

вопросов, опирался на богатый опыт развития фермерских хозяйств в Америке, а также на прусские достижения в «германизации польских провинций»⁹¹. Таким образом, в новых условиях перед экспертами стояли не описательные, а сугубо практические задачи, связанные со сбором материалов о колонизационной вместимости степных областей, статистических показателей переселений, либо свидетельствовавших об успехах переселенческого дела, либо определявших алгоритмы решения насущных проблем колонизации.

Типичным представителем нового поколения имперских экспертов, оставившим важный след в историографии аграрной колонизации Степного края второй половины XIX – начала XX вв., являлся Ф.А. Щербина, состоявший с 1896 г. заведующим экспедицией по исследованию степных областей (Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской).

Исследователь, выполняя задания Переселенческого управления, собрал и систематизировал статистические данные о состоянии колонизационного фонда степных областей. Им также были обработаны ценные сведения об этнографическом составе населения, истории, экономике, взаимоотношениях автохтонных и пришлых элементов в имперский период⁹². Получив как имперский эксперт своеобразный картбланш от властей, Ф.А. Щербина организовал сплошную перепись инородческих хозяйств, что позволило предоставить «заказчику» ценный материал статистического характера, и, что существенно, обозначить границы культурного влияния переселенцев на местных «инородцев-кочевников». Позиция Ф.А. Щербины вполне соответствовала концепции «русского дела» на

⁹¹ Канн С.К. А.Н. Куломзин о переселенческой политике Комитета Сибирской железной дороги // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII - начало XX века): Сб. материалов международной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2014. с. 225.

⁹² Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей // под. ред. Ф.Щербина. Акмолинская обл. Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. Т.1. 712 с.

восточных окраинах, в соответствии с которой только та земля могла считаться русской, по которой прошёл плуг русского пахаря.

Исследователь считал, что «наш переселенец...втянул киргиза в круг интересов и понятий земледельца и видоизменил самые взгляды кочевника на значение земли для хозяйства»⁹³. Говоря о причинах столкновений между «инородцами» и переселенцами, Ф.А. Щербина настаивал на том, что конфликты являлись не следствием межнациональной розни, а результатом действий бездушного отношения чиновников-бюрократов⁹⁴.

Принимая во внимание некоторую запрограммированность и шаблонность в подходах имперских чиновников, представителей переселенческих ведомств к экспертизе колонизируемых районов, нельзя не заметить, что власти привлекали к подобной работе людей, ориентируясь не только на их политические взгляды и пристрастия, но и на профессионализм экспертов. В числе лиц, принимавших непосредственное участие в колонизационном деле, можно встретить не только сторонников официальной точки зрения, но и тех, кто придерживался либеральных взглядов, в том числе и крайних, так как их участие в экспертизе территорий освоения давало возможность властным структурам более детально ознакомиться с многочисленными нюансами переселенческого и колонизационного процесса. Среди имперских экспертов помимо уже упомянутых можно встретить персонажей, занимавших совершенно разные политические позиции и платформы (Н.Н. Балакшин, А.А. Половцов, П.П. Архипов, В.Ф. Ивонин, К.Р. Качоровский и др.), что способствовало дискуссионному напряжению в обсуждении колонизационных вопросов, а также частичному примирению радикальной и умеренной интеллигенции.

⁹³ Щербина Ф.А. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905.

⁹⁴ Там же. С.44-45.

Однако с ростом переселенческого движения и актуализацией признаков аграрно-экологического кризиса в центральных губерниях страны экспертиза территорий, вовлекаемых в аграрное производство, требовала принятия прагматических решений в контексте общеимперской парадигмы колонизации. Со строительством транссибирской магистрали и новым витком переселенческой активности в период реализации столыпинской аграрной политики (1906-1916 гг.) функции экспертов приобретали отчётливый прикладной характер. В Степном крае чиновникам Переселенческого управления и организованного при Земском отделе МВД Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) приходилось не только и не столько заниматься научными исследованиями, сколько урегулировать земельные споры, налаживать отношения между переселенцами и автохтонами региона, участвовать в разработке планов по переводу кочевников к оседлому образу жизни и тем самым принимать деятельное участие в трансляции местному населению принципов колониального управления.

В сложившейся ситуации эксперты Переселенческого управления окончательно эволюционируют в экспертов империи, исследования которых имеют исключительно прикладной характер, направленный на решение текущих задач империостроительства на востоке страны. Изданная в 1914 г. официальная публикация управления «Азиатская Россия» впечатляет не только своим названием и риторикой: «Земли Азиатской России являются постоянной и неотделимой частью нашего государства и в то же время нашей единственной колонией»⁹⁵. Фразеологический конструкт «Азиатская Россия» отменял сепаратистские аллюзии, провоцируемые словом «Сибирь», а также чётко выстраивал ассоциации с территориями и «народами

⁹⁵ Азиатская Россия в 3-х т. Т.2. Земля и хозяйство. СПб.: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, Товарищество "А.Ф. Маркс", 1914. С.VIII

нерусскими, неправославными и отсталыми»⁹⁶. Наконец, стиль изложения и избранная авторами (экспертами – Н.В. Турчаниновым, И.Л. Ямзиным, И.П. Поддубным, П.П. Любимовым и др.) тематика публикаций призваны были отразить характер завоевания, освоения и возможности ресурсной эксплуатации территорий азиатской части империи.

Таким образом, говоря о содержательных аспектах формирования российской историографической традиции по вопросам аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв., можно выделить несколько принципиальных моментов.

Базовые основы изучения и осмысления темы аграрной колонизации Степного края как части общеколонизационного процесса зауральских территорий были заложены во второй половине XIX – начале XX вв. современниками и непосредственными участниками событий, круг которых был необычайно широк и включал представителей центральной и региональной бюрократии, специалистов в области экономических вопросов, политических и научных деятелей.

Продвижение русской оседлости в направлении степных областей, усилившееся во второй половине 1870-х гг., инициировало оживлённую дискуссию, в эпицентре которой располагались вопросы земледельческого освоения Степного края, выстраивания экономических и культурных контактов между переселенцами и автохтонами региона и т.д. Главной площадкой этой полемики на первом этапе (1877 – 1894 гг.) стал ЗСОИРГО, вокруг которого группировались имперские эксперты, мобилизованные для сбора общих сведений о различных районах Степного края. Основными каналами коммуникации стали специальные научные труды и сборники, издаваемые под эгидой Отдела.

⁹⁶ Сандерленд В. Указ соч. С.131.

Вовлечение экспертов в экспедиционную деятельность способствовало накоплению и распространению материалов о природно-географических условиях региона, этнографических характеристиках населения Степного края.

Вместе с тем экспедиционная и издательская работа экспертов отдела в представлениях имперской бюрократии не соответствовала масштабам и содержанию задач империостроительства на окраинах. В 1890-х г. с появлением учреждений, претендующих на статус колониальных министерств (МЗИГИ, КСЖД, Переселенческое управление), возникла потребность в переформатировании института имперских экспертов. Установились новые критерии, определяющие круг обязанностей и меру ответственности данной группы лиц, к числу которых относилось следование предписаниям командирующих учреждений, сервильность, мобильность и стремление соотносить результаты экспертной работы с реальными задачами колонизации.

Деятельность по экспертизе территорий, входивших в ареал аграрной колонизации, имела важное значение с точки зрения становления долгосрочной историографической традиции. В условиях интенсивного земледельческого освоения в неё включались широкие слои представителей агрономического сообщества, научной интеллигенции, чиновной бюрократии. Продолжительный опыт совместной работы на научном и общественно-политическом поприще способствовал объединению экспертов в корпорацию с отчётливыми признаками общей профессиональной идентичности, что предопределяло выбор коммуникативных стратегий в решении судьбоносных проблем региона.

С другой стороны, позитивистский подход к истории, в том числе аграрной, в отечественной историографии определялся органической зависимостью исследователя от «государственного взора» на исторические события и явления. В данном отношении проблема

аграрной колонизации Степного края, являясь политически экстраординарной, оказалась в большей степени вовлечена в поле зрения государственных структур и в значительной мере «отягощена» преобладанием экономических подходов и оценок.

1.2. Аграрная колонизация степных областей в советской историографии: от «империи положительной деятельности» к национал-большевизму.

Практикоориентированный подход к оценке аграрной колонизации Степного края, ставший неотъемлемым элементом дореволюционной историографической традиции, сохранялся до середины 1920-х гг., когда в работах специалистов старой школы – И.Л. Ямзина, В.П. Вошинина, Н.П. Огановского⁹⁷ и др. – освоение окраинных территорий оценивалось в смысловых границах «собственнической» концепции, в которой аграрные процессы представляли собой оптимальный вариант вытеснения слабой кочевой культуры более развитой культурой русского земледелия.

Однако уже в середине 1920-х гг. вследствие мощного влияния большевистской идеологии происходит формирование новой историографической традиции, в системе координат которой критерии и подходы к оценке аграрной колонизации Степного края качественно изменились. Прежде всего системные изменения коснулись расстановки акцентов, когда колониальная политика самодержавного государства была подвергнута резкому осуждению и на первый план вышли вопросы аграрной политики самодержавия, законодательных мер и землеустроительных правительственных практик. Можно выделить, по крайней мере, две большие группы причин, которые способствовали переформатированию исследовательских подходов к проблемам аграрной колонизации окраин и, в частности, Степного края.

Во-первых, это касается непосредственно внутреннего состояния исторической науки в ранний советский период. По мнению

⁹⁷ Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 332 с.; Вошинин В.П. О термине «колонизация» // О земле. Вып.2. М., 1922. 238 с.; Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. М.: Изд. Центросоюза, 1921. 167 с.

исследователей, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР произошла «приватизация» историографии тоталитарным режимом, которая происходила на фоне процессов государственно-политического изоляционизма. Подчинение исторической науки партийно-идеологической системе помимо ликвидации любой научной альтернативы марксизму привело и к выхолащиванию классических позитивистских формул, правопреемниками которых в условиях существования «закрытого» государственно-политического конструкта стали советские историки. Политические реалии, подкрепленные марксистской методологией, привели к тому, что работы в области аграрной истории оказались частью свёрнуты, частью включены в канву строжайшей государственной цензуры. Старые историографические схемы, тиражировавшие имперский лозунг о крестьянстве как главном субъекте колонизации восточных окраин больше не работали, при этом новая политика власти (большевиков) в аграрной области была вообще ориентирована на ликвидацию крестьянства как сословной общности, что сопровождалось разрушением традиционного уклада, веками формировавшихся социальных связей, нарушением преемственности поколений, и в конечном итоге складыванием иного типа отношений в сельской среде⁹⁸.

Существенным является и то, что идеологическая «перезагрузка» отечественной исторической науки происходила в условиях кризиса позитивистской историографии рубежа XIX – XX вв. По констатации А.А. Некрасова, сами «буржуазные» историки, даже те, кто, как Ю. В. Готье и С. Б. Веселовский, крайне негативно относился к большевистскому режиму, тем не менее начало «болезни» российской

⁹⁸ Чуркин М.К. Крестьянские переселения в Сибирь в историко-экономической и культурно-антропологической традициях отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч.10 / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С.228-265.

исторической науки относят к дореволюционному прошлому. «...Я стал пессимистом давно, еще с 1904–1905 года», – отмечал С. Б. Веселовский в письме С. Ф. Платонову. В упомянутой брошюре Р. Ю. Виппер пишет о кризисе не только российской исторической науки, но и современного исторического знания в целом. Главную проблему науки Виппер видит в несовершенстве её методологии, порицая увлечение историков, в том числе и либеральных, «экономическим материализмом», упрекая их в стремлении найти простые универсальные объяснения исторических фактов, создать некую единую историцистскую теорию, невольно заставляющую историков «подгонять» «живые» факты под абстрактные социологические схемы⁹⁹.

Проецируя данный подход к сложившейся историографической традиции темы аграрной колонизации степных областей, можно выделить основные изъяны, присущие ей имманентно. Очевидно, что российская историография колонизации Степного края формировалась в системе координат публицистической полемики и на рельефном фоне аграрного кризиса, запустившего процесс массовых аграрных переселений за Урал.

В результате реакция исследователей на происходящие события мгновенно приобретала эмоционально-оценочный вид. Тематический спектр обсуждаемых вопросов в полной мере отражал опасения и надежды отечественных интеллектуалов, связанных с ростом миграционной подвижности населения, обновив многие положения колониационного дискурса. Показательно, что публицистическая активность развивалась в рамках позитивистской методологии, в которой идея установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов, поверяемых

⁹⁹ Некрасов А. А. Советская историческая наука 1930 – начала 1950-х гг.: текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С.4-5.

исторической практикой, неизбежно превалировала. Таким образом, факты и сюжеты аграрной колонизации рассматривались сквозь призму количественных показателей, когда на первый план выводилось механистическое понимание миграционных процессов, в масштабах которых обезличенная масса земледельцев искала спасения от голодной смерти во вновь колонизируемых районах Российской империи. В заданном формате истории, погружаясь в проблему и формируя источниковую базу исследования, ориентировались прежде всего на подбор доказательного материала, отражавшего в документах делопроизводственного характера содержание властного дискурса с соответствующим ему прагматическим подходом к организации аграрных практик при общей их негативной оценке¹⁰⁰.

Во-вторых, историографическая ситуация всегда сочленена и находится в зависимости от текущей идеологической ситуации и политического контекста. Общеизвестно, что аграрная колонизация Степного края и имперские практики, связанные с данным процессом, реализовывались в условиях постоянного решения «инородческого» вопроса. В дореволюционной историографической риторике русское присутствие и распространение земледелия в ущерб традиционным формам хозяйствования автохтонов рассматривалось как абсолютное благо. С приходом к власти большевиков и разработкой новых принципов государственной национальной политики ситуация начала стремительно меняться.

Профессор Гарвардского университета Терри Мартин, характеризуя содержание национальной политики СССР, основы которой закладывались именно в 1920-х гг., ввёл в научный оборот понятие «империя положительной деятельности», убедительно доказав в своих трудах, что стремление большевиков во что бы то ни стало

¹⁰⁰ Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: историографическая традиция и исследовательские практики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 160.

удержать власть, привела к раздроблению доставшейся им географической территории на десятки национальных областей и широкой практике поощрения национального самосознания у многочисленных этнических меньшинств. При этом Терри Мартин пришёл к интересному выводу, сообразно с которым внешние формы существования национальных меньшинств большевики осуществляли за счет использования комплексного потенциала национального большинства - русских, взвалив на этот народ все материальные и интеллектуальные тяготы в построении нового общества¹⁰¹. Таким образом, в политической программе большевиков чётко фиксировался факт деколонизации национальных меньшинств. Появляющиеся антиимперские лозунги глушились властью или объявлялись программными, более того, осуществлёнными на практике.

На этом фундаменте сформировалась и соответствующая историографическая ситуация, которая в разные временные отрезки репрезентировала новые имперские мифы о «благотворном влиянии российской колонизации на судьбу коренных народов», «преодолении экономической отсталости посредством смены культурного типа «иногородцами» и перехода к оседлому образу жизни», «ущемлении естественных прав кочевников», «насильственной русификации» и т.д.

«Империя положительной деятельности», заявляя о своём существовании де-юре, должна была соответствовать новому статусу де-факто. Во многом поэтому сформировалась потребность в реанимации института имперских экспертов, усилия которого должны были быть направлены на сбор и систематизацию материалов о бытовой культуре народов и этнических групп национальных окраин. Очевидно, что ЗСОГРГО, продолжавший действовать и после 1917 г.,

¹⁰¹ См. об этом: Терри Мартин. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.; Терри Мартин. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 55-87.

не вписывался в модернизированные национальные проекты СССР. Во многом поэтому уже в 1917 г. была создана Комиссия по изучению племенного состава России (КИПС), предметом исследования которой являлись численность, социальный строй, бытовые характеристики и особенности культурного уклада аборигенных народов СССР. В 1926 г. при Академии наук СССР был образован Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик, деятельность которого корректировалась пятилетним планом обследования Казахской ССР в статистико-экономическом, почвенно-ботаническом, геологическом и этнографическом отношениях. Наконец, в том же 1926 г. учреждается Казахстанская экспедиция АН СССР, в составе которой действовали антропологический и этнологический подотряды. Участниками экспедиции, такими как С.П. Швецов (руководитель статистико-экономического отряда), С.И. Руденко, Ф.А. Фиельструп, А.Н. Самойлович, представлявшими как дореволюционное, так и современное поколение исследователей, были подробно описаны обстоятельства хозяйственной деятельности и быта казахов, медико-санитарные условия их жизни, промыслы, ремёсла, элементы духовной культуры¹⁰². Таким образом, реализация национальной политики «империи положительного действия» началась в сфере этнографических изысканий, которые призваны были создать фактологическую базу новой имперской идеологии, обосновать права этнических меньшинств на национально-культурное своеобразие.

Перед исторической наукой ставились задачи историко-идеологического монтажа прошлого национальных окраин в контексте реальной политической ситуации. В данном смысле процесс выработки

¹⁰² См. например: Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. Т.36. 551 с.; Самойлович А.М. Казахи Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области // Казахи: сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л.: Издание АН СССР, 1930. Вып.15. С.303-328; Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов // Материалы комиссий экспедиционных исследований / // Казахи: сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л.: Издание АН СССР, 1930. Вып.15. С. 1-72.

подходов к оценке причин, хода и результатов аграрной колонизации Степного края в советской историографии осуществлялся в условиях уже сложившихся теорий и практик с учётом реальной ситуации.

Показательно, что в работах исследователей аграрной колонизации «переходного периода» (И.Л. Ямзин, В.П. Вошинин, А.П. Яхонтов) начиная с 1926 г. регулярно озвучивалась идея переселения крестьян как важный элемент продвижения более развитой русской земледельческой культуры по сравнению с местной кочевой, а такие конструкты, как «переселение» и «колонизация» оценивались в качестве сопутствующих явлений¹⁰³. Более того, осваивая советскую риторику, упомянутые авторы предлагали под колонизацией понимать «процесс заселения и использования производительных сил недонаселённых и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густонаселённых областей¹⁰⁴. Подобное понимание колонизации сопровождалось и идеологически «правильным» уточнением, согласно которому русские колонисты в некоторых районах Зауралья, например, в Степном крае, столкнулись с более высокими формами интенсивного туземного хозяйства¹⁰⁵. В итоге термин «колонизация» становился всё более неадекватным с точки зрения принципов советской национальной политики, вызывая неприятные ассоциации с имперским колониализмом. Во многом поэтому уже с середины 1920-х гг. на смену старой терминологии приходит новая, в которой используются такие менее одиозные понятия, как «освоение» и «заселение»¹⁰⁶.

В рассматриваемый период советская историческая наука в осмыслении колониальных проблем стремилась в первую очередь зафиксировать несправедливость имперского прошлого, которое

¹⁰³ Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. ...

¹⁰⁴ Там же. С.4.

¹⁰⁵ Там же. С.66.

¹⁰⁶ Ремнёв. А.В., Суворова, Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. С.49.

рассматривалось в русле концепции «абсолютного зла». В данной связи исследователи 1920-х – начала 1930-х гг. сосредоточили своё внимание на вопросах аграрной колонизации в связи с осуществлением Столыпинской аграрной реформы, наиболее уязвимой для критики в контексте текущей идеологической ситуации. Предметом исследования специалистов выступала аграрная политика империи, законодательство и землеустроительная деятельность правительства, что наиболее ярко материализовалось в работах С.М. Дубровского, Н. Карпова и др.¹⁰⁷.

С 1930-х гг. программа «империя положительной деятельности» постепенно уступает место идеологическому проекту национал-большевизма, в котором русский человек объявлялся «старшим братом» - титульным этносом России. Оформляются дополнительные контотоминания мифа: «угнетение коренного населения окраин царизмом», «дружба русского народа и коренного населения в условиях имперской экспансии». При этом неизменной продолжала оставаться имперская доминанта в изучении процесса включения Сибири в общеимперское пространство, которая чётко определяла пределы имперского доминирования, называя в качестве пограничной вехи 1917 гг.

В период 1930-х гг. в СССР завершается складывание авторитарно-административного сталинского режима, опиравшегося на поддержку контролируемого властью бюрократического аппарата и национально-патриотическую идеологию. Государственная централизация охватила все сферы жизни советского человека, в том числе идеологию, в которой истории отводилась роль транслятора ключевых принципов большевистской политики. Не случайно первая половина 1930-х гг. стала временем подготовки и внутрипартийного обсуждения учебников истории СССР, в процессе которого были сформулированы основные замечания партийных лидеров (Сталин,

¹⁰⁷ Дубровский С.М. Указ. соч.; Карпов Н. Указ. соч.

Киров, Жданов) на «Конспект учебника по истории СССР», смысл которых сводился к заключению, в соответствии с которым русский царизм был охарактеризован как «тюрьма народов» и как «международный жандарм»¹⁰⁸.

Однако к 1937 г. ситуация изменилась. В «Постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР» было выражено несогласие с однозначной оценкой присоединения разных народов к России, рассматривавшей этот длительный исторический процесс только с точки зрения завоевания. Был сделан принципиальный вывод о том, что присоединение окраинных территорий, в том числе Степного края, следует считать наименьшим злом по сравнению с тем, что могли испытать, попав под власть других государств¹⁰⁹.

По сути дела, означенные партийные заявления стали толчком к формированию концепции «наименьшего зла», институционализация которой ускорила после смерти М.Н. Покровского и стимулировала подготовку национальной истории Казахстана, в которую включился широкий круг советских историков (А.М. Панкратова, М.П. Вяткин, Н.Г. Апполова и др.).

Симптоматично, что вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг. стали переходной вехой в историографии аграрной колонизации Степного края в контексте «империя положительной деятельности» - «национал-большевизм» именно в связи с противоборством концепций абсолютного и «относительного» зла, отношение к которым было репрезентировано как на страницах новых изданий по истории Казахстана (Казахской ССР) в составе Российской (советской) империи, так и в критических отзывах по поводу содержания этих

¹⁰⁸ Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // На фронте исторической науки. Ростов н/Д. 1936. С. 14–17.

¹⁰⁹ Дюсебаев Н.К. Актуальные проблемы истории Казахстана в трудах М.П. Вяткина // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 4 (20). С. 58.

изданий. Достаточно сказать, что подготовка одного из первых изданий «Истории Казахской ССР» сопровождалась ожесточенными дискуссиями между адептами двух концепций - М.П. Вяткиным и А.М. Панкратовой. М.П. Вяткин отстаивал точку зрения, которая сводилась к тому, что Казахстан в XVIII–XIX вв. находился в условиях двойной агрессии, и ему угрожало порабощение как с юга, так и с запада. А.М. Панкратова и её сторонники, соглашаясь с наличием опасности с двух сторон, все же не признавали оценки присоединения Казахстана к России как «наименьшего зла». В итоге полемика завершилась принятием компромиссного решения, смысл которого сводился к следующему: присоединение Казахстана к России расценивалось как результат сговора части казахской знати и царского правительства, осуществленного не по воле казахского народа и вызвавшего их на борьбу против подданства: «Уже тогда были заложены основы того политического союза между казахской знатью и российским самодержавием, который впоследствии сыграл большую роль в превращении Казахстана в колонию империи. Подданство было принято вопреки воле народных масс. Казахский народ боролся против него»¹¹⁰.

Столь упрощенное понимание сложной исторической проблемы было подвергнуто ожесточенной критике, в ходе которой А.М. Панкратовой вменялась в вину принадлежность к «школе Покровского»¹¹¹. Рецензенты отмечали, что «присоединение Казахстана к России рассматривается в книге под углом зрения его завоевания Россией и по сути дела трактуется авторами как «абсолютное зло»¹¹².

¹¹⁰ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: Издание 1943 года. 3-е изд.: перераб. Алматы, Алматыкітап, 2011. 670 с.

¹¹¹ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 197.

¹¹² Морозов М. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 6. С. 74–80.

Утверждению концепции «наименьшего зла» в историографии аграрной колонизации Степного края в известной степени сопутствовала и текущая ситуация: с началом Великой Отечественной войны АН СССР была эвакуирована в Казахстан (пос. Боровое), где сложился крупнейший центр по изучению Степного края в контексте аграрной колонизации Зауралья второй половины XIX – начала XX вв.

Под знаком концепции «наименьшего зла» в 1940-начале 1950-х гг. появляется серия специальных исследований П.Н. Ефремова, О.А. Ваганова,¹¹³ посвящённых аграрному освоению Степного края, в них негативное отношение к колониальной политике царизма уравнивается констатацией высокого культурного уровня и прогрессивной роли русского крестьянства в аспекте влияния на кочевое хозяйство. При этом факт включения территорий Степного края в пространство Российской империи авторами расценивается как объективный выбор. В данном отношении показателен текст рецензии Н.В. Устюгова на монографию Н.Г. Апполовой, в которой рецензент, репрезентируя позицию АН СССР (по сути – государства), отмечает, насколько убедительно показано автором объективно-прогрессивное значение присоединения Казахстана к России¹¹⁴.

Однако уже в 1950-х г. концепция «наименьшего зла» переживает серьёзную трансформацию, приобретая отчётливый национал-большевистский формат. В начале 1950-х гг. в историческом сообществе разворачивается дискуссия, в эпицентре которой оказывается приоритетная роль русского народа в создании многонационального советского государства, что в полной мере соответствовало лозунгу о народе-победителе в недавней войне и презентовало крайний вариант национал-большевистской идеологии в

¹¹³ Ефремов П.Н. Столыпинская аграрная политика. М.: Госполитиздат 1941. 144 с.; Ваганов О.А. Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907 –1914 годы) // Исторические записки. Вып. № 31. М., 1950. С. 56-87.

¹¹⁴ Цит. по: Абдилдабекова А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX в.): Вопросы историографии. Учебное пособие. Алматы: Казак университети, 2007. С.82.

исторической науке. Платформой дискуссии стал академический журнал «Вопросы истории», на страницах которого в 1951-1953 гг. была опубликована серия статей, посвящённых оценке историками обстоятельств присоединения Степного края к России¹¹⁵. В частности, М.В. Нечкина писала, что формула «наименьшее зло» распространилась в конце 1930-х годов в противовес формуле «абсолютное зло» и сыграла в текущей историографической и политической ситуации позитивную роль, но «любое наименьшее зло есть все же зло, то есть отрицательное понятие». По мнению историка, понятие «зло» относится к отсутствию государственной самостоятельности и к угнетению народа царизмом, к тяжести национально-колониальной политики российского царизма. М.В.Нечкина считала, что угнетение народов, потерявших свою самостоятельность и введенных в состав Российской империи, не должно заслонять другие факторы жизни после присоединения, так как это понятие не покрывает жизни народа, не охватывает всех явлений исторического процесса данного народа. При оценке результатов присоединения к России, по мнению М.В. Нечкиной, историки должны обращать внимание на факты общения народов, на положительное, что вносили в хозяйственную и культурную жизнь народов русские переселенцы вопреки царизму. И далее: «Перед поработанным народом вырастает великая историческая перспектива: его старший брат, великий русский народ, русский пролетариат под руководством большевистской партии ведет народы к победе Октября, к новой эре в истории человечества». Рассмотрение именно этой стороны вопроса соответствовало идеологическим установкам того времени, когда актуальным являлось доказательство неизбежности победы социализма

¹¹⁵ См. например: Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (Письмо в редакцию). // Вопросы истории. 1951. №4. С.44-48; Якунин А.О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей. Там же. 1951. № 11. С.83-86; Брагинский И.С., Раджабов С.А., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Там же. 1953. №8. С.21-40.

и все лучшие перспективы в развитии общества связывались с коммунизмом. Историк указывала на необходимость показать рост дружбы народов, которая впоследствии, в борьбе с эксплуататорами, переходит в братство народов, «задача историков – обрисовать историческую перспективу единения и борьбы трудовых людей разных народов под руководством старшего брата – русского народа»¹¹⁶.

Таким образом, и в отношении научной рефлексии проблемы аграрной колонизации Степного края постепенно утверждалась позиция, в рамках которой тезис о добровольном присоединении степных районов к России, произошедшем в середине XIX века, что соответствовало чаяниям и «инородцев» региона, и русского крестьянства, становится основополагающим. В результате в советской историографии происходило постепенное смещение акцентов от оценки результатов аграрного освоения Степного края как сегмента имперской политики в параметрах теории «наименьшего зла» к признанию «исторической обусловленности» присоединения степных областей к России и его прогрессивном значении¹¹⁷. Формальное утверждение концепции прогрессивного значения присоединения казахских земель осуществилось на заседании сессий АН СССР в г. Ташкенте в 1954 и 1959 гг., в ходе которых обсуждались вопросы дореволюционной истории Средней Азии и Казахстана. В частности, в докладах С.А. Раджабова и А.В. Пяковского были сформулированы принципиальные положения, в соответствии с которыми присоединение данного региона происходило на протяжении более чем столетия в разной конкретно-исторической обстановке и разными путями. В оценке же прогрессивного значения этого процесса участники сессии оказались единодушны, подчеркнув прогрессивность

¹¹⁶ Цит. по: Абдилдабекова А.М. Указ. соч. С.83-84.

¹¹⁷ Борзунов В.Ф. К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С.97-107; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1962. 588 с.

события с точки зрения вовлечения народов Степного края в революционное движение, лидером которого однозначно признавался русский народ¹¹⁸.

Во многом ориентируясь на вышеозначенные идеологические указания, советские историки внесли коррективы в оценку аграрной колонизации Степного края второй половины XIX – начала XX вв. В работах А.А. Кейлина, А.Б. Геллера, И.Ф. Макарова¹¹⁹ отчётливо фиксировался дуальный подход к колониационному процессу в Степном крае. Наиболее рельефно эта двойственность проявилась в трудах И.Ф. Макарова, считавшего, что в переселенческом деле в регионе отчётливо прослеживалось два этапа: до реформ Столыпина и в период их проведения. Историк полагал, что до начала аграрных преобразований П.А. Столыпина в отношениях между русскими переселенцами и коренными группами населения действовали договорные начала, что способствовало активному и относительно безболезненному внедрению в «иностранческой среде» земледельческих практик. Однако форсированная модернизация аграрного строя империи в годы столыпинской аграрной политики привела к изъятию в пользу землепашцев так называемых «излишков» земли номадов, что негативно сказалось на развитии казахского земледелия¹²⁰. В подобном же ключе сделаны И.Ф. Макаровым замечания относительно земледельческих практик коренных населения Степного края. По мнению историка, казахское земледелие до начала массовых переселений носило потребительский характер, при этом практически

¹¹⁸ Цит. по: Абдилдабекова А.М. Указ. соч. С.87-88; Материалы объединённой научной сессии, посвящённой прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент: Госиздат, 1959. 298 с.

¹¹⁹ Кейлин А.А. Кризис переселенческого движения в Сибирь в период столыпинской реакции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пушкин, 1955; Геллер А.Б. Переселенческая политика царизма и колонизация в Казахстане в XX веке (1900 – 1916 гг.) (по материалам бывшей Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1964; Макаров И.Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX вв. (по материалам экспедиционных обследований 1896-1905 гг.) / Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. С. 3.

¹²⁰ Макаров И.Ф. Указ. соч. С.430.

все «инородцы» так или иначе были включены в земледельческий процесс, в котором проявились все признаки позитивного влияния переселенцев на автохтонов: «...Русские поселения являлись очагами, вокруг которых нарастало земледелие казахов»¹²¹. Исключением из общего правила стал лишь столыпинский период аграрной колонизации Степных областей.

Коллектив авторов многотомного издания «История Сибири», увидевшего свет в 1968 г., подводя итог параграфу об управлении народов Сибири и политике царизма, констатировал, что «прогрессивное влияние русского народа сказывалось на всех сторонах жизни автохтонов: на развитии среди них хлебопашества, на распространении жилищ русского типа, хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря... Под влиянием русского народа...усиливались экономические и семейно-бытовые связи между народами...Передовая русская интеллигенция не раз выступала в защиту народов Сибири. А.П. Щапов называл их нашими братьями...Народы Сибири включались в общий процесс экономического развития сибирских губерний и областей России...Наконец,...выступали против общих врагов – против царизма и эксплуататорских классов»¹²².

В аналогичном ключе критического подхода к правительственным действиям в условиях колонизации окраин с «разоблачением» нарушений и злоупотреблений имперских властей были написаны работы Черникова В.С., Тихонова Б.В., Шмачкова П.А. Критикуя аграрную политику центральной власти в Степном крае, изобличая многочисленные нарушения и злоупотребления имперской бюрократии в отношении местного населения, означенные авторы акцентировали внимание на особой культуртрегерской и

¹²¹ Он же. С.435.

¹²² История Сибири с древнейших времён до наших дней. В 5-и т. Т.3. // Под ред. А.П. Окладникова. Л.: Изд-во «Наука», 1968. С.108.

просветительской роли русского крестьянства, направленной на преодоление отсталости казахского общества в районах российской колонизации¹²³.

Оформление концепции «добровольного присоединения» и «исторической обусловленности» включения степных областей Зауралья в контент Российской империи имело двойные последствия для историографической ситуации в СССР в целом и вопроса аграрной колонизации Степного края в частности.

Во-первых, принятая административно-командным способом идеологическая установка о добровольности и прогрессивности присоединения Степного края стала лишь «довеском» к общей схеме оценки в советской исторической науке вопросов аграрной колонизации азиатской части России. В 1960-х – 1980-х гг. утверждаются основные штампы в научной репрезентации проблемы: «аграрный кризис», «реакционная политика царизма», «крах переселений» и т.д. В указанный период рождается и выходит на первый план тенденция, в соответствии с которой колониционный процесс начинает рефлексироваться отечественными историками в параметрах ещё не легитимированных в науке концептов «внутренняя колонизация» и «внутренний империализм». Происходило стремительное «расщепление» проблемного поля исследования аграрной проблематики, её регионализация. Так, именно в 1960-х-1980-х гг. появляется большое число работ, посвящённых аграрному кризису в Европейской России, одним из следствий которого стал рост народных миграций и переселений на окраины империи. Однако большинство авторов, представителей академической науки центра, ограничивались по преимуществу констатацией миграционного факта,

¹²³ Черников В.С. Крестьянская колонизация Северного Казахстана в конце XIX – начале XX века и ее социально-экономические последствия: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1966; Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века. По материалам переписи 1897 года. М., 1978; Шмачков П.А. Крестьянское переселение в Туркестан (1867 – 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961.

«делегируя» право конструировать поле переселенческой проблематики региональным исследователям¹²⁴. В границах темы аграрной колонизации Степного края сложилась ситуация, абсолютно адекватная логике национал-большевистской концепции о добровольном присоединении региона к Российской империи, усиленной ориенталистскими исследовательскими практиками дореволюционного периода. К 1960-м гг. тезис о добровольном присоединении и его прогрессивном характере принял в историографии абрис незыблемой теории, подтверждённой практикой, что свидетельствовало об окончательном решении идеологической задачи империостроительства в СССР. Формальным подтверждением этого факта становится создание собственно национальной (казахстанской) школы историографии, функционировавшей в соответствии с ориенталистской формулой, максимально удобной для национал-большевистской идеологии: «колонизованные» народы в известной степени поверили в то, что им рассказали о них самих их «колонизаторы»¹²⁵. Показательна и новая ситуация с исследованиями переселений в Степной край: тема становится, по сути, законсервированной для сибирских исследователей. Так, например, в многотомной «Истории Сибири» (т.3), в разделе, посвящённом переселениям на окраины империи, упоминания о миграциях и аграрной колонизации степных областей Зауралья отсутствуют¹²⁶.

Во-вторых, растекание историографии в советский период по «домашним», т.е. региональным, «квартирам» имело в отдаленной

¹²⁴ См. например: Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 191 с.; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.А., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России во второй половине XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1974. 222 с.; Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1974. 318 с.; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России (1881–1904 гг.). М.: Наука, 1984. 233 с.; Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1962. 588 с.; Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т., 1962. 260 с.

¹²⁵ Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. № 1. 2011. С.174.

¹²⁶ История Сибири с древнейших времён до наших дней... С.22-27.

перспективе и позитивные результаты. Сибирские исследователи, получили уникальную возможность активизировать работу в области аграрной истории окраин и прежде всего – экономических, географических, демографических её аспектов в связи с переселенческим движением в губернии и области Зауралья. Примечательно, что тема переселенческого движения с акцентом на такие вопросы, как аграрная и миграционная политика имперской власти в местах водворения крестьян, хозяйственное обустройство крестьянских дворов в Зауралье, социальное расслоение и классовая борьба в сибирской деревне, влияние природно-климатических обстоятельств на экономическую деятельность и практики земледельцев, особенности демографического поведения сельского населения¹²⁷, осваивалась настолько интенсивно, что вызвала уже в середине 1980-х гг. неоднозначную реакцию в сибирском научном сообществе.

Очевидно, что при существовавших и реально действовавших в рассматриваемый период идеологических ограничениях шёл неуклонный процесс накопления материала по истории аграрной колонизации Сибири в пореформенное время, что открывало потенциальные возможности для формирования новых подходов в историографии в связи с оценкой эффективности имперской политики на окраинах страны, определения места степных территорий в общеимперском пространстве. При этом становилось очевидным, что в центре внимания исследователей 1960-х – 1980-х гг. с завидным постоянством оказываются зауральские территории, которые на рубеже

¹²⁷ См. например: Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; Фёдорова Е.Д. Организация переселения крестьян в Иркутскую губернию во второй половине XIX – начале XX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: НГПИ, 1986. С.70-91; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 263 с.; Волкова Т.П. Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Дис. ... канд.ист.наук. М., 1982. 215 с. и др.

XIX - XX столетий в общественно-политическом дискурсе и колониционных проектах империи позиционировались в качестве внутренних губерний России (по преимуществу земледельческие районы Томской и Тобольской губерний).

Объективная «потеря» других окраин (Закавказье, Поволжье, Степной край и т.д.) становилась к середине 1980-х г. настолько очевидной историографической лакуной, что не заметить данный пробел было уже невозможно.

Стимулом к переосмыслению историографических позиций в освещении имперского опыта колонизации окраин послужили работы Л.М. Горюшкина, написанные в 1980-х гг.¹²⁸, когда была возобновлена историографическая полемика о влиянии переселений на процесс седентаризации аборигенных этносов различных регионов Зауралья. Прямым поводом – монография Д.И. Исмаил-заде о переселении русских крестьян в Закавказье¹²⁹. Л.М. Горюшкин откликнулся на выход монографии рецензией, опубликованной в сборнике научных трудов СО АН СССР в 1988 г.¹³⁰. По мнению историка, автор монографии о переселениях в Закавказье поднял важную проблему изучения переселенческого движения на окраины с последующим осмыслением колониционных мероприятий власти в масштабах всей Российской империи. Л.М. Горюшкин, будучи одним из разработчиков концепции развития капитализма вширь, полагал, что основу сельскохозяйственной эволюции составляло не помещичье,

¹²⁸ Горюшкин Л.М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Аграрные структуры в XIX веке» (Канада, Монреаль, 24-26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988; Он же. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное изучение экономического развития России и Японии» (Япония, Токио, 19-23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989.

¹²⁹ Исмаил-заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX – начало XX в. М.: Наука, 1982. 311 с.

¹³⁰ Горюшкин Л.М. Книга о переселении русских крестьян в Закавказье (в связи с освоением Сибири) // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Историография проблемы / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: «Наука», 1988. С.235-243.

кабинетское или государственное, а крестьянское хозяйство¹³¹. Таким образом, исследователь считал, что закономерности аграрной эволюции могут быть поняты лишь при рассмотрении русских крестьян как органической составной части всего крестьянства, в том числе и окраин империи¹³². Л.М. Горюшкин на страницах рецензии сделал принципиальный вывод, в соответствии с которым были поставлены под сомнение идеологически сконструированные и господствовавшие в историографии аграрной колонизации концепции «империи положительной деятельности» и национал-большевизма. Историк, в частности, писал: «Освоение окраин – заслуга русских и аборигенов. Испытывая положительное влияние русского народа, местные жители в свою очередь вносили большой вклад в общий процесс экономического и культурного развития. Лишь путём изучения взаимосвязей и взаимодействия трудовых традиций различных народов может быть раскрыт исторический опыт освоения Кавказа, Сибири и других окраинных территорий России»¹³³.

Несмотря на то, что во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. (до распада СССР) кардинальных изменений в историографической традиции аграрной колонизации Степного края не произошло, равно как не появились работы обобщающего, концептуального характера в рамках означенной темы, историографическая ситуация начала постепенно меняться. Во многом это было связано с формированием нового идейно-политического фона в СССР, политикой демократизации и гласности, стимулировавшими рост публицистической активности и снижение интереса к академическим исследованиям. Тем не менее в этот период, что в значительной мере стало следствием ослабления идеологического диктата власти, резко

¹³¹ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: «Наука», 1976. 342 с.

¹³² Горюшкин Л.М. Книга о переселении русских крестьян в Закавказье (в связи с освоением Сибири)...С.236.

¹³³ Там же. С.236-237.

возросли масштаб и продуктивность этнографических изысканий, направленных на изучение коренных групп населения Степного края. Предметом научной рефлексии этнографов становятся вопросы этнической истории автохтонов степных приграничных областей, этнического самосознания, этногенеза тюркских народов Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., что в перспективе исторической деидеологизации сыграло знаковую роль в формировании новых подходов к исследованию проблемы в отечественной исторической науке¹³⁴.

Подводя промежуточный итог, отметим, что процесс формирования советской исследовательской традиции аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. развивался в условиях кризиса отечественной исторической науки и идейно-политической ситуации, сложившейся после катастрофических событий 1917 г.

Советские историки, подобно своим предшественникам в дореволюционный период, незавершённые процессы колонизации окраин, в частности, степных областей Зауралья, рассматривали прагматично, видя в них важный элемент империостроительства. Однако историографическая традиция советского времени вставала на «крыло» в обстоятельствах жёстких идеологических схем и отсутствия научного плюрализма. Новая национальная политика советской власти, позиционируемая как политика коренизации, целью которой являлось

¹³⁴ См. например: Лапузина Н. И. К вопросу об этническом самосознании казахов юга Омской области. // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов обл. научной конференции по этнографии. Омск, 1984. С. 182-184; Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в конце XVI первой четверти XIX вв.// Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С.68-86; Он же. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск.ун-та, 1987. 80 с.; Калышев А.Б. Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

преодоление противоречий между центральной властью и населением национальных республик, фиксировалась в политической программе большевиков в формуле деколонизации национальных меньшинств, что ставило исследователей в тесную зависимость от текущих политических проектов и лозунгов. В результате отправной точкой в научном осмыслении аграрных мероприятий Российской империи в Степном крае в 1920-х гг., регионе с преобладавшим «инородческим» населением», стала тотальная критика политики самодержавия. Вовлечение степных территорий Зауралья в имперское пространство России оценивалось в масштабах концепции «абсолютного зла» для представителей кочевой цивилизации, втянутых в насильственный процесс смены культурного типа. Сам термин «колонизация» постепенно изымался из научного оборота, уступив место более мягким и обтекаемым понятиям: освоение и заселение.

По мере укрепления власти большевиков в 1930-х гг. вопросы аграрной колонизации Степного края постепенно включаются в проект идеологии национал-большевизма, означавший наступление нового этапа советской национальной политики, в параметрах которого российское государство, распространяя земледельческие практики среди кочевников, избавило их от завоевания иностранными государствами. В историографии вопроса данная модель получила название концепции «наименьшего зла», в которой доминирующим стал тезис о позитивном влиянии оседлых цивилизаций на номадические общества.

Наконец, с 1950-х гг. утвердилась точка зрения, в основе которой располагалась идея о добровольном присоединении степных областей к России посредством тиражирования аграрных практик, прогрессивном характере русской колонизации в регионе, дружбе народов при доминирующей роли русского крестьянства.

Только со второй половины 1980-х гг., во многом благодаря регионализации исторической науки и сохранению академической школы аграрных исследований, в том числе темы переселенческого движения на восточные окраины страны, в историографической ситуации появились первые признаки перелома, во многом обусловленные изменившейся политико-идеологической обстановкой. В историографический дискурс аграрной колонизации национальных окраин стали фрагментарно проникать такие риторические конструкты, как «взаимодействие» и «взаимовлияние», что во многом стимулировало исследовательскую деятельность в сфере этнографии коренного населения восточных окраин страны.

Несмотря на мощный идеологический пресс, под которым находилось общество, и марксистско-ленинский формат методологии советского времени, этот период трудно характеризовать как малопродуктивный с исследовательской точки зрения. Вопросы аграрной колонизации Степного края всегда являлись частью аграрного вопроса в России и переселенческого процесса, в который зауральские земли были включены с высокой степенью интенсивности. В советском фазисе историографии происходил активный прирост фактического и статистического материала по истории освоения степных областей, издавались сборники документов и материалов, монографии, посвящённые истории аграрного освоения Сибири и сопредельных территорий, что стало важным фактором сохранения и эволюции историографической традиции вопроса.

1.3. Современная российская историография колонизации Степного края условиях «постколониального» дискурса.

Становление современной российской историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. происходило в сложных социокультурных, экономических и общественно-политических условиях. Рубеж XX – XXI столетий стал не только временем крушения «советской империи», которое сопровождалось обретением политической и национальной независимости республик, долгие годы составлявших СССР, своеобразным «парадом суверенитетов», но и глубинным кризисом исторического знания и исторической науки.

Согласно логике Т. Куна, ситуация кризиса в науке определяется невозможностью объяснения явлений исторического порядка с опорой на существующие практики и методологические подходы¹³⁵. Совершенно очевидно, что марксистско-ленинские (позитивистские) формулы, предлагавшие рефлексировать российский колониационный процесс в системе координат «прогресс-отсталость», стремительно теряли актуальность и жизнеспособность. Более того, в условиях имперского распада и стремительного подъёма национальной идентичности в бывших советских республиках и, в частности, в Республике Казахстан, осмысление вопросов, связанных с практиками аграрной колонизации, медленно, но верно становилось невозможным в формате старой имперской терминологии «абсолютного» или «относительного зла». Российский историк Л.П. Репина, оценивая историографическую ситуацию конца XX – начала XXI вв., её потенциал и перспективы, констатировала: «Не остаются незамеченными в современной историографии и те изменения, которые происходят в области общественно-исторического сознания,

¹³⁵ Кун Т. Структура научных революций. М.: «Прогресс», 1977. 300 с.

исторической эпистемологии и рефлексивной (науковедческой, философской, социологической и т.д.) реконцептуализации самого исторического знания; трансформации познавательных возможностей исторической науки. По сути, речь сейчас идет о формировании нового исторического сознания, способного адекватно осмыслить свершившиеся и совершающиеся в мире перемены, критически преодолеть европоцентристскую перспективу, о создании в этом свете новой исторической культуры и нового образа исторической науки»¹³⁶.

Тем не менее влияние долгосрочной, идеологически обоснованной и устоявшейся историографической традиции, выработанной в предшествующий период, продолжало остро ощущаться в 1990-е гг. Во всяком случае, тезис о том, что вхождение в состав Российской империи национальных окраин являлось благом для их народов, активно отстаивался на конференциях, симпозиумах, круглых столах, репрезентировался на страницах ведущих изданий¹³⁷. По утверждению одного из участников «круглого стола», проведенного в 1992 г. журналом «Политические исследования», С. Б. Ерасова, включение в состав Российской империи новых территорий, в том числе Степного края, не сопровождалось официальной установкой на ассимиляцию, изменение системы управления, насильственную ликвидацию традиционных способов ведения хозяйства, религии и языка «иностранцев»¹³⁸.

Относительная стабильность традиционных схем в оценке причин, содержания и результатов аграрной колонизации степных областей Зауралья, в основе которых располагалась концепция о добровольном включении региона в состав Российской империи, объяснялась не

¹³⁶ Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня; Теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2012. С.8.

¹³⁷ Национальное государство: теория, история, политическая практика // Политические исследования. 1992. № 5-6. С.9.

¹³⁸ Ерасов Б.С. Социальная культурология : В 2 ч. М. : АО "Аспект-пресс", 1994. 238 с.

только историографической инерцией, но и реакцией имперского исторического сознания на текущую политическую и идеологическую ситуацию в Республике Казахстан начала 1990-х гг. Объективно в условиях смены идеологической парадигмы вопросы колонизации Степного края становились частью проблемы российско-казахстанских отношений, фактором исторической политики Российской Федерации и Республики Казахстан. Стоит напомнить, что исследования различных аспектов колонизации окраин Российской империи уже в 1950-х – 1960-х гг. были «передоверены» национальным научным кадрам, до поры до времени поддерживавшим идеологические установки «советской империи» о добровольном и прогрессивном характере присоединения к России.

Однако уже в начале 1990-х гг. во многом усилиями национальной казахстанской публицистики в оценке российской колонизации были реанимированы основные положения концепции «абсолютного зла», получившие обоснование и в официальной историографии Республики Казахстан. Академик Национальной Академии наук, профессор М.К. Козыбаев сформулировал официальный взгляд на историю Казахстана в составе Российской империи предельно ясно: «Проводя четкую грань между нацией А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского и царизмом, в то же время скажем, что колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм – антиподы...Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению»¹³⁹.

Показательно, что реакция части научного сообщества российских историков на подобную позицию иногда приобретала форму гипертрофированной политкорректности. Так, омский историк Н.В. Греков, характеризуя взаимоотношения русских крестьян-переселенцев

¹³⁹Козыбаев М.К. «История России есть история страны, которая колонизируется»// Столичное обозрение. 2.05. 1998; Он же. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Алматы, 2000. Кн.1. С.46.

с коренным населением Степного края, утверждал, что с ростом миграционного контингента «...обострялась и без того напряжённая ситуация во взаимоотношениях крестьян с коренным населением...», что являлось почвой для существования антирусских настроений...Мигранты...смотрели на кочевников как на низшие существа..., а казахи видели в переселенцах кровных врагов»¹⁴⁰.

Всё это в совокупности свидетельствовало о серьёзном методологическом кризисе историографической традиции вопроса, консервации исследований в границах концепций «абсолютного и наименьшего зла», «добровольности и прогрессивности» присоединения Степного края к России. Характерно, что многие представители российской аграрной историографии 1990-х гг., попав под «обаяние» открытой публицистической полемики, элиминировались из исследовательского пространства аграрной колонизации. Оставшиеся предпочли сосредоточиться на разработке социально-экономических аспектов истории вопроса, детально осваивая проблемы перехода «инородцев» от кочевого способа производства к оседлому.

Доминация подобной историографической практики просуществовала до середины 1990-х гг., когда наметились отчётливые признаки выхода из исследовательского тупика.

Одним из важных условий преодоления историографического коллапса стала доступность и распространение в научной среде исследовательских проектов западных историков, разрабатывавших имперскую проблематику. Одним из «пионеров» направления «новая имперская история» являлся американский историк Сеймур Беккер, ещё в 1968 г. написавший работу, посвящённую российским

¹⁴⁰ Греков Н.В. К вопросу о характере взаимоотношений переселенцев и кочевников-казахов на территории Степного края в начале XX в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII-XX вв. : Материалы междунар. науч. конф., 19-21 марта 1996 г. / Рос. акад. наук. Сиб. отделение. Ин-т истории и др.; [Редкол.: Л. М. Горюшкин (отв. ред.) и др.]. Новосибирск: Б. и., 1996. С.141.

протекторатам в Центральной Азии. По констатации С. Беккера, Россия, будучи объектом западной экспансии и лишь частично вестернизированной страной, по отношению к колонизируемым соседям позиционировала себя как Запад к своим заморским соседям, т.е. как государство, чьё технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва¹⁴¹. Комментируя колониционный опыт России, С. Беккер подчёркивал, что централизованная манера управления в Российской империи, распространявшаяся и на окраины, в условиях огромных расстояний могла корректироваться и сопровождаться такой долей терпимости к разнообразию местных обычаев, которая позволяла осуществлять поддержание правопорядка, сбор налогов и набор рекрутов. При этом экспансия в восточном и южном направлении за счёт неевропейских народов (Сибирь и Степной край) сопровождалась русской крестьянской колонизацией малонаселённых земель и ускоренным распространением российских политических институтов и практик во вновь приобретённых землях¹⁴².

Знаковую роль в переформатировании российской историографической традиции аграрной колонизации сыграли труды австрийского историка Андреаса Каппелера. Имперский нарратив в работах А. Каппелера занял центральное место в научных публикациях начала 1990-х гг. Ещё в 1992 г. Каппелер предпринял оригинальную попытку общего обзора истории полиэтнической Российской империи, преследуя цель поместить проблемы отдельных национальностей и сам процесс распада Советского Союза в широкий исторический контекст. Для более глубокого понимания советской полиэтнической империи, ее наций и этнических групп, их стремления

¹⁴¹ Цит. по: Герасимов И., Глебов С. Могильнер М. Написание истории России как истории империи: опыт Сеймура Беккера // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С.42-43.

¹⁴² Беккер С. Россия и концепт империи // Там же. С.76-77.

к эмансипации от центральной власти автор полагал важным обращение к предыстории этих процессов. А. Каппелер пришёл к заключению, что структуры полиэтнической империи, образцы взаимоотношений центра и периферии и межэтнических контактов складывались в ходе столетий. Подобным же образом национальная идентичность и национальное самосознание являлись продуктами длительного развития и находили свое основание преимущественно в истории¹⁴³. Автор на широком источниковом материале выявил и обосновал специфику российского колониализма, определив движение России в казахские степи как «шаг за шагом в казахские степи», «step by step», утверждая, что Россия изначально и поступательно осуществляла свой восточный проект. Андреас Каппелер в своей фундаментальной монографии, по сути, предложил перспективную модель наднациональной, полиэтнической, традиционалистской (домодерной) Российской империи, что позволяет компенсировать русоцентричный, национально-государственный взгляд, с одной стороны, и зауженную перспективу национальных историографий – с другой¹⁴⁴.

Идеи и подходы А. Каппелера, исключавшие шовинистические и националистические конструкторы в исторических исследованиях азиатских территорий, быстро прививались в региональной сибирской и национальной казахстанской историографии, чему немало способствовала политическая ситуация экономического, политического и культурного сотрудничества РФ и Казахстана, в котором важная роль отводилась коммуникации российской периферии с сопредельными государствами. Одним из таких примеров стал опыт организации

¹⁴³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс – Традиция, 2000. 344 с.

¹⁴⁴ Он же. Россия – многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» (сборник) / <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/430042-marina-mogilner-mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma-sbornik.html>. Дата обращения: 10.03.2018. С.54-57.

совместных научных конференций, имевших в новых условиях статус международных¹⁴⁵, продуктивность которых обеспечивалась сохранением в сибирском регионе научных центров, ранее осваивавших аграрно-колониационную проблематику (СО РАН, ОГУ им. Достоевского, ОмГПУ).

Как позитивный момент, следует отметить то, что внедрение исследовательских практик «новой имперской истории» в контекст научной рефлексии колониационных процессов соотносилось по времени с антропологизацией исторической науки, становлением междисциплинарного подхода и активного использования историками теоретических принципов и концепций сопредельных наук: социальной психологии, географии, демографии, политологии, социологии. Смещение локуса интереса учёных от описательно-повествовательной, событийной модели интерпретации исторического процесса к вскрытию состояний и особенностей поведения индивида в истории привело к расширению тематической палитры исследования вопросов, которые казались хорошо освоенными и исчерпанными. Так, на рубеже 1990-х – 2000-х гг. фактом историографии становится пристальное внимание историков Сибири и Степного края к проблемам взаимоотношений коренного и пришлого населения регионов в контексте аграрной колонизации, что переместило исследовательские акценты от изучения традиционных структур хозяйственной и политической жизни к осмыслению моделей и стереотипов поведения отдельных людей, социальных и этноконфессиональных групп¹⁴⁶.

¹⁴⁵ См. например: Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XX вв.) : междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл.: тез. докл. и сообщ. / Ом. гос. ун-т, Евраз. нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева, Кокшетаус. ун-т им. Ч. Ч. Валиханова [и др.; редкол.: Н. Н. Бревнова, А. И. Казанник, А. В. Ремнев (отв. ред.) и др.]. Омск: [б. и.], 1998. 223 с. и др. годы (2001, 2003, 2005, 2007).

¹⁴⁶ Шиловский М.В. Некоторые вопросы взаимоотношений русских и казахов в Степном крае (XVIII-начало XX вв.) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XX вв.) : междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл.: тез. докл. и сообщ. / Ом. гос. ун-т, Евраз. нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева, Кокшетаус. ун-т им. Ч. Ч. Валиханова [и др.; редкол.: Н. Н. Бревнова, А. И. Казанник, А. В. Ремнев (отв. ред.) и др.]. Омск : [б. и.], 1998. С.14-17; Томилов Н.А. Процессы этнокультурного взаимодействия казахов и русских юга Западной Сибири во второй половине

В статьях и кандидатской диссертации М.К. Чуркина проблема взаимоотношений и взаимодействия коренного населения и мигрантов рассматривалась в контексте теорий культурной конфигурации и культурных типов. Расшифровывая причины конфликтов и прямой конфронтации между мигрантами и «иногородцами» степных областей, автор пришёл к следующим выводам: во-первых, культуртрегерские притязания русских крестьян в регионе были существенно преувеличены в исследовательской литературе второй половины XIX – XX вв.; во-вторых, принадлежность переселенцев и автохтонов к традиционному (патриархальному) типу культуры лишь в начальный период водворения и обустройства мигрантов в областях кочевого скотоводства провоцировала конфликты, которые в дальнейшем часто трансформировались в продуктивные производственные контакты, культурное взаимодействие, сопровождаемое влиянием «иногородцев», выработавших набор приёмов, методов и способов выживания в экстремальных условиях¹⁴⁷. Об экономическом сотрудничестве и смене типа хозяйственной деятельности при сохранении этничности казахов в Степном крае доказательно писала в своих работах Е.В. Карих¹⁴⁸. По мнению автора, с русскими крестьянами после первоначального отчуждения и неприязни казахи образовывали экономический симбиоз, основанный на оседлом скотоводстве и земледелии¹⁴⁹.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. с ростом влияния и популярности имперского нарратива в региональных исторических

XVIII - начале XX вв. // Там же. С.18-20; Кусаинов К.А. Сотрудничество между Россией и Казахстаном: прошлое и настоящее // Там же. С.25-28; Колесников А.Д. Степной край: зона встречных миграций с севера русских, с юга казахов // Там же. С.46-49; Золотова Т.Н. Взаимодействие русского и казахского народов (конец XIX- XX вв.) // Там же. С.106-109. и др.

¹⁴⁷ Чуркин М.К. Культурный и этнопсихологический аспект взаимоотношений переселенцев из европейских губерний России и инородцев Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.// Вестник Евразийского университета. 2000. № 1. С.21-27; Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах.: дис...канд. ист. наук. Омск, 2000. 239 с.

¹⁴⁸ Карих Е.В. Межэтнические отношения казахов и русских на линии южно-сибирской границы // Европейские исследования в Сибири: Материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт» 6-8 февраля 2001 г. Вып.3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С.21-25.

¹⁴⁹ Там же. С.24.

исследованиях начинает активно разрабатываться тема административно-правовой политики Российской империи на восточных окраинах. Обращение к имперской проблематике в этот период являлось не только следствием формирующихся новых теоретических подходов, но, главным образом, политической ситуации. Распад Советского Союза привел к научной дезинтеграции между республиками, спровоцировал серьёзный вакуум в изучении отдельных аспектов их истории. Данная тенденция отчётливо проявилась в отношениях Российской Федерации и Республики Казахстан. Во многом поэтому имперская проблематика, её институциональные характеристики и формы реализации на российском геополитическом пространстве становятся важнейшими исследовательскими сюжетами в сибирской исторической регионалистике. Работы А.В. Ремнёва, В.С. Дякина, И.Л. Дамешек, М.В. Шиловского, С.И. Каспэ, Д.В. Кузнецова, Толочко А.П., Е.В. Безвиконной, Сухих О.Е., Кузьмина А.А. и др. дают реальную возможность составить представление об имперском контексте аграрной колонизации Степного края, принципах и практиках национальной и окраинной политики Российского государства во второй половине XIX – начале XX вв., организации регионального управления в империи. При этом для означенной группы авторов характерным является стремление к уточнению и расширению понятия «империя» как особого типа политической организации¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Ремнёв А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. № 2. С.79-85; Он же. Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2002. С.102; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX века). СПб.: «Лисс», 1998. 1000 с.; Дамешек И.Л. Окраинная политика России во второй половине XIX в.: автореф. дисс...канд. ист. наук. Иркутск, 1998; Шиловский М.В. Некоторые вопросы взаимоотношения русских и казахов в Степном крае (XVIII — начале XX вв.). Омск, 1999. С. 14; Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. 256 с.; Кузнецов Д.В. Работа администрации по заготовке колонизационного фонда в Среднем Прииртышье в конце XIX – начале XX века. // Исторический ежегодник. Омск, 1999. С. 23 – 31; Толочко А.П. Роль Западно-Сибирского отдела русского географического общества в исследовании Степного края (кон. XIX-нач. XX вв.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: междунар.

В рассматриваемый период происходит окончательное утверждение имперского подхода к оценке колониционных процессов в Российской империи, что материализовалось в тотальной аккомодации исследовательских практик «новой имперской истории» к изучению сложных явлений инкорпорации Степного края в социокультурное пространство России. Своеобразной «лабораторией», специализирующейся на многоаспектной имперской истории и географии, в начале 2000-х гг. становится научная школа ОГУ им. Достоевского, возглавляемая А.В. Ремнёвым. Решающим фактором формирования историографической школы, в системе координат которой плодотворно осваивались актуальные вопросы колонизации степных областей Зауралья, стало отчётливое стремление к преодолению региональной замкнутости научного сообщества Сибири, что наглядно проявилось в сотрудничестве А.В. Ремнёва с коллективом и авторами издания *Ab Imperio*, предложивших на рубеже XX – XXI вв. иную, отличную от позитивистской, модель рефлексии «имперскости». В 2007 г. А.В. Ремнёв включился в разработку исследовательского проекта «Окраины Российской империи», став членом редколлегии издания и одним из авторов первого обобщающего научного труда по истории Зауралья, написанного в масштабах имперского нарратива и в риторике имперского дискурса¹⁵¹. Приверженность качественно новому подходу к исследованию имперских и национальных составляющих российской колонизации оказалась зафиксирована уже во вводной части коллективной монографии: «Имперский нарратив, который в значительной мере унаследован современной русской историографией... неизменно фокусировался на центре, на

Евразийский форум: тезисы докладов и сообщений. Астана-Омск-Томск, 2003. С.98-99; Кузьмин А. А. Институциональный анализ переселенческого освоения новых территорий (на примере земледельческого освоения Сибири): дис...канд. эконом. наук. Омск, 2005; Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в.: дис...канд. ист. наук. Омск, 2005; Сухих О.Е. Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахских степей в имперское пространство России // Вестник Евразии. 2005. № 3 (29). С.5-29

¹⁵¹ Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: НЛО, 2007. 368 с.

государстве, на власти. Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя - лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план»¹⁵².

В этой связи центральное место в монографии занимает вопрос о национальных аспектах колониционной политики Российской империи на восточных окраинах. Подчёркивая особый статус окраинных территорий, авторы (А.В. Ремнёв, И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский) пришли к ряду концептуальных выводов, определивших динамику и содержание исследования аграрной колонизации Степного края в исторической литературе 2000-х гг.

Во-первых, империя, включая в свой состав ту или иную территорию на Востоке, начинала её властное освоение и интеграцию в имперское политико-административное пространство, используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Западную Сибирь и Оренбургский край – для Казахской степи и Средней Азии)¹⁵³.

Во-вторых, одним из важнейших компонентов реализации имперских проектов на окраинах являлась «политика населения», сообразно с принципами которой государство активно вмешивалось в

¹⁵² Там же. С.5.

¹⁵³ Сибирь в составе Российской империи...С.20

этнодемографические процессы, манипулировало этноконфессиональным составом населения для решения военномобилизационных задач. С этой целью империя направляет на свои восточные окраины русских переселенцев, которые осознают себя форпостом России, субъектами колонизации и проводниками идеи о том, что зауральские земли не просто освоены экономически, но и заселены однородным и единоверным с Россией населением¹⁵⁴.

В-третьих, коренное население Зауралья регулярно находилось в эпицентре имперских административно-управленческих практик, которые эволюционировали от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу, что в конечном итоге привело к слиянию и взаимодополнению в имперской политике стратегических задач экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири и сопредельных регионов в состав национального Российского государства¹⁵⁵.

Погружение в тему колонизации сориентировало исследовательский опыт А.В. Ремнёва в направлении проблем «внутреннего империализма» как дискурса и идеологии, при этом были активно задействованы материалы по аграрному освоению Степного края. В своих соображениях А.В. Ремнёв отталкивался от тезиса, сформулированного им ещё в 2002 г.: «Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи – это ещё и сложный процесс превращения Сибири в Россию...»¹⁵⁶. Учёный сформулировал важную идею о том, что забота о крестьянах-переселенцах, распространение передовой культуры на окраины, просвещение «иногородцев» могли выполнить серьёзную

¹⁵⁴ Там же. С.63-64.

¹⁵⁵ Там же. С.243.

¹⁵⁶ Ремнёв А.В. Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002. С.102.

идеологическую задачу: в известной степени примирить народнически настроенную интеллигенцию с имперской политикой, которую она подвергала критике уже в рамках социального дискурса, упрекая власти в недостаточной помощи и неорганизованности землепользования. Но сами русские переселенцы при такой высокой миссии, возлагаемой на них, мало подходили на роль культуртрегеров¹⁵⁷.

Выбранный А.В. Ремнёвым исследовательский вектор, предполагавший обращение к дискурсам – властному, общественно-политическому, «иностранческому», крестьянскому, казачьему, в известной мере способствовал обоснованию бесплодности и научной бесперспективности историографической традиции, в рамках которой имперские практики на окраинах оценивались в форматах «абсолютного зла» или блага. Дело не только в том, что им были поставлены и отчасти разрешены ранее не актуальные или закрытые в российской историографии вопросы о способах и принципах структурирования властью пространства империи, национальной политике на окраинах, использовании и перенесении управленческого опыта с одних окраин на другие и т.д. Важным стало хорошо аргументированное утверждение, позволяющее понять, что практики доминирования и принуждения, имманентно присущие моделям имперской организации пространства, превращали всё население этих территорий в объект государственной колонизации, субалтернов империи. В этой связи в эпицентре исследовательских разработок А.В. Ремнёва в период с 2007 по 2010 гг. оказался широкий круг сложных вопросов, ранее не входивших или «стыдливо» замалчиваемых в историографии: колонизация и «обрусение» азиатских окраин, роль крестьянского переселения в их «слиянии» с Россией, седентеризация

¹⁵⁷ Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. С.5-6.

кочевников и русский крестьянин как земледельческий «инструктор» и образец оседлого и «цивилизованного» образа жизни, имперские и национальные сценарии крестьянской колонизации второй половины XIX – начала XX в., имперская идеология «внутреннего» империализма и проект «большой русской нации», «культурное бессилие» русского крестьянина-переселенца, низкие социокультурные и хозяйственные адаптивные способности переселенцев, забота об имидже русского крестьянина в глазах инородцев, «объинородничанье» русских в Азиатской России и т.д.¹⁵⁸. Все эти вопросы получили фрагментарную оценку в авторских и совместных (с Н.Г. Суворовой) проектах исследователя, завершившихся уже после смерти историка¹⁵⁹.

Одной из значимых заслуг А.В. Ремнёва, с точки зрения «перезагрузки» историографического прочтения сюжетов аграрной колонизации окраин, в том числе и Степного края, стало внедрение в научный оборот сибиреведения новых методологических понятий: в контексте содержательных аспектов управления регионом – «внутренний империализм», о котором уже упоминалось выше и «постколониальность», запечатлевшая дискурсивные аспекты рефлексии колонизированных в прошлом народов. В определении А.В. Ремнёва, «постколониальность – это не просто после колониализма, это еще и особый способ интерпретации современности, в которой бывший (если даже и проблемный с точки зрения признания его существования) колониализм выполняет важную мобилизующую функцию. “После” не всегда означает “вследствие”, а может быть воспринято как “следующее” за чем-то. Префикс “пост” – не только указание на временную последовательность; он, главным образом, служит обозначением желания переосмыслить и преодолеть

¹⁵⁸ Ремнёв. А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века...С.8-9.

¹⁵⁹ Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков (под общ. ред. Н.Г. Суворовой). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.

ограниченность “великих нарративов” либерализма, марксизма, колониализма и модернизации, способом уйти от универсалистского европоцентризма с его жесткими оппозициями типа “Запад – Восток”, “цивилизованный – нецивилизованный” и найти свой язык самоописания и альтернативные “деколонизированные” методологии¹⁶⁰.

Очевидно, что использование маркировки «постколониальные исследования», определяемые как совокупность методологически и дисциплинарно гетерогенных, но тематически взаимосвязанных концептуальных дискурсов, осознающих себя в едином контенте критических проектов и программ, направленных на преодоление последствий экономической, политической, но прежде всего культурной и интеллектуальной зависимости "незападного мира" от "западных" образцов и прототипов, создавало перспективы для компромисса российского и казахстанского сегментов историографии аграрной колонизации Степного края, ставило русский и казахский народы в равные условия «покорённых» империей.

Особенностью формирующейся историографической ситуации стала общая тенденция к преодолению исследовательского схематизма в оценке аграрной колонизации степных областей во второй половине XIX – начале XX вв. Для данного процесса являлось характерным сочетание традиционных и инновационных подходов к осмыслению широкого спектра вопросов причинно-следственного свойства, раскрывающих содержание, логику и реализацию имперских колониационных сценариев. Так, предметом исследовательского интереса становятся темы изменения политического статуса номадного общества в контексте его интеграции в пространство модернизирующейся империи, формирования и эволюции нормативно-

¹⁶⁰ Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. № 1. 2011. С.171-172.

правовой базы переселенческой политики в связи с аграрными мероприятиями в Степном крае¹⁶¹, разработки принципов административной политики в сфере начального образования «инородцев»¹⁶², реализации практик административного и судебного реформирования в степных областях¹⁶³, установления факторов конфликтности старожилов, новосёлов и «инородцев» Азиатской России в условиях принимающего общества¹⁶⁴, осуществления конфессиональной политики в казахской степи¹⁶⁵, оценки роли правительственных и общественных экспертов в аграрной колонизации Степного края¹⁶⁶.

В последнее десятилетие в оценке российского имперского опыта окончательно утвердился концепт «внутренняя колонизация», обсуждаемый за пределами традиционных схем отечественного колонизационного процесса, сложившихся в историографическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв., в центре которого располагались практики хозяйственного освоения и административного управления подведомственными государству территориями. В работах А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина и др. оформилось определение внутренней колонизации как регулярных практик колониального управления и знания внутри политических границ

¹⁶¹ Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис...канд. ист. наук. Омск, 2009. 26 с.;

¹⁶² Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис...канд. ист. наук. Омск, 2007. 25 с.

¹⁶³ Васин К.Л. Административные и судебные реформы 60 – 90-х гг. XIX в. в степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской): автореф. дис...канд. ист. наук. Омск, 2008. 26 с.

¹⁶⁴ Алишина Г.Н. Старожилы, «инородцы» и новосёлы Азиатской России в конце XIX – начале XX века: факторы конфликтности // Исторические исследования в Сибири...2010. С.86-91.

¹⁶⁵ Любичанковский С. В. Политика оренбургской администрации по исламизации казахской степи и причины ее изменения в 1860-х гг. // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей / отв. ред. М. К. Чуркин, Т. А. Сабурова, И. И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С.112-121.

¹⁶⁶ Суворова Н.Г. Православные эксперты о степном колонизаторе // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр «КАН», 2016. С.427-433; Скопа В.А. Выдающиеся статистики Степного края последней трети XIX – начала XX в.: роль личностного фактора в проведении статистических обследований и социокультурном изучении региона // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей / отв. ред. М. К. Чуркин, Т. А. Сабурова, И. И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015...С.164-170; Филимонов А.В. Роль чиновников особых поручений в реализации переселенческой политики на примере А.А. Станкевича // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 407. С. 156–159.

государства. В основе концепта лежит идея об особом типе отношений между государством и подданными, в границах которого государство воспринимает их как покоренных в ходе завоевания, субалтернов. При этом, собственная территория позиционируется как захваченная и загадочная, требующая заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра¹⁶⁷. Всё это позволяет утверждать, что в условиях российской колонизации реализовывался вариант сложного доминирования, составляющими которого являлись культурная экспансия, гегемония власти, а также ассимиляция в пределах государственных границ¹⁶⁸. Симптоматично, что задачи колониального принуждения в такой системе осуществлялись в интересах безопасности империи, а также поиска ресурсов обеспечения её устойчивости.

О влиянии постколониальной теории и постколониальных исследований на российскую историографическую традицию аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. красноречиво свидетельствует содержание научно-исследовательских работ и заявленных в них подходов в последние годы.

Отличительным признаком исследовательских подходов современных авторов, разрабатывающих тематику аграрной колонизации Степного края является перемещение акцентов с сюжетных линий колониационного процесса к дискурсивным его составляющим, что отрывает видимые перспективы в поисках ответа на вопрос о механизмах имперского управления в России и на окраинах, экспертах и акторах колонизации. Так, по констатации М.К. Чуркина, в условиях аграрного освоения степных пространств Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. рельефно

¹⁶⁷ Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.13; 18; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

¹⁶⁸ Эткинд А. Указ. соч. С.18-19.

отразилось соперничество дискурсов, интеллектуальное поле которых по большому счёту структурировалось как противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где дискурсы, властный и общественный, репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов¹⁶⁹. По мнению исследователя, стартовый период включения территорий Степного края в значительной мере усилил противостояние в российском обществе областного варианта инкорпорации новых территорий в имперский контекст (Н.М. Ядринцев, П.М. Головачёв и др.) и проекта «большой русской нации» М.Н. Каткова. В процессе конфронтации дискурсов, в которые неизменно включалась центральная и региональная бюрократия, вырабатывался имперский проект аграрной колонизации степных областей региона, определяя нормативно-правовую систему координат, направленную на вовлечение территорий в канву империи, а также государственную политику, реализуемую в практических мероприятиях властей¹⁷⁰. Автором было установлено, что влияние властной (имперской) составляющей аграрной колонизации окраин, в частности, Степного края, во второй половине XIX – начале XX вв. существенно амортизировалось и корректировалось общественным мнением, составленным на основании научной экспертизы степных пространств, в результате чего на рубеже XIX–XX вв. окончательно оформились два подхода к оценке возможных вариантов аграрной колонизации региона: прогрессивное и сдержанное, в системе координат которых центральные и

¹⁶⁹ Чуркин М.К. Исследовательские практики «новой истории империи» в научной рефлексии аграрной колонизации Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина [Текст]: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С.62-64.

¹⁷⁰ Там же. С.63.

региональные власти пытались обнаружить оптимальные пути инкорпорации региона в общеимперский конструкт¹⁷¹.

В парадигме «новой имперской истории» оцениваются содержательные аспекты аграрной колонизации Степного края в работах Б.С. Токмурзаева¹⁷², предметом исследовательских усилий которого стало освоение содержания либерального, консервативного и властного дискурсов по вопросу формирования имперских проектов и практик аграрной колонизации степных областей. В результате автором были реконструированы представления власти и общества о потенциальных возможностях, долгосрочных перспективах и способах включения региона в общеимперское пространство, сделан важный вывод о том, что в конце 1870-х гг. происходит переопределение имперскими властями главного субъекта колонизации, в качестве которого позиционировалось крестьянство. По справедливому замечанию автора, данный факт не только способствовал активизации переселенческого движения и аграрному освоению региона, но и росту социальной конфликтности в областях, отличавшихся заметной этнической и конфессиональной гетерогенностью. Б. С. Токмурзаев приходит к заключению о том, что имперские проекты аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. стали продуктом совместной деятельности власти и общества. В реальных обстоятельствах колониационного процесса и в практической деятельности центральной, региональной и местной

¹⁷¹ См. например: Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колониационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Том. гос. ун-та. 2015. № 401. Декабрь. С.207; Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX вв.: историографическая традиция и исследовательские практики // Там же. № 406. Май. 2016. С. 158-164.

¹⁷² Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX – начала XX вв.: дис...канд. историч. наук. Омск, 2016. 252 с.; Он же. Степной край в имперской политике России XIX века // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. Омск: ОмГПУ, 2014. Вып. 10. С. 69-75; Он же. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2015. № 1 (33). С.5-9.

власти проекты земледельческого освоения степных областей приобрели отчётливые признаки концепции «внутреннего империализма», что выразилось в формировании форсированной модели включения территорий Степного края в общеимперское пространство.

Таким образом, можно констатировать, что процесс становления современной российской историографической традиции аграрной колонизации Степного края вмещается в несколько этапов, хронология и содержание которых определяется влиянием условий политического, социокультурного и интеллектуального контекстов.

Для стартового периода новейшей отечественной историографии, охватившего первую половину 1990-х гг., было характерно сохранение исследовательской инерции и подходов в оценке аграрно-колонизационных мероприятий Российской империи в Степном крае. Однако в новых политико-идеологических обстоятельствах, связанных с распадом СССР, обретением бывшими советскими республиками суверенитета, ростом и укреплением национальных идентичностей, сложившаяся в советской историографии концепция о добровольном характере присоединения степных областей к России не только потеряла свою актуальность и стала объектом жёсткой критики, но и являлась поводом для эскалации национальных и межгосударственных конфликтов.

В собственно научном плане в начале 1990-х гг. сама возможность проведения масштабных изысканий в сфере аграрного освоения степных территорий оказалась купирована, что в известной степени было предопределено форматом организации исторической науки в СССР, особенно в той её части, которая выполняла идеологические задачи в сфере национального вопроса. Очевидно, что история окраин и национальных меньшинств империи в дореволюционный и советский периоды являлись «подчинённым знанием», которое формировалось и

внедрялось российскими учеными, создававшими легитимные интерпретации исторического процесса, и которое становилось фундаментом национальных историй.

В условиях государственной независимости тема аграрной колонизации в национальных республиках, в частности, Республике Казахстан, стала предметом напряжённой и довольно одиозной публицистической полемики, в которой колонизационные сюжеты репрезентировались в качестве национальной травмы. Реакцией российской историографии вопроса в сложившихся обстоятельствах, сопровождаемых ситуацией методологического кризиса, стали политкорректность и молчание.

Второй этап институционализации российской историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. (середина 1990-х гг. – 2016 г.) ознаменован внедрением западных исследовательских концепций в методологический контекст российской исторической науки. Данный процесс проходил в условиях благоприятного политического, социокультурного и научного фона, признаками которого являлась деидеологизация научного знания, использование принципов междисциплинарности в рефлексии аграрно-колонизационных процессов в России. Обращение к теориям и практикам «новой имперской истории» создало позитивные предпосылки для расширения горизонтов научного познания и выхода за пределы узких границ регионального подхода в исследовании аграрной колонизации окраин, что подтверждается формированием тенденции, в рамках которой происходит переосмысление традиционных, идеологически навязанных советских концепций, способствует примирению и конструктивному взаимодействию российского и казахстанского сегментов историографии.

Резюмируя вопрос о содержании и основных тенденциях развития российской историографической традиции аграрной колонизации Степного края, отметим следующее.

Во-первых, историографический опыт оценки содержания процесса аграрной колонизации как условия государственной инкорпорации степных областей в общеимперское пространство вступил в стадию формирования во второй половине XIX столетия – период, соответствующий по времени продвижению Российской империи на восточные окраины, началу массовых переселений и интенсивных контактов в условиях принимающего общества, с характерными для него признаками этнической, конфессиональной и культурной мозаичности. Аграрная колонизация Степного края реализовывалась в обстоятельствах отдалённости не только от России, но и её «внутренних» губерний за Уралом, ярко выраженного этноконфессионального и социокультурного колорита коренного населения, что значительно усложняло решение имперских задач, требовало серьёзной экспертной работы в колонизируемом регионе, способствовало включению в обсуждение актуальных текущих и перспективных вопросов колонизации не только власти, но и общества.

Российская историографическая традиция аграрной колонизации Степного края складывалась в условиях острого публицистического напряжения и соперничества дискурсов, что неизбежно придавало ей рецептурно-рекомендательную форму. Отличительной особенностью дореволюционного сегмента историографии, фокусирувавшейся на проблемах аграрного освоения степных областей, стала специфика государственной имперской политики в регионе. В отличие от «внутренних» губерний Зауралья Степной край являлся эпицентром геополитических интересов империи, «присвоение» территорий которого неизбежно соотносилось с распространением там аграрно-

земледельческих практик и признанием российского крестьянства главным субъектом колонизации и транслятором имперских интересов.

В результате именно в дореволюционной историографии вопроса были сформированы устойчивые оценочные представления и критерии, определившие содержание научных подходов к аграрной колонизации Степного края в последующие годы. К их числу относилось преувеличение культуртрегерского потенциала крестьянства и его роли в практиках русификации региона, малопродуктивная идея о преимуществе оседлого образа жизни над кочевым, а также теория «взросления» «иностранцев» вследствие русского культурно-экономического воздействия.

Во-вторых, в советский период историография вопроса формировалась и эволюционировала в рамках государственных идеологических установлений. На раннем этапе, в период оформления ленинской национальной политики и «империи положительной деятельности», объектом резкой критики стала самодержавная политика правительства, ограничивавшая возможности самоопределения национальных меньшинств в Российской империи. С укреплением власти, политических позиций большевиков и советской государственности в историографии утверждается национал-большевистская концепция, в системе координат которой представления о содержательных аспектах аграрной колонизации Степного края постепенно эволюционировали от теории «наименьшего зла» к убеждению в добровольном и прогрессивном характере вовлечения степных территорий в общегосударственное поле.

Одним из знаковых событий, связанных с развитием историографической традиции в советский период, стало становление национальных историографических школ (в том числе Казахской ССР), принявших деятельное участие в создании национальных историй, под покровительством национальных учреждений, подчинённых центру,

что имело двойственные последствия. С одной стороны, «подконтрольная» автономизация национального сегмента исторической науки и её аграрно-колониационной составляющей способствовала становлению сибирского регионального контента исследований переселенческого и колониационного дела в границах «внутренних» губерний Зауралья: прирастала источниковая база материалов по истории крестьянства, казачества коренного населения, переселенческой и административной политике и т.д. Всё это в конечном счёте содействовало в отдалённой перспективе реанимации темы аграрной колонизации Степного края в постсоветский период. С другой стороны, продолжительное существование национальной казахстанской научно-исторической школы в условиях советского государственного патернализма методологически консервировало и выхолащивало аграрно-колониационную проблематику, насаждало схематизм в исследовательских подходах и практиках, что с обретением национально-государственной независимости вылилось в возрождение примитивной концепции «абсолютного зла».

В-третьих, в начальный период формирования новейшей российской историографии проблемы аграрной колонизации исследуемого региона становятся действующим фактором исторической политики Российской Федерации и Республики Казахстан. В условиях прогрессирующего роста национального самосознания и идентичностей исследователи сосредоточили внимание на максимально «болевых» точках национальных историй. В данном отношении колониационная проблематика не стала сюжетом российского историко-публицистического пространства, чего нельзя сказать о публицистике в сопредельном государстве, тиражировавшей свойственные для постколониального дискурса травматические ощущения.

Кроме того, методологический кризис позитивизма в отечественной исторической науке приостановил исследования вопросов колонизации, продемонстрировав низкую продуктивность традиционных научно-исследовательских подходов. Обращение к практикам и подходам «новой имперской истории», смещение акцентов в осмыслении сложных и многообразных аспектов аграрной колонизации степных областей Зауралья в направлении оценки «имперской ситуации» на окраинах, произошедшее в конце 1990-х – 2000-х гг., вывело проблему на принципиально иной уровень научной рефлексии и интерпретации. Имперский ракурс прочтения сюжетов аграрной колонизации степных окраин предоставил историкам шанс, отказавшись от описательно-повествовательной модели реконструкции прошлого региона, переместиться в поле дискурсивности, «услышать» голоса всех акторов колониационного процесса.

В условиях постколониальных исследований имперский подход, разрабатываемый в новейшей российской историографии, привёл к существенным изменениям в историографической традиции заявленной проблемы, что проявилось, прежде всего, в признании факта, в соответствии с которым в обстоятельствах имперского доминирования функцию гегемона может выполнять только государство, остальные группы населения (в том числе русские), являются объектом колониационного давления, субалтернами империи.

Глава II. СТЕПНОЙ КРАЙ В КОЛОНИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ: КАЗАХСТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

2.1. Колонизация Степного края в трудах и практической деятельности представителей казахской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв.

Процессу формирования историографии Республики Казахстан в контексте долгосрочного обсуждения проблемы колонизации Степного края как составной части Российской империи предшествовал рост этнического самосознания и идентичности казахской интеллигенции во второй половине XIX века, что преобразовалось в оригинальную национальную идею возрождения традиционной модели казахской государственности. Очевидно, что становление национальной интеллигенции в колонизируемом регионе происходило в условиях имперского «оцентрирования» степных территорий, которые продолжительное время являлись эпицентром кочевой культуры и номадического образа жизни. Рост идентичности национальной казахской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX вв., связанный с процессом её вовлечения в российские образовательные и административно-политические структуры, неизбежно сопровождался влиянием общественно-политических процессов и настроений, получивших распространение в либеральном дискурсе пореформенной эпохи (региональный сепаратизм, право народов на самоопределение, негативное отношение к русификации окраин как проявлению внутреннего империализма), что определяло формы и содержание реакции образованной части казахского народа на колониационную деятельность империи в степных областях.

Антиколониальное направление как базис казахстанской национальной историографической традиции в своих истоках тесным образом связано с имперской окраинной политикой, проектами,

ориентированными на инкорпорацию степных территорий в общегосударственный социокультурный и нормативно-правовой контекст.

Можно выделить несколько обстоятельств, оказавших влияние на интенсивность вовлечения представителей коренного этноса в обсуждение вопросов аграрной колонизации Степного края, оформление ключевых идей и концепций, составивших фундаментальные основы казахстанской историографической традиции проблемы.

Во-первых, смещение акцентов колонизационного дела в направлении степных областей (Акмолинской, Семипалатинской) в 1870-х – 1880-х гг., интенсификация миграций, разработка переселенческой программы, моделирование имперских подходов и практик к организации административного управления в регионе активизировало процесс формирования и мобилизации чиновничьей бюрократии из представителей местного населения. Во второй половине XIX века присоединение к России крупнейших этнорегионов, в том числе Степного края, превратило империю в государство полиэтнического типа. Потребность в создании универсальной модели управления национальными окраинами в интересах государственной безопасности и сохранения территориальной целостности ориентировал власти на лояльное отношение к этническим элитам и организацию регулярного сотрудничества с её фигурантами. Показательно, что первые представители казахской интеллигенции – Ч. Валиханов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, братья Х. и Д.

Досмухамедовы, М. Жумабаев, М. Тынышпаев, Ш. Кудайбердиев и др. являлись выходцами из среды традиционной степной аристократии¹⁷³.

В этой связи в имперской системе координат одним из узловых стал вопрос о подготовке национальных управленческих кадров, который был неразрывными нитями связан с задачами социальной и национальной политики на окраинах. Помимо гарантий лояльности по отношению к аристократической элите империя делегировала «инородцам» широкие возможности вертикальной социальной мобильности, предполагавшей право свободного межсословного перемещения и занятия любыми видами деятельности. Новый правовой статус коренного населения, закреплённый юридически «Временным положением об управлении Западно-Сибирским генерал-губернаторством» в 1868 г., стал основополагающим в национальной политике Российской империи, в основе которой располагалась «единая линия, рисующая законченный образ постоянно растущей, систематической административной унификации, культурно-языковой русификации...с целью полного административного, социального и культурного объединения – слияния в одно целое всей Российской империи и её превращения в этнически однородное и цельное национальное государство»¹⁷⁴.

В сложившейся ситуации первоочередное значение приобретали вопросы образовательной политики на степных окраинах, которые первоначально реализовывались в формате «образование для национальной аристократии», что стало инструментом актуализации роли казахской аристократии и приближенной к ней по социально-имущественному статусу знати из других категорий казахского общества.

¹⁷³ Шаймуханова С.Д., Ерденбекова Ж.С., Бибигуль Муратбеккызы Вклад Алихана Букейханова в политическую и научно-исследовательскую деятельность Казахстана // International journal of applied and fundamental research № 5. 2016. С.330.

¹⁷⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя...С.203.

Достаточно сказать, что уже в середине XIX века одним из шагов в политике правительства по утверждению верноподданнических настроений среди коренного населения, а также по приобщению его к «цивилизации» было разрешение детям казахской знати, состоящей на государственной службе, поступать в учебные заведения империи¹⁷⁵. В дальнейшем, во второй половине XIX столетия, доступность образования охватила широкие слои населения, а в период с 1875 по 1881 гг. «повсюду стали возникать гимназии, высшие женские училища, начальные школы, а также особые школы для киргизов...»¹⁷⁶.

Показательно, что образовательная политика и практика в отношении «иностранного» населения изначально позиционировалась как имперская, что наглядно было продемонстрировано в высказывании министра народного образования Д.А. Толстого в 1870-м г., полагавшего, что «конечной целью образования всех иностранцев...должно быть их обрусение и слияние с русским народом»¹⁷⁷.

Таким образом, через имперскую образовательную модель в разные годы прошли такие видные деятели культуры, общественно-политического движения и науки, как С. Сейфуллин, А. Букейханов, Н. Нурмаков, Х. Кеменгеров и др.

Перемещение на этнотерриторию казахов населения из западных и центральных губерний империи вследствие аграрных миграций, возникновение новых центров русской оседлости, распространение земледельческой культуры увеличивали потребность в

¹⁷⁵ Чуркин М.К. Коренное население Омского Прииртышья в колониационном дискурсе и имперской образовательной политике второй половины XIX – начала XX вв. // Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Тобольск научный – 2018». Тобольск, 2018. С. 155.

¹⁷⁶ Омск в описаниях путешественников, учёных, писателей XVIII – XIX вв. // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск, 1966. Вып.8 (15). С.87.

¹⁷⁷ Цит. по: Ковалышкина Е.П.«Иностранный вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С.85.

профессионально подготовленных и политически сervilleных специалистов в разных сферах: управлении, медицине, ветеринарии, образовании и т.д. В условиях становления и внедрения государственной системы просвещения казахская молодежь получила возможность обучения не только в официальных учебных заведениях уровня городских школ и училищ, но и в университетах, что значительно расширило пространство культурной и интеллектуальной коммуникации отдельных представителей коренных групп, в результате чего в казахском обществе сформировалось локальное сообщество людей, образованных по европейским университетским стандартам. Возвращение в родные места по окончании университетского курса сопровождалось для данной группы лиц и изменением социального статуса. Более того, переход в чиновный разряд обязательно сопровождался исключением из «киргизского сословия», что произошло, например, с выпускником Казанского университета М.Карабаевым в связи с «определением на государственную службу в степени лекаря и звания уездного врача»¹⁷⁸. Приобретая статус служащих, представители национальной интеллектуальной элиты вербовались в ряды имперских экспертов, включались в деятельность общественных организаций, в частности, ЗСОИРГО (А. Букейханов), участвовали в издании местной и общесибирской периодической печати (А. Досов, Х. Кеменгеров) и т.д. и тем самым вовлекались в сферу политической жизни государства.

К этому следует добавить, что политизация чиновников, мобилизованных империей по национальному признаку, осуществлялась на фоне общественного подъёма в России и распространения там народнических и социал-демократических идей. Одной из характерных черт общественной жизни Степного края второй

¹⁷⁸ Цит. по: Айтмухамбетов А.А. Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX – начале XX вв. (исторический аспект): дис...док. историч. наук. Республика Казахстан, Семей, 2010. С.7.

половины XIX века являлся приток сюда участников освободительных движений. Во второй половине XIX века на территорию региона были сосланы участники национально-освободительного движения 1863-1864 гг. в Царстве Польском, что привело к значительной эскалации коммуникативной сферы национальной интеллигенции. Очередной виток, связанный с перемещением политически неблагонадёжных элементов в границы Степного края, произошёл в 1881 г., когда было принято правительственное решение правительства о распространении политической ссылки на Степное генерал-губернаторство.

Во-вторых, формирование идейного континуума казахской национальной интеллигенции, в том числе и в сфере вопросов аграрной колонизации, происходило в условиях специфической конфессиональной политики по отношению к региону и «инородческому населению». В XIX столетии в территориальных границах Степного края усилилась роль татарских и среднеазиатских миссионеров. Со второй половины XIX в. власти империи проявляли серьёзную озабоченность усиливающимся влиянием татар, составлявших значительную долю городского населения региона, что естественным образом активизировало деятельность государства в области реализации русификаторских проектов, а также одного из основных трансляторов политики «большой русской нации» на окраинах – православного духовенства. Н.Н. Балакшин отмечал, что государство, не допуская в степь русских переселенцев и стимулируя процессы седентаризации кочевников, фактически открывает шлюзы для создания «заповедного для русских киргизско-мусульманского государства»¹⁷⁹. Подчёркивая важность задач аграрной колонизации степных областей, имперский эксперт использовал и экстраординарные риторические приёмы: «ради защиты Христа от мусульманского изуверства», «водворение русских поселенцев в степных областях...

¹⁷⁹ ГИАОО. Ф. 3. Оп.7. Д.11587. Т.1. Л.38.

уравновесило бы в степях мусульманский элемент русской народностью»¹⁸⁰.

Высказываемые имперскими чиновниками опасения в конечном счёте оказались не беспочвенными, а влияние мусульманского фактора на сознание казахского населения более существенным, нежели практики христианского прозелетизма. По констатации исследователя Ю.А. Лысенко, деятельность Киргизской православной миссии в Степном крае в 1880-х – 1890-х гг. не имела успеха, поскольку в этот период конфессиональная принадлежность перестала играть роль формального признака и критерия при определении льготного правового статуса подданного и его административного положения,... а переход в православие уже не рассматривался как «социальный лифт»¹⁸¹. Однако у этого явления была и обратная сторона, поскольку национальная идентичность является продуктом не только светского, но и религиозного воздействия. В данном отношении седентаризация, а также имперские практики, направленные на воспитание привязанности к русской культуре, отказ от бытовых привычек и традиционного образа жизни в системе русифицированного просветительства Н.И. Ильминского, существенно амортизировались влиянием мусульманских концепций, в основном сегменте которых отстаивались идеи антиколониализма¹⁸². Всё вышеозначенное выполняло важную функцию при формировании идей и представлений казахских просветителей на рубеже XIX - XX вв.

Резюмируя, отметим, что процесс складывания мыслящего сословия в Степном крае реализовывался в условиях сложного переплетения социокультурных, политических и конфессиональных факторов.

¹⁸⁰ Там же. Оп.8. Д.13315. Л. 652-652 об.

¹⁸¹ Лысенко Ю.А. К вопросу о социальном статусе новокрещённых казахов Омского Прииртышья (XIX – начала XX в.) // // I Ядринцевские чтения. Материалы Всеросс. науч.-практ. конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. Омск, 2012. С.60; 62.

¹⁸² См.например: Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Л., 1979. С.8-10; Ковалёвская Е.П. Указ. соч. С.85-86.

Пожалуй, главной особенностью, своеобразным сословно-культурным фоном формирования национальной интеллигенции региона, являлось сохранение доминанты султанских фамилий, представители которых были связаны кровным родством и взаимопомощью. С началом продвижения Российской империи в степные области во второй половине XIX века аристократия, переживая имущественное разорение, стремилась к сохранению своего статуса путём контактов и слияния с имперской бюрократией и государственной властью. В результате представления казахской интеллигенции, с одной стороны, оформлялись в обстоятельствах мощного влияния русской культуры, что материализовалось в вовлечении национальных кадров в государственную деятельность, с другой – испытывали воздействие со стороны теоретиков и практиков исламизма, что способствовало распространению антиколониальных, отчасти антирусских настроений, усилению национальной идентичности.

Идейным вдохновителем национальной интеллигенции являлся Ч.Ч. Валиханов, формирование личности которого происходило на стыке русской и казахской культур. В период с 1847 по 1853 гг. он учился в Омске, в Сибирском кадетском корпусе. В 1850-е гг. служил в должности адъютанта Западно-Сибирского генерал-губернатора Г. Гасфорда. Принимая участие в экспедиционной работе, Ч.Ч. Валихановым был собран обширный этнографический материал о казахах Среднего жуза, землепользовании коренного населения, их взаимоотношениях с казачеством, а также сформулированы основные подходы к оценке российского колониационного процесса в степных областях¹⁸³.

Одним из ключевых вопросов, связанных с оценкой перспектив аграрной колонизации степных областей, в общественно-

¹⁸³ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. Алма-Ата, Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984-1985; Он же. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. 4. С. 71-76; Он же. О кочевках киргиз // Там же. Т. 4. С. 105-109.

политической и научной рефлексии Ч. Валиханова являлась проблема исламизации коренного населения. Разделяя опасения имперской администрации по поводу усиления мусульманского влияния на казахское население, исследователь резко критиковал планы правительства, связанные с насаждением христианства, деятельностью православных миссий, направленных на крещение казахов, с последующим их переселением в пограничные районы, подчёркивая, что «...мера эта, похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была бы величайшей ошибкой»¹⁸⁴.

В эпистолярном наследии Ч.Ч. Валиханова достаточно чётко зафиксировано и скептическое отношение к деятельности колониальной администрации в отношении инородцев, имеющей антиправовой, личностный характер, что во многом оказало влияние на позиции его последователей. Так, в письме к Ф.М. Достоевскому, обсуждая действия чиновника администрации Фредерикса, освободившего за взятку двух арестантов, Валиханов отметил: «Законы у нас на Руси, пока ещё пишутся не для генералов..., а эти генералы с инородцами в Сибири делают, что хотят, разве только собаками не травят...»¹⁸⁵.

Критически оценивалась Ч.Ч. Валихановым экономическая и налоговая политика колониальной администрации в Степном крае. Наиболее предметные высказывания исследователя касались практики передачи в частную собственность пастбищных угодий, что, по мнению Валиханова, могло нанести и реально наносило вред традиционному скотоводческому промыслу основной части коренного населения¹⁸⁶. Столь же негативным было его мнение и относительно податной политики администрации, в частности, кибиточного сбора и ямской повинности, объявляемых Валихановым

¹⁸⁴ Он же. Избранные произведения...С.195.

¹⁸⁵ Там же. С.154.

¹⁸⁶ Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения...С.199.

избыточными, несправедливыми и разорительными¹⁸⁷.

Стоит подчеркнуть, что служебная и общественно-политическая карьера Ч.Ч. Валиханова развивалась по двум траекториям. Выполняя функции имперского служащего, по сути правительственного эксперта, исследователь сохранял коммуникативные контакты с представителями казахской интеллигенции, участвуя в экспедиционной деятельности, приходил в соприкосновение с нуждами коренного населения. Такого рода дуальность была типичной для передовой национальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. и являлась производной образовательной и национальной политики Российской империи на окраинах. Признавая прогрессивную роль российского присутствия в степном регионе для судеб коренных народов, Ч.Ч. Валиханов сформулировал общий алгоритм воззрений образованной части этноса на колониционный процесс, в соответствии с которым правительственным органам и чиновникам следует осуществлять инкорпоративную работу в пределах гуманности и человеческого отношения.

Утверждение и дискурсивная легитимация антиколониального направления как составляющей национальной казахстанской историографической традиции связаны с именем А.Н. Букейханова, период общественно-политической и исследовательской активности которого пришёлся на конец XIX – первую четверть XX вв., время наиболее интенсивной колониционной деятельности Российской империи в Степном крае. Получив светское образование (окончил Омское техническое училище (1888), экономический факультет Санкт-Петербургского лесотехнического института (1894)), А.Н. Букейханов принимал активное участие в публицистической и исследовательской деятельности, являясь с 1894 г. членом редакции и корреспондентом

¹⁸⁷ Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения... С.222; 225.

газеты «Степной край», выпускаемой в Омске. Симптоматично, что включение Букейханова в состав редакции газеты совпало по времени с кадровыми изменениями в издании. Возглавил редакцию П.Б. Ящеров – член РГО, участник польских событий 1863 г., представитель либерального сегмента сибирской интеллигенции. В состав редакции входили политические ссыльные - В.Д. Соколов, И.И. Грибанов, Н.П. Лоскутов и др. Влиятельное ситуативное окружение А.Н. Букейханова, а также его знакомство и сотрудничество с сибирскими областниками - Г.Н. Потаниным, С.П. Швецовым - способствовали активному включению А.Н. Букейханова в общественную жизнь города и региона, принимавшего в качестве эксперта участие в экспедициях по исследованию степных областей¹⁸⁸. В частности, в период с 1896 по 1903 гг. Букейханов работал в составе экспедиционного отряда Ф. Щербины, результатом работы которого стало изучение Степного края в колониальном отношении, что завершилось изданием 12 томов материалов, собранных и обработанных экспедиционерами¹⁸⁹. По свидетельству коллег-экспедиционеров, Букейханову принадлежала заслуга в подготовке примечаний к общинно-аульным группам, установлении естественно-исторических районов Степного края, составлении таблиц перекочевки коренных жителей, а также алфавитного указателя киргизских слов и выражений¹⁹⁰.

По окончании работы экспедиции в 1903 г. А.Н. Букейханов принял участие в составе научной экспедиции по экономическому обследованию прилегающих к Сибирской железной дороге районов под руководством С.П. Швецова, сосредоточив внимание на исследовании животноводческого хозяйства казахов в связи с

¹⁸⁸ Букейханов А.Н. Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года. Омск, 1902; Он же. Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. // Тандамалы (избранное) / Алматы, 1995. С. 45-65.

¹⁸⁹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф.А.Щербины. В 12 т. Воронеж, 1898-1903.

¹⁹⁰ Цит. по: Попов Ю. Алихан Букейханов: возвращение имени // Рассвет. Токаревка, 1992. 14 ноября. С.3.

аграрными переселениями в Сибирь и Степной край. С 1904 г. А.Н. Букейханов служит в должности статистика Омского переселенческого управления, участвуя «в разработке норм киргизского землевладения и землепользования»¹⁹¹.

Именно в указанный временной промежуток 1894-1904 гг. в основном сформировались представления А.Н. Букейханова о содержательных и смысловых аспектах аграрной колонизации региона.

Одна из ключевых идей исследователя заключалась в обосновании и констатации изначальных преимуществ переселенческих хозяйств в Степном крае, что находило выражение в финансовой поддержке со стороны правительства и косвенно способствовало разрушению традиционных устоев «инородческих» экономических структур. А.Н. Букейханов указывал на опасность, возникавшую в связи с диспропорциональным распределением мигрантов из Европейской России в колонизируемом регионе. В частности, он отмечал, что переселенцы из России заселяют преимущественно северные уезды степных областей. Опираясь на материалы губернаторских отчетов за 1905 год, по данным которых в Акмолинской области насчитывалось казахов - 484456, крестьян - 205515, в процентном отношении крестьян к казахам - 42%, Букейханов с тревогой отмечал, что за последние три года, особенно в 1907 году, наплыв переселенцев вырос настолько, что приведенные соотношения изменились существенно в пользу крестьян. В частности, по данным переселенческого управления в 1907 году переселилось в Акмолинскую область 12000 семей¹⁹². Комментируя сложившееся положение, А. Букейханов сообщал: «За один 1907 г. отведено под

¹⁹¹ Асылбеков М.Х. Сеитов Э.Т. Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и учёный. Алматы, 2003. С.38.

¹⁹² Букейханов А. «Киргизы» // Формы национального движения в современных государствах. Под ред. Костелянского А.И. Петербург-Петроград, 1910, с 586.

переселенческие участки и отчуждено от киргизских земель в киргизской степи 54 тысячи или 810 тысяч десятин, в том числе в одной Акмолинской области 510 тысяч десятин, попадающих, главным образом, на северные уезды области, где земельная теснота довела уже казахов, говоря канцелярским языком, до сопротивления властям»¹⁹³.

Отношение А.Н. Букейханова к земельному вопросу в связи с переселенческим движением произрастало из его богатейшего экспедиционного опыта, в центре которого находились исследования скотоводческих хозяйств «инородцев» Степного края. Анализируя итоги обследования хозяйственной жизни казахов, А. Н. Букейханов, например, констатировал, что в Каркаралинском уезде население имеет различные промыслы: 12 % включены в земледелие, 27 % задействованы в неземледельческих промыслах, 4 % - джатаки. При этом основным источником к существованию для коренного населения остается скотоводство. На этом основании Букейханов пришёл к выводу, что в большинстве районов Степного края хозяйство должно носить исключительно скотоводческий характер, что обеспечит его экономическую рентабельность. Исследователь считал гибельным процесс наделения казахов земельными угодьями, полагая, что «если казахи возьмут земельные участки, то они не смогут правильно воспользоваться ими и будут вынуждены продать, как это сделали башкирцы, и через несколько лет останутся без земли»¹⁹⁴.

Данный вопрос представлялся А.Н. Букейханову судьбоносным в осмыслении аграрно-колониационной проблематики, поскольку в определённых обстоятельствах он приобретал форму межэтнического противостояния. В этой связи предметом размышлений и публицистической реакции видного казахского просветителя являлась тема правового обеспечения русской колонизации в Степном крае. По

¹⁹³ Букейханов А. Шығармалар. Алматы: «Қазақстан», 1994. С.19.

¹⁹⁴ Там же. С.24.

разумению А.Н. Букейханова, введение Степного положения 1891 г., «созданного бюрократическим путем, без всякого соображения с истинными потребностями населения, неуважение к закону со стороны власти, ставящей на место последнего свое усмотрение, полное пренебрежение к правам личности, административное насилие, вторгающиеся во все стороны жизни, пренебрежение к духовным и экономическим интересам киргиз, искусственно поддерживаемое невежество массы - все это привело население к обеднению, а его культурное развитие к застою»¹⁹⁵. В качестве иллюстрации он приводил пример столкновения между казахами и крестьянами в Петропавловском уезде в июне 1906 г., в котором принимали участие сотни вооруженных переселенцев и киргизов, что привело к большим потерям с обеих сторон¹⁹⁶.

Обрисовывая перспективу земледельческого освоения степных областей в границах имперского подхода, А.Н. Букейханов указывал, что нерациональные, экстенсивные приёмы землепользования, в конечном итоге приведут к вырождению пашенных угодий: «Особый вопрос - что ожидает в будущем крестьян и киргиз? Лучшие земли северного района киргизской степи сходны с землями Самарской губернии. В 1880-х годах степь служила местом колонизации и даже числилась в ряду многоземельных губерний. Ныне - она сама дает ежегодно не менее 6000 - 9000 душ переселенцев. При спешном и массовом переселении крестьян в киргизскую степь весьма возможно, что ее целина будет выпажана раньше, нежели крестьянское хозяйство успеет принять более интенсивную форму... Здесь повторяются знакомые неурожаи юго-восточной России. Распылив превосходные пастбища... и обратив их в пустыню, крестьянин окажется у разбитого корыта, а киргизы... окончательно обнищают, если только,

¹⁹⁵ Букейханов А. «Киргизы»...С.595.

¹⁹⁶ Там же. С.586.

пролетаризированные новыми условиями жизни, они не переселяются на горные заводы и в города»¹⁹⁷.

В целом А.Н. Букейханов, характеризуя процесс инкорпорации Степного края в состав Российской империи, определяет его как «захват», выделяя в качестве разновидностей такового – вольную и правительственную колонизацию. Исследователь полагал, что империя поддерживала и продвигала вольную колонизацию, поскольку та являлась надёжным способом решения внутренних проблем России. При этом Букейханов критически относился к концепции об особой цивилизаторской роли русских в Степном крае. По его мнению, «первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью...Они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы - грабёж покоренного инородца и расхищение природных богатств»¹⁹⁸.

Антиколониальное направление в дореволюционной историографии аграрной колонизации Степного края, основные положения которого были сформулированы А.Н. Букейхановым, приобретают масштаб политической теории и практики в первое десятилетие XX в., что имело непосредственную связь с процессом консолидации национальной интеллигенции и активным её вовлечением в общественно-политическую жизнь региона и Российской империи. Так, А.Н. Букейханов в 1905 году был избран депутатом в I Государственную думу по Семипалатинскому округу, принял участие в составлении Выборгского манифеста, осуждающего

¹⁹⁷ Букейханов А. «Киргизы»...С.585.

¹⁹⁸ См.: Мурсалим Болат. Алашорда. Фотоальбом (при поддержке НДП «Нур Отан») Алматы: «Орхон» Баспа үйі, 2012. С.15.

ропуск Думы. Исследователи склонны полагать, что именно с этого документа начинается активная политическая деятельность А. Букейханова¹⁹⁹. В российских газетах регулярно публикуются его статьи с критикой колониальной политики и деятельности местной бюрократии. Фактором пробуждения национального самосознания казахов и организации их просветительской деятельности стало издание газеты «Казах», первого в истории Степного края общенационального периодического издания, активное участие в создании и функционировании которого приняли лидеры казахского национального движения А. Букейханов, А. Байтурсынов и М. Дулатов. Политизации мировоззрения национальной интеллигенции сопутствовали и события первой русской революции 1905-1907 гг., вследствие чего Омск становится главным очагом национально-освободительного движения. В 1905 г. под руководством А.Н. Букейханована на Кояндинской ярмарке была подготовлена «Каркаралинская петиция», основным пафосом которой стала критика системы местного управления, образовательной политики в отношении коренного населения, имперских практик организации землепользования «иностранцев», что дало возможность исследователям говорить о её программном общеказахском характере, заложившем основы алашского движения²⁰⁰. Показательно, что в этот период усилиями творческой казахской интеллигенции, в частности, М. Дулатова, в казахскую национально-политическую риторику проникают и наполняются дополнительными коннотациями такие понятия, как «самосознание», «самоуправление», «самодеятельность», «сатрапия», что наглядно свидетельствует о росте и завершении

¹⁹⁹ Аюпова З.К., Құсайынов Д.Ө. Алаш қозғалысы және қазақ қоғамындағы саяси сананың серпілісі // Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің хабаршысы № 3 (35). 2017. С.16-25.

²⁰⁰ Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935. С. 17.

формирования национальной идентичности казахской интеллигенции²⁰¹.

Показательным с точки зрения эволюции взглядов и представлений национальной интеллигенции, на наш взгляд, является следующее высказывание А.Н. Букейханова: «В ближайшем будущем в казахской степи среди киргиз возможно появление, в соответствии с двумя политическими направлениями, двух политических партий. Одна из них под названием национально-религиозной будет ставить своей целью объединение казахов с другими мусульманами. Другая – западного направления...Если первая в качестве образца будет иметь мусульманские татарские партии, то последняя – русскую оппозиционную, а именно «партию народной свободы»²⁰². В известной степени это находит подтверждение и в издании «Казахи о русских до 1917 года», где, в частности, говорится следующее: «После 1905 года казахское национальное движение стало обретать все большую политическую окраску. Появились две различные линии. Первая была более традиционалистской и панисламистской, ориентированной на Бухару и Туркестан....Второе направление было более модернистское и либеральное»²⁰³. В условиях, когда часть казахской интеллигенции начинает активное сотрудничество с представителями мусульманских движений, А.Н. Букейханов и его соратники посредством легального участия в общественно-политической жизни предпринимали попытки отстаивать достижения западной цивилизации при условии сохранения национальной самобытности. Тем не менее регулярное участие казахских общественных деятелей в работе мусульманских религиозно-политических организаций, усиление влияния «джададизма» в казахской среде ориентировало представителей либеральной интеллигенции на использование мусульманских съездов в качестве

²⁰¹ См. например: М. Дулатулы. Шығармалары (Сочинения в 2 томах), Алматы, Жазушы, 1991.

²⁰² Букейханов А. «Киргизы»...С.528.

²⁰³ Казахи о русских до 1917 года...С.10.

политической трибуны, тем более, что эти съезды проводились в самом центре империи, столице Санкт-Петербурге. Так, делегат Букейханов, выступая на очередном съезде мусульманских представителей в 1914 г., в сравнительном анализе положения казахского населения до столыпинской реформы и в последующий период констатировал общее ухудшение его состояния. Букейханов поставил вопрос о необоснованном политическом давлении имперской власти на казахское население. В подтверждение гражданской позиции казахских делегатов им была оглашена телеграмма от представителей казахской общины, в которой содержались следующие сведения: «Мы не можем не обратить внимание съезда на Постановление Синода от 26 апреля 1912 года. Постановление это ставит своей целью обращение киргизов в православие, что является посягательством на свободу совести, возведенную с высоты престола. Никакое законодательство без участия представителей от инородцев в законодательных учреждениях не будет соответствовать их интересам»²⁰⁴.

Активная общественно-политическая деятельность представителей образованного сословия Степного края, контактная среда, в которой эта работа осуществлялась, способствовала формированию идеи национально-культурной автономии, первым шагом к осуществлению которой, по мнению А. Букейханова и М. Дулатова, могли стать практики развития местного самоуправления. Идея организации местного самоуправления у коренных групп населения была сформулирована ещё Ч.Ч. Валихановым, вызвав одобрение и отклик у последователей просветителя²⁰⁵. В частности, Букейханов и Дулатов полагали, что местное самоуправление в степных областях может быть осуществлено в форме земства. Лидеров

²⁰⁴ Цит. по: Айтмухамбетов А.А. Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX – начале XX вв. (исторический аспект)...С.252.

²⁰⁵ Валиханов Ч. Избранные произведения //под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во худож. лит-ры, 1958. 644 с.

казахской интеллигенции привлекала возможность путём введения земств амортизировать давление со стороны имперской администрации и тем самым сделать решительный шаг к самоопределению. Популяризируя идеи земства не только в образованной среде, но и среди кочевников, исследователи поднимали проблему самобытности и лабильности национальной культуры казахов. Так, А.Н. Букейханов, комментируя ограничение избирательных прав коренного населения, писал: «Почему занятие скотоводческой культурой должно лишать киргизов избирательного права, когда такого права не лишают занятия торговлей, земледелием, рыболовством и другими промыслами? Народы Российской Империи, действительно, очень различны по образованности, культуре и, следовательно, пониманию государственных задач... Не доказано, чтобы киргизы общественные и государственные задачи понимали хуже русских крестьян, не говоря уже о других оседлых инородцах, призываемых, предпочтительно перед киргизами, к устройству государственной жизни²⁰⁶.

Для исследуемого периода в целом характерно включение в антиколониальный дискурс широкого слоя казахской интеллигенции, сформировавшейся после событий 1905-1907 гг., для которого предметом обсуждения становятся наиболее «травматические» сюжеты аграрной колонизации Степного края. К числу таковых, безусловно, относились нормативно-правовые установления и практики, ограничивающие коренное население в хозяйственно-экономическом отношении. Так, вслед за А. Букейхановым, уже высказавшим своё отношение к Степному положению 1891 г., этот вопрос активно разрабатывался в трудах М. Тынышпаева и А. Байтурсынова.

М. Тынышпаев, считая, что киргизская степь находится в особых культурных, социально-политических и общественно-экономических условиях и управляется на основании особых законоположений,

²⁰⁶ Цит. по: Попов Ю. Указ. соч. 1992. 28 ноября. С.3.

оценивал ситуацию следующим образом: «Киргизы, принимая русское подданство, никогда не думали и даже не допускали мысль, что в семье русского народа они окажутся пасынками, не имеющими никакого право на материнскую заботу и любовь со стороны России. Политика правительства и современное состояние киргизов ясно показали, насколько обманулись киргизы в своих ожиданиях²⁰⁷. У него же находим: «Генерал-губернаторы с их наместническими полномочиями по действующим законоположениям имеют полное право высылать всякого киргиза, хотя бы он был совершенно безгрешен, как дитя. Невежественные чиновники, привыкшие по-собачьи бегать и ласкаться перед высокопревосходительством, однако строго разделяют население на русское и киргизское; интересы киргизов, по их мнению, должны быть приведены в жертву политике уничтожения всего живого и самобытного туземного населения и русификации края, к нему применяются самые крайние меры. В глазах русских властей киргизы – не люди, а какие-то вредные существа, не имеющие право на существование; поэтому они позволяют себе совершать над ними всякие жестокости. Население терроризировано до последней степени; оно стонет под тяжестью неслыханного произвола и гнета... Генерал-губернаторы широко пользуются своими правами, и лучшие люди совершенно безвинно высылаются в тундры Сибири»²⁰⁸.

А. Байтурсынов в ряде своих работ подчёркивал системность нарушений со стороны чиновников метрополии при решении вопроса о земле, судебных исках киргиз, школьного и духовного дел, выборах волостных управителей и аульных старшин. Наиболее предметной критике им был подвергнут вопрос об избирательном праве в «иностранческой» среде. Исследователь справедливо указывал на индифферентность имперских властей в организации выборов, смысл

²⁰⁷ Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Санат, 1998. С.21.

²⁰⁸ Там же. С.23.

которых не доводится до коренного населения. Байтурсынов указывал, что большинство казахов не понимают сам процесс выборов, определяя этот процесс как состязание (талас), а не избрание достойного и компетентного представителя, думающего о народных нуждах. Во многом поэтому, писал А. Байтурсынов, волостными управителями и аульными старшинами становятся люди, которые допускают незаконные действия, что приводит казахский народ к разорению, нищете и к различным бедам²⁰⁹.

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX вв. становится временем становления и институционализации национальной казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края. Социокультурным фоном данного процесса являлась расширяющаяся практика крестьянских переселений в степные области и встраивание региона в систему общеимперского административного управления. Государственные проекты «оцентрирования» инициировали новые подходы к реализации имперских принципов национальной политики, основу которой в Степном крае составляли практики русификации, ориентированные на слияние народностей в единую «большую русскую нацию». Национальная интеллигенция Степного края формировалась в условиях влияния российских образовательных и культурных структур, при этом представители образованного класса национальных меньшинств, мобилизуемые, прежде всего, из казахской элиты, помимо культурных ценностей колонизаторов усваивали собственные национальные традиции, имевшие в аристократической среде непреходящую ценность и значение. Кроме того, напряжение национальной идентичности усиливалось в интеллигентской среде социокультурной близостью и родством с тюркоязычными народами, населявшими области Степного

²⁰⁹ Қазақ газеті. Алаш азаматтарының рухына бағышталады / құрастырушылар: У.Субханбердина, С.Дәуітов, Қ. Сахов. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. 560 б.

края. Детонатором общественно-политической активности и политизации национальной интеллигенции являлась коммуникативная среда региона, в которой революционно ангажированная публика концентрировалась в локальных группах политических ссыльных.

В результате тема аграрной колонизации региона в трудах казахских просветителей, общественных деятелей, литераторов, учёных, разрабатывалась в дискурсе антиколониальной риторики, а их авторам было свойственно обнаружение и тиражирование наиболее «травматических» точек колониационного процесса. Очевидно, что радикализация российского общественно-политического движения до некоторой степени способствовала развитию вышеназванной тенденции в национальной казахстанской историографии, развившейся впоследствии в концепцию «абсолютного зла».

2.2. Освоение сельскохозяйственных районов Степного края в национальном (казахстанском) сегменте советской историографии.

Национальная историографическая традиция исследуемой проблемы в советский период (1917-1991 гг.) эволюционировала и приобретала новое содержание в катастрофических условиях гражданских конфликтов и социальных потрясений, кардинальной ломки общественно-политической формации в пространстве бывшей Российской империи, системы национальных отношений и административного управления. Идеино-политическим фоном «перезагрузки» национальной составляющей имперской истории аграрной колонизации Степного края стали события 1917 – 1920-х гг., ознаменованные, во-первых, подъёмом национального движения, ставшего важным «козырем» большевиков в узурпации власти на окраинах империи, во-вторых, внедрением и распространением принципов политики «империя положительной деятельности», в масштабах которой «великорусский шовинизм» был признан главной опасностью, соответственно национализм меньшинств в какой-то мере допускался как исторически обоснованный.

С точки зрения дальнейшего развития научно-исследовательской деятельности представителей национальной интеллигенции, стоявшей у истоков историографической традиции аграрной колонизации степных областей, нам представляется важной характеристика общественно-политического контекста, в границах которого происходила легитимация представлений интеллектуальной элиты о роли национального фактора в политической жизни, чётко фиксировались антиколониальные принципы идеального устройства казахского общества.

Ещё до октябрьских событий, 21-28 июля 1917 г., в Оренбурге состоялся Первый Всеказахский съезд, в работе которого участвовали

представители шести областей, в том числе Акмолинской и Семипалатинской. На съезде было принято решение о создании национальной политической партии «Алаш». Проект программы партии был утвержден большинством голосов и опубликован на страницах газеты «Казах» 21 ноября 1917 г. Непосредственное участие в организации партии приняли лидеры казахского антиколониального движения А. Букейханов, М. Тынышпаев, А. Байтурсинов, М. Дулатов и др.²¹⁰, представлявшие сегмент либерально ориентированной национальной интеллигенции, по идейным установкам близкой российской партии конституционных демократов.

В соответствии с проектом программы Россия должна была преобразоваться в демократическую федеративную республику с президентской формой правления и всеобщим избирательным правом, а юрисдикция законодательной власти принадлежала только Государственной Думе. Предполагалось, что в состав Российской федерации наравне с другими народностями будет включена автономия киргиз. Основными признаками республиканского строя признавалось равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, отделение религии от государства, запрет продажи земли²¹¹.

Однако планы предоставления казахам Степного края национально-культурной автономии не были поддержаны кадетской партией и Государственной думой, что привело к разрыву лидера «Алаш» А. Букейханова с конституционными демократами. В декабре 1917 года по инициативе А. Букейханова была провозглашена «Алаш-Орда», по сути, автономия казахов, состоящая из единой территории, гарантирующая права национальных меньшинств и пропорциональное

²¹⁰ Телебаев Г.Т. Партия Алаш: истоки и история // Материалы международной научно-практической конференции «Движение Алаш и духовное возрождение: идейное единство и историческая преемственность. Алматы, 2017. С.66-68.

²¹¹ Кул-Мухаммед М. Программа «Алаш»: фальсификация действительности. Алматы: Атамұра, 2000. С.190-204.

представительство во всех учреждениях автономии. На очередном Всеказахском съезде было провозглашено, что в состав автономии входят Букеевская Орда, Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Сырдарьинские и Закаспийские области, а также территории Алтайской губернии, населённые казахами²¹².

С приходом к власти в Степном крае большевиков деятельность партии «Алаш» была объявлена незаконной и антигосударственной. Несмотря на совпадение и даже некоторую синхронность политических проектов «большевизма» и «алашизма», с точки зрения новой власти, только они могли выступать инициаторами автономии и формулировать принципы организации национальных меньшинств в сложившемся государственном формате, что материализовалось в создании Казахского ревкома и начале политических репрессий в отношении лидеров национальной партии. Уже 4-12 октября 1920 года на Учредительном съезде Советов Казахстана в Оренбурге Казахстан был провозглашён автономией в составе России со столицей в г. Оренбурге.

Возникла в известной степени парадоксальная ситуация, запечатлённая и в национальной историографии 1920-х гг. Антиколониальная направленность в оценке аграрных мероприятий российского правительства второй половины XIX – начала XX вв. идеологически поддерживалась и пропагандировалась центральной властью исключительно в теоретической её части. Любые практические выводы объявлялись антисоветскими априори.

В условиях утверждения ленинской национальной политики как политики «империи положительной деятельности» формально допускаются не только критические замечания по адресу управленческих моделей Российской империи в дореволюционный период, но и размышления исследователей о сообразности в

²¹² Шаймуханова С.Д., Ерденбекова Ж.С., Бибигуль Муратбеккызы. Указ. соч. С.332.

организации кочевых обществ. Так, например, казахстанский историк Т. Шонанулы, опираясь на широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, пришёл к заключению, в соответствии с которым принятие российского подданства означало для казахов окончание национальной истории и начало истории колонии. Исследователь крайне негативно оценил результаты российского переселенческого движения, констатируя, что в обстоятельствах бесконтрольных миграций происходило «разбазаривание» колониального фонда и лучшие казахские земли передавались переселенцам, что превратило Степной край в эпицентр межэтнической конфронтации²¹³. Столь же категоричным в своих высказываниях являлся М. Тынышпаев, определявший вхождение Степного края в состав империи, казачью и крестьянскую колонизацию как «потерю политической свободы»²¹⁴.

Если позиция Т. Шонанулы, идейно вписывающаяся в контекст текущей политической обстановки и национальной политики, не вызывала претензий власти, то, скажем, точка зрения К. Ашмарина, полагавшего, что кочевой образ жизни и скотоводство являлись основным экономикосообразным источником существования «инородцев»²¹⁵, могла быть принята только в условиях ситуативного идеологического попустительства.

Показательно, что упрочение большевистской власти на окраинах и переход к политике национал-большевизма в 1930-х гг., в рамках которой выделялась особая роль в колонизации русского этноса как титульного в исследовательские подходы и оценки были внесены существенные коррективы.

²¹³ Шонанулы Т. Жер тагдыры - ел тагдыры. Алматы: Санат, 1995, 224 б.

²¹⁴ Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата: Казак университеті, 1993. 224 с.

²¹⁵ Ашмарин К. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки (историческое описание) // Советская Киргизия. 1925. № 5-6.

С одной стороны, в историографии аграрной колонизации степных окраин продолжала действовать традиционная парадигма, продуцировавшая критический подход к деятельности имперских властей в дореволюционный период. Предметом исследовательской активности учёных оставался круг вопросов, связанный с правительственной регуляцией аграрных отношений в регионе, мероприятиями аграрной и переселенческой политики, экономической жизни коренного населения, генезиса капиталистических отношений и межэтнических контактов. Очевидно, что избранное направление было адекватно общеидеологическому формату советской историографии аграрной колонизации Степного края, когда в общественном сознании и государственной политике закрепился критический подход к дореволюционной истории колониальных народов в контексте имперского управления в самодержавной России.

С другой стороны, с началом формирования национал-большевистской идеологии и укреплением авторитарной власти историческая наука в контенте национального нарратива оказалась помещена в «прокрустово ложе» двух незыблемых формул: «угнетение коренных жителей окраин царизмом» и «дружба русского народа и индигенного населения в условиях имперской экспансии». В этой связи значительно выросла исследовательская активность в сфере административной и аграрной политики Российской империи в Степном крае, а подходы формировавшейся национальной научной школы к оценке экономических и культурных возможностей хозяйств номадического типа стали существенно меняться.

Смена политико-идеологического вектора оказала непосредственное воздействие на историческую науку и процесс формирования национальных школ историографии, что материализовалось, в первую очередь, в конструировании принципиально новых форм организации науки. Утверждению

национал-большевистской концепции «наименьшего зла», безусловно, способствовала предшествующая политика советской власти в национальном вопросе, практики которой разрабатывались ещё в 1920-е гг.

Проблема заключается в том, что властные декларации «империи положительной деятельности», предполагавшие определённые возможности культурно-политической самостоятельности национальных меньшинств, существенно ограничивались в административно-финансовом отношении. Достаточно сказать, что до 1923 г. Казахстан не имел собственного бюджета и финансирование республики шло непосредственно из РСФСР. Кроме того, в 1920-е гг. в основном завершился процесс консолидации национальной интеллигенции с характерной для неё национальной, политической и культурной идентичностью, что вызывало опасения центральных властей и стремление придать антиколониальным настроениям соответствующую времени идеологическую окраску.

Подобные процессы происходили не только на окраинах, но и в российской части СССР. Например, период 1920-х – 1930-х гг. вошёл в историю не только как «золотое десятилетие» российского краеведения, но и как время, в границах которого постепенно выстраивались формы политического и идеологического контроля над научным сообществом.

Процессы деколонизации окраин естественным образом соотносились с этническим возрождением и усиленным ростом этнографических исследований. Следует отметить, что в научно-организационном отношении Казахстан 1920-х – начала 1930-х гг. переживает состояние «учредительной горячки», когда этнографические изыскания осуществляются под эгидой нескольких учреждений: Западно-Сибирского (Омск) и Семипалатинского отдела ГО, Национальной ассоциации востоковедения, Института изучения

этнических и национальных культур Востока, Комиссии по изучению племенного состава России, Комиссии по изучению производительных сил, Общества изучения Казахстана (на базе Оренбургского отдела Географического общества и Оренбургской ученой архивной комиссии). По констатации И. В. Захаровой, «центры краеведения как отделы Географического общества или отделы Общества изучения Казахстана организованы в Алма-Ате (Семиреченский или Джетысуйский отдел Географического общества), отделы Общества изучения Казахстана - в Уральске, Петропавловске, Кустанае, Кокчетаве, Урде. Увеличивается число музеев с этнографическими отделами. К 1930 г. в Казахстане было уже 10 таких музеев, в том числе в Петропавловске, Акмолинске, Кокчетаве, Чимкенте, Актюбинске»²¹⁶.

Этнографические организации становились своеобразным «вместилищем» национальной интеллигенции, а вопросы, касавшиеся этногенеза коренных народов, их этнокультурных характеристик, были тесно связаны с историческим контекстом. Не случайно, что ведущие позиции в организованной властью этнографической науке Казахстана занимали в недалёком прошлом лидеры национального движения А. Байтурсинов, А. Букейханов, М. Дулатов и пришедшее им на смену новое поколение казахской интеллигенции – С. Асфендиаров, Т. Рыскулов, Г. Токжанов, А. Маргулан, С. Медешев и др.

Важную роль в организации национальной этнографической школы на рубеже 1920-х – 1930-х гг. сыграла деятельность Казахского научно-исследовательского института национальной культуры, в котором действовал историко-археологический сектор, возглавляемый этнографом С. Д. Асфендиаровым, вокруг личности которого группируются не только специалисты в области этнографии, но и национальная гуманитарная наука в целом. Заинтересованность

²¹⁶ Захарова И. В. Этнографические работы в Казахстане в 1920-1950-х годах // ЦГА РУз. Ф. 2868. Оп. 1. Д. 2. Л. 206.

Асфендиарова в разработке проблем этногенеза казахов ориентировала учёного на осмысление широкого спектра вопросов истории Степного края в составе Российской империи, образа жизни, хозяйственных занятий населения степи, их этнокультурного типа. В работах С.Д. Асфендиарова впервые под воздействием политико-идеологической ситуации рельефно проявились новые мотивы в исследовании кочевого общества в условиях аграрных миграций и русского влияния. В частности, Асфендиаров, вслед за Г. Тогжановым²¹⁷, поднял вопрос об экономическом несовершенстве кочевых хозяйств, феодально-патриархальном их характере «со своеобразными земельными распорядками, основанными на захватном праве на землю»²¹⁸.

Институционализация исторической науки Казахстана продолжилась в начале 1930-х гг., когда 27 февраля 1932 г. президиум АН СССР принял решение о создании Казахстанской базы Академии наук. Первым председателем учреждения стал востоковед, тюрколог академик АН СССР А. Н. Самойлович, а заместителем - профессор С. Д. Асфендиаров. Утверждение советских, национал-большевистских форм организации науки в национальных республиках сопровождалось жёстким администрированием, контролем и репрессивными методами внедрения новой государственной идеологии. Так, в ходе расширенного пленума Государственной академии истории материальной культуры в 1933 г. при обсуждении широкого спектра проблем изучения этнографии казахов и номадических этносов научному сообществу были фактически навязаны идеологические решения. В частности, подвергнуты критике концепции наличия у казахов в конце XIX – начале XX вв. родового строя, категорически отвергнуты теории существования азиатского

²¹⁷ Тогжанов Г. Казахский колониальный аул // Труды научно-исследовательской ассоциации при изучении национальных и колониальных проблем; Вып. 15 Ч.1., М: (б.и.), 1934. 109 с.

²¹⁸ Асфендиаров С.Д. История Казахстана с древнейших времен. Алма-Ата, М.: Казкрайиздат, 1935. Т.1. С.199.

способа производства, поставлены задачи изучения патриархально-феодалных отношений у коренного населения с позиций марксистско-ленинского подхода²¹⁹.

Окончательное огосударствление национальной исторической науки, приходится на конец 1930-х – начало 1940-х гг., когда Казахстанская база АН СССР была преобразована в Казахский филиал АН СССР и тем самым поставлена под пристальный идеологический контроль со стороны центра. В этот же период политическим репрессиям были подвергнуты лучшие представители национальной этнографической и исторической науки – А. Букейханов, А. Байтурсинов, М. Тынышпаев, М. Жумабаев, С. Асфендиаров, Т. Рыскулов, М. Дулатов и др. Начался ускоренный процесс ротации научно-исторических кадров, замена их идеологически благонадёжными элементами. При этом сюжеты, связанные с аграрной колонизацией Степного края, взаимоотношениями в принимающем обществе, образом жизни и хозяйственной деятельностью кочевого населения в контексте правительственной переселенческой политики и землеустройства постепенно элиминируются из исследовательского поля, уступая место изучению проблем постреволюционного периода истории.

В этот период происходят, по крайней мере, два важных, с точки зрения историографической традиции аграрной колонизации Степного края, момента. В научно-исследовательском плане окончательно ратифицируется концепция «наименьшего зла», подтверждавшая факт альтернативности выбора подданства коренным этносом степных областей (Российская империя или Джунгария). Включение Степного края в общеимперское пространство позиционируется как

²¹⁹ Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. С.303.

добровольный процесс, однако термин «завоевание» исключается из научно-исследовательской риторики²²⁰.

Наконец, учреждение Казахского филиала АН СССР, преобразованного в 1946 г. в АН Казахской ССР, на практике означало установление партийно-политического контроля, в рамках которого в дальнейшем конструировался национальный исторический нарратив, идеологически адекватный господствовавшим в советской исторической науке теориям.

Стоит также напомнить, что в советской исторической науке в начале 1950-х гг. происходит очередной пересмотр концепции присоединения Степного края к Российской империи. Тезис о добровольном вхождении степных областей в состав империи определил идеологические границы, основные траектории и проблемную канву исследований аграрных мероприятий в регионе.

Отметим, что к этому времени завершился процесс кадровой ротации в национальных филиалах АН СССР. Политика репрессий в исторической науке соответствовала принципам национальной политики и идейным лозунгам времени. Так, казахский историк Е.Б. Бекмаханов, сторонник концепции «наименьшего зла», обвинялся в том, что в течение 1942-1950 гг. в научных работах и публичных выступлениях «протаскивал в историческую науку и пропагандировал враждебную советскому обществу буржуазно-националистическую идеологию..., отрицал прогрессивное значение присоединения Казахстана к России»²²¹. Между тем исследование Е.Б. Бекмахановым социально-политической программы национального движения под предводительством Кенесары Касымова, военных и экономических

²²⁰ Тогжанов Г. Казахский колониальный аул...; Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20-40-е годы XIX века // Изд. первое. Под общ. ред. доктора исторических наук, проф. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Каз. объедин. гос. изд-во, 1947. 391 с.

²²¹ Кыдыралина Ж.У. Нация и история. Астана: Елорда, 2009. С.160.

мероприятий российской власти рассматривались им в качестве преддверия колониальных реформ во второй половине XIX века.

В условиях национал-большевистской доктрины о добровольном и прогрессивном характере присоединения Степного края к Российской империи (1950-е – 1980-е гг.), когда национальная историография приобретает отчётливые признаки сервильности, к спектру наиболее востребованных сюжетов относилось исследование исторического аспекта связи казахских жузов с российским государством, административная, переселенческая и аграрная политика правительства и методы её реализации в Степном крае, взаимоотношения коренного населения с различными социальными группами новоприходцев в регионе. При этом необходимо учитывать состояние исторической науки в Казахстане исследуемого периода. Общеизвестно, что вплоть до 1980-х гг. существовала практика тематической разрядки, согласно которой 70% проектов плановых научно-исследовательских работ Института истории, археологии и этнографии по требованиям отдела науки и вузов ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахстана непременно должны были быть посвящены проблемам истории советского периода. Остальные 30% - проблемам истории периода до 1917 г., этнографии и археологии²²².

Основные позиции национальной историографической традиции первоначально были отражены в работах Н.Г. Аполловой²²³ и А.Б. Турсунбаева²²⁴ в конце 1940-х – начале 1960-х гг. Методологические основания нового ракурса в историографии проявились в научных монографиях Н.Г. Аполловой, посвящённых вскрытию обстоятельств политической и социокультурной инкорпорации степных регионов в

²²² Алдажумов К. Қазақтың әйгілі тұлғалары. ТЭИ. Алматы, 2013. С.2.

²²³ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1948. 254 с.; Она же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.

²²⁴ Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1950. 213 с.

состав России. Автор педалировала идею об объективном характере присоединения Казахстана, выделяя в качестве базовых факторов экономические и внешне политические обстоятельства, побуждавшие казахов искать сближения с Россией. К числу таковых она относила упадок экономики казахских жузов вследствие джунгарского нашествия, ослабление ханской власти, отсутствие устойчивых торговых связей и оторванность от городских ремесленных центров, восточных рынков, продвижение кочевий казахских жузов к российским границам, а также необходимость прочных экономических связей с соседним государством, стоящим на более высоком уровне развития. В итоге присоединение Казахстана к России было подготовлено длительными экономическими и политическими связями, которые развивались между ними с конца XVI столетия. Повествуя о событиях, относящихся ко второй половине XIX столетия, Н.Г. Аполлова в пределах допустимого отметила отрицательные стороны колониальной политики, подчеркнув, что имперская власть препятствовала развитию казахской государственности. Однако общий вывод вполне соответствовал общему идеологическому курсу: «Когда мы говорим о присоединении Казахстана к России, то имеем в виду объективное значение этого факта с точки зрения исторических перспектив развития казахского общества»²²⁵.

Тенденция к реабилитации политики метрополии на окраинах империи, как это ни парадоксально, наиболее предметно стала преобладать в работах, посвящённых именно аграрной колонизации и переселенческому движению в области Степного края. Рост исследовательского интереса к миграционной проблематике, в свою очередь, определялся активизацией в Казахской ССР этнографических и археологических изысканий. В начале 1950-х гг. в этнографической науке разгорелась острая дискуссия по вопросам этногенеза казахского

²²⁵ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России...С.128.

народа. Были широко развернуты археологические исследования, дающие возможность более полного изучения материальной культуры казахов, их истории и взаимоотношений с оседлыми народами, чему способствовало активное привлечение антропологического, этнографического, фольклорного и лингвистического материала²²⁶. Очевидно, что научно обоснованные соображения этнографов об автохтонности этногенеза казахов²²⁷ должны были уравниваться выводами о прогрессивной роли российского народа и государства в истории казахской кочевой цивилизации, что стало данью идеологии и общим местом в историко-этнографических исследованиях. Признание факта русского культурного влияния открывало возможности исследования истории аграрных отношений в Степном крае во второй половине XIX века через осмысление взаимоотношений и взаимодействие этнических групп.

Так, во второй половине 1950-х гг. учёные Института истории, археологии и этнографии Казахстана совместно с архивными работниками ЦГА подготовили и опубликовали два тома материалов по истории казахстанско-российских взаимоотношений, что способствовало популяризации сюжетов истории Степного края, в том числе и аграрной её составляющей. Косвенно это явление подтверждалось возобновлением в национальном научном сообществе дискуссии о характере и сущности социальных и производственных отношений в казахском ауле, что было невозможно без обращения к исследованию традиционной культуры и быта кочевников. В дискуссию активно включились историки А.Е. Еренов, С.Е. Толыбеков, В.Ф. Шахматов, С.З. Зиманов и др.²²⁸. Также знаковым фактором,

²²⁶ Косанбаев С.К. Указ. соч. С.121.

²²⁷ См. например: Адильгиреев Х. М. К истории образования казахского народа // Вестник АН КазССР. 1951. №1. С.92-94; Акынжанов М. Назактын тегі туралы Алма-Ата: Наука, 1957. 39 с.; История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1957. 386 с.

²²⁸ См.: Шахматов В. Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // Вестник АН КазССР, 1951. №7. С.18-36; Он же. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в. // Вестник АН КазССР, 1951. №11. С.93-108; Васильева Г. П., Жданко Т. А.

свидетельствовавшим об актуализации дореволюционной проблематики, стала организация при Институте истории, археологии и этнографии Казахстана рабочей группы по изучению наследия Ч. Ч. Валиханова и подготовке к публикации собрания его сочинений.

В этом контексте появляются первые работы, в которых национальный нарратив вписывался в канву российского колониационного процесса. В частности, Х.А. Аргынбаев посвятил своё исследование истории заселения русскими восточных областей Степного края. Предметом его научных изысканий стал этнический состав населения в конце XIX – начале XX вв., а также изменения в быту и хозяйстве коренных жителей под влиянием русской колонизации. Автор детально осветил процессы модернизации кочевого хозяйства переходного к оседлому состоянию типа, подчеркнув важность этнокультурных контактов автохтонного и пришлого населения²²⁹.

Внедряемый в научную практику алгоритм, предполагавший соответствие исследовательских выводов действующей историко-национальной концепции добровольного характера присоединения Степного края к России, стимулировал разработку темы аграрных переселений в Сибирь и сопредельные территории. Формализация нового подхода к оценке характера присоединения степных территорий к России была зафиксирована на страницах изданий «Истории Казахской ССР» 1952 и 1957 гг., основным пафосом текстов которых

Актуальные вопросы дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана // СЭ. 1954. №2. С.143-152; Толыбеков С. Е. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов / / Вестник АН КазССР. 1955. №8 (77). С.66-90; Он же. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов / / Вопросы истории. 1955. № 1. С.75-83; Зиманов С. 3., Еренов А.Е. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // Труды Алма-Атинского юридического института. Т. 1. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во, 1955. С.47-56; Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период / [Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР С. П. Толстов и др.]; Акад. наук СССР. Акад. наук Узбек. ССР. Акад. наук Казах. ССР. Акад. наук Таджик. ССР. Акад. наук Туркм. ССР. Акад. наук Киргиз. ССР. Ташкент : Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. 590 с.; Сабитов Н. С. Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1950. 44 с.

²²⁹ Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX — начале XX в. / / Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 6. А.-А., 1959. С. 45, 61-62.

стал тезис о позитивном воздействии экономики России на хозяйственную деятельность кочевников и положительных последствиях присоединения²³⁰.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. историки Казахской ССР активизировали исследования в данной области, включая в свои работы сюжеты переселенческого движения в Степной край во второй половине XIX – начале XX вв. в связи с эволюционными процессами в кочевой системе организации хозяйства и общества номадов. Так, С.З. Зиманов, детально исследовавший особенности распространения земледелия среди казахов в первой половине XIX в. как фактора оседания номадов, пришел к выводу о том, что «втягивание» коренных групп в аграрные практики значительно ускорилось во второй половине столетия, когда русское население стало фактически учителями в земледельческой области²³¹.

Для смысловых аспектов монографий, научных статей, а также диссертационных проектов 1950-х – 1960-х гг. было присуще универсальное противоречие: резкая критика государственной политики в сфере аграрных мероприятий власти в Степном крае и в то же время признание процесса оседания казахского населения и перехода к земледельческим практикам позитивным культурно-экономическим явлением. Наиболее рельефно это противоречие проявилось в трудах рубежа 1950-х – 1960-х гг. в работах Л.М. Ауэзовой, Б.С. Сулейманова, П.Г. Галузо²³². В частности, Б.С. Сулейманов, проведший сравнительный анализ экономического

²³⁰ История КазССР с древнейших времен до наших дней // Под ред. Дахшлейгера Г.Ф. и Аполловой Н.Г. Алма-Ата, 1957.

²³¹ Зиманов С.З. О патриархально-феодалных отношениях у кочевников-скотоводов // Вопросы истории. 1955. № 12. С.63-67; Он же. Общественный строй казахов в первой половине XIX в. Алма-Ата: АН Каз. ССР, 1958. 293 с.

²³² Ауэзова Л.М. К вопросу о переселении крестьян и их роли в развитии земледелия в Казахстане в 70-90-х годах XIX века // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1958. №1. С. 90-97; Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX века (1867 – 1904 г.г.). Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1963. 411 с.; Галузо П.Г. Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1869 – 1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 345 с.

развития казахского аула и переселенческой деревни, в резюмирующем разделе своей монографии охарактеризовал завершающую фазу присоединения Степного края к России в конце XIX столетия как прогрессивный исторический акт, означавший приобщение казахов к передовой экономике и культуре²³³. Однако система управления в регионе однозначно была определена историком как военно-оккупационная. Исследователь, «разоблачая» «политику царизма в колониальном Казахстане...», подчёркивал дистанцию между административными мероприятиями власти и народной жизнью, в которой и коренное население и переселенцы из Европейской России в равной степени находились под гнётом самодержавия²³⁴.

Симптоматично, что в национальном казахстанском сегменте советской историографии, пусть и достаточно короткий период, существовала тенденция, в рамках которой вырабатывался компромиссный исследовательский подход к оценке факта присоединения Степного края к Российской империи, а также аграрно-колониационным мероприятиям. В условиях «оттепели» конца 1950-х – 1960-х гг., несмотря на партийные директивы, насаждаемые центром, происходил сложный процесс соединения отдельных постулатов концепции «наименьшего зла» и теории добровольного и прогрессивного вхождения степных территорий в общеимперское пространство. Историк П.Г.Галузо, первые работы которого были опубликованы в 1930-х годах, в 1965 году подготовил к изданию и опубликовал монографию, посвящённую аграрным отношениям в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв., на страницах которой выразил категорическое несогласие с исследователями, абсолютизировавшими тезис о стремлении коренного населения региона к объединению с Россией. По мнению ученого, это стремление

²³³ Сулейманов Б.С. Указ. соч. С.367.

²³⁴ Там же. С.368-371.

было связано с потребностью найти сильного сюзерена-покровителя для защиты от хищнических набегов соседних стран. Более того, оценивая содержательные аспекты кризиса скотоводческой отрасли в Степном крае, П.Г. Галузо связывал этот процесс с переселением в северо-казахстанские земли значительной массы русского крестьянства²³⁵. В более поздних своих публикациях П.Г. Галузо, выявляя механизмы социальных отношений казахского кочевого аула и переселенческой деревни, поставил под сомнение тезис «экономика прогрессивна, политика реакционна»²³⁶.

В 1970-х – 1980-х гг., с реанимацией административно-командных методов управления, в том числе и сфере национальной политики, вновь положение о добровольности и прогрессивности инкорпорации степных окраин в состав империи занимает главенствующее положение в историографии Казахстана. Тем не менее этот период оказался продуктивным для национальной исторической науки с точки зрения аккомодации обширного фактического материала и попыток его обобщения, научно-исследовательских опытов типологизации кочевого хозяйства, объяснения содержательных аспектов кризиса степного скотоводства и роли аграрных переселений в данном процессе. В означенные годы происходит незначительное смещение исследовательских акцентов к сюжетам переселенческого движения, особенно переселенческой и аграрной политики на окраинах империи, что свидетельствовало о научной коммуникации и интернационализации научного сообщества. Наглядно об этом свидетельствует достаточное число трудов, вышедших из-под пера казахстанских историков С.А. Сундетова, Н.В. Алексеенко, Н.Е.

²³⁵ Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867– 1914 годах. Алма-Ата: Наука, 1965. 345 с.

²³⁶ Он же. Колониальная система российского империализма в Казахстане в канун Октябрьской революции // Казахстан в канун Октября / Коллективная монография. Алма-Ата: Наука, 1968. С.3-24.

Бекмахановой, Д.И. Дулатовой и др.²³⁷, которые в рамках существующей идеологической конвенции внесли значительный вклад в историографию, расширив источниковую базу вопроса.

Ещё одним фактором, определившим развитие историографической традиции аграрной колонизации Степного края в 1970-х-1980-х гг., стало междисциплинарное взаимодействие исторической науки и этнографии. В этот период, как и в 1930-х-1950-х гг., этнография являлась своеобразным «убежищем» для многих историков. Существовавшие этнографические «площадки» позволяли сохранить внутренний потенциал историографии, что обеспечивалось принципами национальной политики, провозглашавшей необходимость изучения этнического многообразия СССР. Единственным нюансом, который вынуждены были учитывать представители научного знания, являлось то, что казахи в СССР относились к новым социальным (классовым) категориям: пролетариату и колхозному крестьянству, а этничность рассматривалась как политическая незрелость²³⁸. В результате обращение исследователей к этнической истории коренного населения становилось возможным опосредованно, в связи с политическими процессами, направленными на интеграцию Степного края в состав Российского государства. Показательной в данном отношении стала монография М.С. Муканова, вышедшего на проблемы этногенеза казахов, изучив расселение, характер занятий и формы взаимодействия с русскими переселенцами в пограничных районах²³⁹.

Характеризуя поздний период советской историографии аграрной колонизации Степного края как составную часть глобального

²³⁷ Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана (на материале северо-восточных областей). Алма-Ата: Наука, 1970. 126 с.; Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав). 1870-1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1981. 112 с.; Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М.: Наука, 1980. 280 с.

²³⁸ Рахимов Е.К. Указ. соч. С.51-52.

²³⁹ Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.

историографического процесса в научном сообществе Казахской ССР, можно отметить ключевые его особенности.

Во-первых, идеологическое доминирование концепции добровольного присоединения степных регионов Зауралья в состав Российской империи определило характер и риторику исследовательских подходов к оценке колониационного процесса второй половины XIX – начала XX вв. Г.Ф. Дахшлейгер в работе, опубликованной в 1973 г., полемизируя с П.Г. Галузо, настаивал на том, что основным результатом колонизации следует считать сближение народов и их дальнейшее противостояние колониальным грабёжам, национальному гнёту и неравенству, что могло реализоваться в условиях тесных производственных контактов²⁴⁰. Вместе с тем авторы изданного в 1979 году третьего тома «Истории Казахской ССР», сдержанно признавая факты экономической отсталости кочевнического общества, признаки феодальной раздробленности в казахских жузах, приходят к выводу, что единственным выходом из сложившейся ситуации было принятие российского подданства, *что и сделала дальновидная правящая казахская верхушка*²⁴¹. Подобная двойственность в рамках идеологически выверенной исследовательской парадигмы свидетельствовала о появлении новой историографической тенденции, которая отчётливо проявится уже в постсоветский период, в обстоятельствах роста национального самосознания и идентичности казахского этноса.

Во-вторых, жёсткие рамки господствовавшей доктрины, не только консервировали поиск учёных, но и способствовали перемещению фокуса внимания на периферийные сюжеты

²⁴⁰ Дахшлейгер Г.Ф. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата:Наука, 1973. 215 с.

²⁴¹ История Казахской ССР. В 5 т. (с древнейших времён до наших дней) Т.3.: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. С.8.

колонизации региона. Так, с 1970-х гг. организуются совместные фольклорные экспедиции в Северный Казахстан сибирских и казахских исследователей (М.М. Багизбаева, Т.Г. Леонова и др.), что способствовало приросту фольклорно-этнографических сведений о социальных группах региона в продолжительной исторической ретроспективе. В поле зрения учёных попадал ценный материал о культурно-бытовых чертах и специфике повседневного поведения локальных сообществ, в частности, казачества, роль которого в колонизации степных областей в историографии советского периода традиционно замалчивалась²⁴².

Возросший интерес к таким социальным образованиям, как казачество, предполагал и обращение к крестьянскому фактору в связи с обоснованием решающей роли земледельческого элемента в колонизации.

Симптоматично, что частичное возобновление дискурса аграрной колонизации в национальной историографии было косвенно инициировано юбилейными событиями начала 1980-х гг., чему косвенно способствовали юбилейные торжества, посвящённые 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Помимо политико-идеологической задачи очередного директивного закрепления концепции добровольного присоединения, «администраторы от науки» отдавали себе отчёт в том, что только лишь декларациями факта добровольности и прогрессивности ограничиться нельзя и заверений сервильных власти историков об обращении казахов к России как единственно верном решении уже недостаточно.

Во многом поэтому накануне и в период юбилейных торжеств увидела свет серия работ, в которые были включены и аграрно-

²⁴² См. например: Багизбаева М.М. Фольклор семиреченских казаков: Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп, 1977. 280 с.

колониционные сюжеты. Так, в коллективной монографии Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина, опубликованной в 1981 г., аграрная политика империи во второй половине XIX в. рассматривается в контексте аграрного кризиса в Европейской России. По мнению авторов, именно кризис крестьянского хозяйства в европейских губерниях России стимулировал переселенческую активность крестьянства, а законодательное оформление миграций усиливало социальный гнёт и социальную напряжённость в принимающем обществе, что приводило к осознанию переселенцами общности своих интересов с интересами казахских трудящихся²⁴³.

Многоаспектная характеристика положения крестьянства Степного края на рубеже XIX – XX вв. представлена в исследовании К. Шаймерденовой. Наметившийся упадок в сельском хозяйстве в начале XX в. автор связывала с регрессом в аграрном секторе экономики в начальный период первой мировой войны и дефицитом рабочей силы. Основные причины кризиса сельского хозяйства в работе К. Шаймерденовой трактуются как социальные: сохранение пережитков феодализма и колониальная политика царизма²⁴⁴.

В академический сборник научных статей, вышедший в 1983 г., вопреки программной вводной публикации об итогах и актуальных проблемах изучения дореволюционной истории Казахстана, в которой аграрные вопросы колонизации не были обозначены даже в качестве периферийных сюжетов²⁴⁵, была включена работа Т.П. Волковой, посвящённая источниковедческим аспектам экспедиции Ф.А.

²⁴³ Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. С.137.

²⁴⁴ Цит. по: Ельмуратова Б.Ж. Историография социально-политических движений в Казахстане. Павлодар: Кереку, 2008. С.11.

²⁴⁵ Тулепбаев Б. А., Козыбаев М. К., Дахшлейгер Г. Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана // Вопросы историографии Казахстана: Сборник / Академия наук Казахской ССР Институт Истории, Археологии и Этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1983. С.5-29.

Щербины²⁴⁶. Ценность публикации Т.П. Волковой заключалась в попытке источниковедческой рефлексии экономических сведений, собранных участниками экспедиции и отсутствии идеологических выводов сообразно с вызовами времени. Вопреки сложившемуся в советской историографии мнению о недостоверности сведений, содержащихся в материалах, исследователь оценила источник как обладающий необходимыми информационными возможностями для реконструкции социальных отношений в Степном крае, влияния переселений на экономику казахского аула, взаимоотношения коренного и пришлого населения²⁴⁷.

Однако уже в середине 1980-х гг. исследования аграрной колонизации степных окраин Зауралья, которые вследствие накопленного методологического и источниковедческого потенциала могли внести существенные коррективы в представления о характере освоения Степного края во второй половине XIX – начала XX вв. и, как следствие, в концепцию о добровольности и прогрессивности присоединения Казахстана, были свёрнуты по идеологическим соображениям. Начавшиеся в СССР экономические и политические реформы, неоднозначно принятые частью казахского общества и национальной бюрократии, привели к политическому кризису и декабрьским событиям в Алма-Ате в 1986 г. Одной из «болевых» точек волнений 1986 г. стали, помимо смены руководства, вопросы русификации и диктата со стороны власти центра, а ответные меры исключали возможность выхода за границы официальной доктрины.

Таким образом, в процессе становления национальной историографической традиции аграрной колонизации Степного края можно выделить несколько этапов, в рамках которых представления историков Казахской ССР являлись неотъемлемым компонентом

²⁴⁶ Волкова Т.П. Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиции Ф.А. Щербины // Там же. С.224-237.

²⁴⁷ Она же. Некоторые проблемы...// Там же. С.238.

советской историографической школы в целом, отражая вместе с тем, национальную составляющую оценки российской имперской колонизации. До начала 1930-х гг. в условиях ленинской национальной политики «империи положительной деятельности» окончательные контуры приняла теория «абсолютного зла», основы которой были заложены представителями дореволюционной интеллигенции Степного края. Критические оценки имперской политики в аграрном и переселенческом вопросе, допускаемые и отчасти поощряемые центром, являлись для первого поколения советских историков Казахстана вопросом национального самосознания, политической и социокультурной идентичности.

В 1930-х – 1940-х гг., с утверждением идеологических конструкторов национал-большевизма, вопросы аграрной колонизации степных областей Зауралья стали рассматриваться в контексте исторических перспектив обретения казахским народом различных форм государственности. Сложился постулат, согласно которому присоединение к Российской империи может расцениваться как «наименьшее зло».

С 1950-х гг. в национальной историографии, стремительно инкорпорируемой в советское научное сообщество, окончательно оформилась концепция добровольного присоединения территорий Степного края к России. Следует отметить, что в рамках означенной концепции, получавшей регулярную идеологическую поддержку от власти новой, теперь уже «советской империи», допускались некоторые элементы плюрализма мнений. Это проявлялось в поощрении исследований этнографического характера, а также изучения различных аспектов материальной культуры номадов, что в аспекте конструирования национального исторического нарратива было невозможно без обращения к сюжетам, связанным с деятельностью имперских структур в колонизируемом регионе,

обстоятельствами переселенческого движения. В результате догматизм выводов, моноидеологическая трактовка аграрно-колониционных мероприятий в степных областях до некоторой степени «оттенялись» постоянно идущим процессом накопления и систематизации источникового материала по заявленной проблеме, что, безусловно, открыло широкие перспективы возобновления национальной историографической традиции темы в постсоветский период.

2.3. Историография национальной «травмы»: аграрная колонизация Степного края в научно-исследовательской полемике историков Республики Казахстан.

Дальнейшая эволюция историографической традиции аграрной колонизации Степного края в Республике Казахстан происходила в условиях распада СССР, «парада суверенитетов» и становления независимых национальных государств в границах постсоветского имперского пространства. Обретение Казахстаном независимости естественным образом стимулировало процессы роста этнического самосознания и формирования новой национальной идентичности, развивавшейся в обстоятельствах особого социокультурного фона: «травмы» колонизации, ставшей важной составляющей постколониального сознания.

Понятие «травма» было введено в научный оборот известным исследователем исторической памяти – Алейдой Ассман, утверждающей, что по мере удаления от события людям свойственно более острое и глубокое их переживание и переосмысление. В результате возникает посттравматическая ситуация, в рамках которой причины травмы не могут быть поняты и удовлетворительно объяснены индивиду или группе²⁴⁸.

Посттравматичность ситуации в историографическом контексте усугублялась противостоянием двух интеллектуальных посылов, являвшихся частью национального сознания казахской интеллигенции. Так, Бавна Дэви, автор первой в западной историографии работы по истории Казахстана, опираясь на постколониальную теорию, утверждает, что колониальность играла важную и определяющую роль

²⁴⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

в современном национальном самосознании казахов, причём сама идея нации пришла к ним через колониальную систему и связана с ней²⁴⁹.

С другой стороны, как утверждал А.В. Ремнёв, «реакция пробужденной национальности может достигать крайних пределов отторжения как имперского, так и советского прошлого, хотя параллельно возникает эмоциональная реакция (не всегда противоположающая, а нередко дополняющая) на романтизацию прошлого, на пафосное национальное самолюбование и самооболение»²⁵⁰. Показательно в этом отношении высказывание казахстанского историка Н. Масанова, отмечавшего, что исторически казахи были только номадами: «У нас не было ни науки, ни образования, ни искусства, ни культуры, ни интеллигенции, одним словом – у нас ничего не было. У нас было просто номадное кочевое общество»²⁵¹. При этом, писал Н. Масанов, «несмотря на жесткие условия модернизации, казахи оказались способны усваивать достижения науки и техники, достижения культуры других народов, их языки. И, самое важное, оказались способны усваивать достижения всемирной цивилизации и двигаться вместе со всей цивилизацией вперед и не отставать»²⁵².

Очевидно, что в процессе переформатирования и «перезагрузки» позиций в оценке колониального прошлого исследователи аграрной колонизации степных окраин империи активно осваивали пространство колониального дискурса. Во многом такой подход был рельефным признаком рефлексии всего постсоветского научного сообщества. Идеологическая революция в обществе и науке инициировала в России и Казахстане «публицистический бум», ставший реакцией на историческую «травму». Предметом исследовательской активности

²⁴⁹ Bhavna Dave. Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. New York, 2007. P. 24.

²⁵⁰ Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане...С.179.

²⁵¹ Нурбулат Масанов: Мы – маргиналы // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1092948900>.

²⁵² Там же.

историков оказались «болевые» точки прошлого. Если для новой генерации российских историков конца 1980-х – начала 1990-х гг. главным травматическим сюжетом являлась история советского периода, то в эпицентре научного внимания историков Республики Казахстан в первую очередь оказались вопросы имперской колониальной политики России, тема имперских стратегий, практик и подходов к оценке правительственных мероприятий, направленных на вовлечение Степного края в общегосударственный конструкт.

Уже в начале 1990-х гг. в оценке российской колонизации и аграрного её аспекта в исторической публицистике Республики Казахстан обозначилось отчётливое доминирование исключительно негативного восприятия колониального прошлого, что стремительно становилось частью нового национального мифа, попадало на страницы учебников и учебных пособий. Необходимо отметить, что «разоблачение» фактов колониального насилия вписывалось в существовавший формат исторической политики периода обретения независимости, что фиксировалось в программных декларациях национальных лидеров. В частности, 1 октября 1992 г. на торжественном заседании Всемирного курултая казахов Н. Назарбаев заявил: «В результате самоотверженной, упорной борьбы наши далекие предки сумели сохранить не только свою целостность и единство, но и создать в XV веке сильное Казахское ханство. Но независимое Казахское государство не смогло отстоять мир и спокойствие. Слишком многие покушались на бескрайнее богатое пространство. И, в конце концов, дивный и благодатный край, чье единство и достоинство в пору страшных потрясений отстояли мудрые бии Толе, Казыбек и Айтеке, чью честь как зеницу ока сберегли славные сыны отечества Аблай, Кабанбай, Богенбай, Наурызбай, Есет, Карасай, Жанибек, Олжабай, Раимбек, все равно очутился под пятой чужеземного насилия. В XVIII–XIX веках наш народ лишился свободы и

независимости. ...Колониализм царской России ни в чем не уступал, если не превосходил другие колониальные системы. Безбрежная наша степь обернулась собственностью империи. Мы оказались перед угрозой потери веры и языка, культуры и традиций»²⁵³.

В одной из статей, также имевшей программный характер, лидер нации писал: «То была особенно тяжкая пора в истории казахов. Не трудно представить положение огромных степных просторов, оказавшихся на пути хищных стратегических интересов империи, решившей захватить как можно большую часть земного шара, как можно дальше продвинуться через Среднюю Азию на юг и восток. Для этого нужно было разрушить исторически сложившуюся национальную систему правления страной. Надо было силой внедрить в степь порядки и форму власти могущественной метрополии. Было спешно и искусственно создано несколько карликовых ханств, нарушена этнотерриториальная целостность. Потом раздробили народ и земли ханства по родовым и племенным признакам на волости и аулы»²⁵⁴.

Следует отметить, что политические заявления казахстанских политиков транслировались и тиражировались в благоприятных для этого условиях медийного поля. Информационное пространство Республики Казахстан в этот период было разделено на два сегмента по языковому признаку. До принятия закона о 50% вещании на государственном языке национал-патриотические издания имели абсолютное преимущество в деле тиражирования своих политических взглядов вне какой бы то ни было научной цензуры. Историкам-публицистам, по констатации А.В. Грозина, преобладавшим в редакциях национал-патриотических газет и журналов, очевидно, было свойственно слабое знание истории, своевольные интерпретации исторических источников, методологических принципов науки,

²⁵³ Назарбаев Н.А. Нравственный и политический выбор интеллигенции // Казахстанская правда, 18.03.1998.

²⁵⁴ Он же. Слово об Абае//Казахстанская правда. 1995. 10 августа.

профанация методов научного анализа, необоснованная переоценка отдельных данных, их произвольная абсолютизация и гиперболизация²⁵⁵. В концентрированном виде продуктом публицистической трактовки прошлого Казахстана стала следующая формула: «История казахского народа с древнейших времен и до наших дней представляет собой важнейшую часть всемирной истории, поэтому изучение ее занимает важное место в формировании исторического сознания молодежи. ...Однако в период колониальной зависимости у народа были отняты не только свобода, земля, природное богатство, уникальные памятники культуры, но и историческая память. ...История казахского народа получила освещение в основном в трудах дореволюционных, а затем советских российских авторов, в которых она трактовалась с позиции имперской великодержавной идеологии... Сегодня перед исторической наукой независимого Казахстана стоят огромные и ответственные задачи. Она освободилась от многовековых оков колонизации и обязана всеми силами формировать историческое сознание народа с объективных позиций»²⁵⁶.

Таким образом, влияние правительственных деклараций, активно распространяемых в публицистике, определило содержание и риторику репрезентации национального исторического нарратива в период становления новейшей историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

Прежде чем речь пойдет о проблематике и собственно работах, составивших контент национальной историографической традиции исследуемого вопроса, необходимо отметить те имманентные

²⁵⁵ Грозин А.В. Мифологизаторство в современной истории Казахстана: политологический аспект проблемы // Вестник Московского государственного гуманитарного ун-та им. М. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С.108-109.

²⁵⁶ Кузембайулы А., Абиля Е. История Казахстана: Учебник для ВУЗов. 8-е изд. перераб. и доп./ Костанай: Костанайский региональный институт исторических исследований, 2006. С. 3-4.

признаки, которые были и остаются присущи историографии Республики Казахстан.

Во-первых, новейшей историографией Казахстана фактически в неизменном виде был заимствован старый (советский) язык описания, используемый при оценке имперского прошлого. Показательно, что на стадии становления национального историографического дискурса, идейная переориентация казахстанской историографии не сопровождалась процессом терминологического обновления, что оказалось запечатлено в сохранении той риторики, которая активно осваивалась и внедрялась в контекстных границах теорий «относительного» и «абсолютного» зла, а также концепции добровольного и прогрессивного характера присоединения Казахстана к России. Наиболее распространёнными и часто используемыми понятиями в современной историографии Республики Казахстан по-прежнему являются такие понятийные конструкты, как «экспансионизм», «колониализм», «национально-освободительное движение», а также крайние их формы: «колониальное порабощение»²⁵⁷, «насилие колониальных чиновников»²⁵⁸, «идеологический прессинг»²⁵⁹ и т.д.

Во-вторых, общим местом в конструировании новейшего национального исторического нарратива стало использование алармистских приёмов речи в изложении колониального прошлого Казахстана. Вот лишь некоторые показательные фрагменты: «В начале XX века территория Казахстана была одной из колоний России. Естественное течение этнического развития было прервано. Политическое устройство казахов было уничтожено, нарушено

²⁵⁷ Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана). дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 2005. С.3.

²⁵⁸ Айтмагамбетов Д.Р. Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области).). дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010. С.10.

²⁵⁹ Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. С.14.

территориальное единство, затруднено формирование нации и единство культуры. Стало невозможным создание в то время общей экономики, ее инфраструктура складывалась в угоду интересам метрополии. Колониальное господство приостановило самобытное развитие этноса»²⁶⁰; «изучение проблем колониализма в отдельно взятом регионе позволяет выявить специфические подходы и дает возможность к более полному освещению истории завоевания Казахстана Россией»²⁶¹; «деятельность переселенческого ведомства в Казахстане, прежде всего, связывается с изъятиями земель, с нарушением прав казахского населения, притеснением и дискриминацией по языковому и религиозному признаку»²⁶².

В-третьих, формирование историографической традиции аграрной колонизации в научном сообществе Республики Казахстан проходило в условиях методологического кризиса гуманитарного знания и исторической науки. В данном отношении как российская, так и казахстанская историческая наука в 1990-е гг. пребывали в состоянии «нулевого цикла». Однако существовали и принципиальные несходства. Российская историческая наука постсоветского времени постепенно вступала на путь «эпигонства», активно заимствуя и развивая применительно к отечественной истории методологические принципы и исследовательские практики, что открывало новые перспективы и горизонты видения различных аспектов колонизации окраин империи XIX – XX вв. Аккомодация в исследовательский контент концепции ориентализма, подходов «новой имперской истории», «новой интеллектуальной истории», «новой социальной истории», «рефлексивного крестьяноведения» позволяла российской историографии, пусть во многом и поверхностно, вписываться в

²⁶⁰ Артыкбаев Ж.О., Раздыков С.З.. История Казахстана. Астана: Алтын китап, 2005. С.213.

²⁶¹ Борсукбаева А.М. Указ. соч. С.4.

²⁶² Мырзахметова А.Ж. Указ. соч. С.14.

общегуманитарную ситуацию «антропологического» и «лингвистического» поворотов.

Научно-историческое сообщество Республики Казахстан в условиях распада СССР по причинам политического свойства было исключено из пределов той научно-исследовательской парадигмы, в которой оказались российские историки. Более того, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. набирал силу процесс «расщепления» единого интеллектуального пространства, составляемого ранее всеми представителями исторической науки союза. В результате исторические исследования в Казахстане, в том числе и в сфере аграрного освоения степных областей, принимали ярко выраженный публицистический характер. При этом «травма» колонизации становилась преобладающим сюжетом на страницах диссертаций и научных монографий, увидевших свет в 1990-х – первом десятилетии 2000-х гг.

Наиболее предметно состояние национальной исторической науки материализовалось в трудах историков, составивших «официальное» направление в исследовании прошлого Казахстана в связи с колонизацией второй половины XIX – начала XX вв.

Автором новой концепция национальной истории Казахстана стал академик Национальной Академии наук, профессор М.К. Козыбаев, а главной интеллектуальной «площадкой» её создания – Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. В основе теории М.К. Козыбаева лежала идея о долгосрочном характере истории присоединения Казахстана к Российской империя, хронологически уходящей корнями во времена сибирской экспедиции Ермака, что инициировало проблему феномена и природы российской колонизации. В основе исследовательской практики – критика историографической традиции, сложившейся в советский период и возвращение к концепции «абсолютного зла», сформулированной в

конце XIX – начала XX вв. Продвигая концепцию завоевания, М.К. Козыбаев предложил осваивать ее в контексте проблем колониальной политики. В статье «История России есть история страны, которая колонизируется» автор поставил вопрос: была ли Россия колониальной империей²⁶³, дав на него положительный ответ. С точки зрения учёного, термин «наименьшее зло», утвердившийся в советский период, не соответствовал реальной ситуации. М.К. Козыбаев писал: «Проводя четкую грань между нацией А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского и царизмом, в то же время скажем, что колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм - антиподы, зло малое и большое, оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид. Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению»²⁶⁴.

Симптоматично, что во второй половине 1990-х гг. основные усилия казахстанских исследователей были направлены на изучение трудов и биографий представителей национальной интеллигенции конца XIX – первой трети XX вв. как наиболее ярких и последовательных сторонников концепции «абсолютного зла». Так, например, в работах Э.Г. Сеитова обстоятельно исследуется роль А. Букейханова в экспедиционной деятельности Ф.А. Щербины²⁶⁵, К.К. Канафин концентрирует внимание на изучении общественно-политической карьеры Р. Марсекова²⁶⁶, И.К. Тернова и Р.К. Исетова обратили свои взоры на научные взгляды А. Байтурсынова²⁶⁷. Позиция

²⁶³ Козыбаев М.К. «История России есть история страны, которая колонизируется» // Столичное обозрение. 2.05. 1998.

²⁶⁴ Он же. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Алматы: (б.и.), 2000. Кн.1. С.46.

²⁶⁵ Сеитов Э.Г. Букейханов А.Н. как историк и общественно-политический деятель: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1996. 28 с.

²⁶⁶ Канафин К.К. Раимжан Марсеков. Формирование мировоззрения. Общественно-политическая деятельность. (1879-1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 28 с.

²⁶⁷ Тернова И.К., Исетов Р.К. Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова. Костанай: Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.

казахской интеллигенции по аграрным вопросам была освещена в труде С.О. Смагуловой²⁶⁸.

Позитивное значение вышеназванных исследовательских штудий заключалось не только в восстановлении забытых имён и эпизодов национальной истории, но в возрождении и популяризации широкого круга вопросов аграрной истории Степного края, являвшихся актуальными для интеллектуальной элиты Казахстана второй половины XIX – начала XX вв.: переселенческая политика и переселенческое движение, землевладение и землепользование коренного населения и мигрантов, взаимоотношения российского крестьянства и номадов, роль колониальной администрации в управлении «иностранцами» и т.д.

С точки зрения содержания работ и их теоретико-методологической композиции в рамках «официального» направления историографии Республики Казахстан складывалась ситуация, при которой критика «имперской» составляющей колонизации вытесняла научность в исследовании широкой гаммы социально-хозяйственных и культурных проблем национальной истории. Характерно, что данный алгоритм, сформировавшийся в исследовательских практиках 1990-х гг., продолжал активно тиражироваться и в начале XXI столетия. Приводим лишь некоторые, наиболее показательные фрагменты описания методологических ландшафтов диссертационных сочинений, защищённых в Республике Казахстан в первое десятилетие XXI века: «Учитывая хронологические рамки исследования и отталкиваясь от историографических традиций исторической школы, особо следует выделить материалистический подход и принцип историзма, которого придерживались как дореволюционные, так и советские авторы»²⁶⁹;

²⁶⁸ Смагулова С.О. Национальная интеллигенция и аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX - начале XX века: : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 25 с.

²⁶⁹ Ешмуратов А.К. История изучения института собственности в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 30 с.

«теоретико-методологическую основу исследования составила совокупность методов, применяемых в историческом исследовании. В их числе общенаучные методы: исторический, логический, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза и т.п. К специальным методам, использованным при работе над диссертацией, относятся методы сравнительного анализа, хронологический метод. Теоретическую основу исследования составили работы представителей российской и отечественной исторической мысли, внесших вклад в развитие изучения истории деятельности государственных учреждений, их структуры, механизмов функционирования, а также исследования, посвященные экономической истории Казахстана и России дореволюционного периода»²⁷⁰; «методологической основой диссертационной работы явились общие методологические принципы - историзм и объективность. Принцип историзма означает рассмотрение событий и явлений в их конкретно-исторических условиях и связях, что определило общий контур диссертационного исследования. Применение различных методов научного исследования, таких как историко-сравнительный, историко-географический, историко-генетический, системно-структурный, метод научного прогнозирования и других, позволило получить достоверные научные знания и факты относительно изучаемого объекта и предмета исследования»²⁷¹ и т.д.

Утверждение де-факто «официального» направления национальной историографии Республики Казахстан соотносилось с активной политикой в образовательной сфере, что реализовывалось в подготовке школьных учебников и учебных пособий для высшей школы, призванных обозначить основные позиции казахстанского колониального дискурса.

²⁷⁰ Мырзахметова А.Ж. Указ. соч. С.19.

²⁷¹ Айтмагамбетов Д.Р. Указ. соч. С.11.

С 1992 г. во всех учебных заведениях Казахстана была введена дисциплина «История Казахстана», в связи с чем возникла необходимость написания национальной истории «деидеологического и деполитизированного характера»²⁷², однако на практике большинство учебных материалов, вышедших в 1990-е – 2000-е гг., являлось важным аргументом доминирования концепции «абсолютного зла».

Основным итогом продвижения концепции М.К. Козыбаева в границах образовательного пространства стало формирование образа России-колонизатора, завоевателя и угнетателя покорённых народов. Так, казахстанский исследователь А. Кузембайулы пришёл к выводу, сообразно с которым колонизация негативно отразилась на системе жизнеобеспечения кочевников и разрушила традиционную структуру казахского общества, затормозив развитие производительных сил края²⁷³. В учебном пособии А.Абдакимова вопросы присоединения степных областей Зауралья к России также рассматриваются в контексте насильственного захвата кочевий²⁷⁴.

В рамках официального направления на рубеже 1990-х – 2000-х гг. в Республике Казахстан пишется и защищается большое число диссертационных проектов, в центре внимания авторов которых широкий круг проблем колонизации Степного края второй половины XIX – начала XX вв., причём основным идеологическим посылом этих работ априори является тезис о насильственном включении степных территорий в российское имперское пространство с акцентом на оккупационный характер действия имперской власти.

В данном отношении в исследовательском локусе казахстанских историков периода становления национальной государственности оказались вопросы административно-управленческих практик империи

²⁷² История Казахстана: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Алматы: «Алматы кітап», 2011. 312 с.

²⁷³ Кузембайулы А. История дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: Рауан, 1992. 192 с.

²⁷⁴ Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Алматы: РИК, 1994. 235 с..

в колонизируемом регионе. Исходные позиции, определившие подход к оценке моделей имперского управления в Степном крае, были озвучены в работе Э.Ж. Валиханова, в которой автор связал процесс деградации казахского общества второй половины XIX – начала XX вв. с системой государственного управления регионом. По мнению Валиханова, «в девятнадцатом веке – в начале двадцатого очень серьезно ставился вопрос о ликвидации всего казахского народа, так как, лишившись основных средств производства – земли и скота, народ неминуемо должен был погибнуть в результате этой политики»²⁷⁵.

Колониальные принципы государственного управления в деятельности российских имперских учреждений детально представлены и аргументированы в параметрах концепции «абсолютного зла» в работах Б.М. Абдрахмановой, К.А. Жиренчина и Г.З. Кожамметовой, Ж.С. Мажитовой, А.Ж. Байхожаева, Р.Х. Сариевой и др., последовательно проследивших эволюцию управленческих практик в свете российского законодательства и административной политики империи²⁷⁶.

В целом для исследователей системы административного управления Степным краем в имперский период, включая вторую половину XIX – начала XX вв., аксиоматичным является положение о «колониальности» Казахстана.

Вместе с тем актуализация «травматических» эпизодов национальной истории в контексте организации управления степными окраинами способствовала расширению тематического спектра

²⁷⁵ Э. Ж. Валиханов. Колониализм и земельный вопрос // Заря. 1993. № 4. С. 10-11.

²⁷⁶ Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Ел-орда, 1998. 137 с.; Жиренчин К.А. Политическое развитие в Казахстане в XIX – начале XX вв. Алма-Ата: «Жеті жарғы», 1996. 352 с.; Кожамметов Г.З. Государственная Дума а народы Степного края в 1905-1917 гг. Караганда: Болашак-Баспа, 1999. 129 с.; Мажитова Ж.С. Военное присутствие России в северо-западном Казахстане в XVII – начале XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 1997. 174 с.; Байхожаев А.Ж. Сырдарьинская военно-политическая линия в системе колонизационной политики царизма в Северном Приаралье и Южном Казахстане (40–60-х гг. XIX в.): автореф. дис. канд.ист.наук. Алматы, 1999; Сариева Р.Х. Колониальная политика царизма в Казахстане на примере Тургайской области (1868-1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Алматы, 2002. 30 с.

проблем колонизации, поскольку в поле административной деятельности империи неизбежно вовлекались вопросы переселенческого движения и переселенческой политики, регулирования земельных отношений, коммуникации этносоциальных групп и локальных сообществ Степного края.

Одной из первых работ, открывших «пантеон» официального направления новейшей казахстанской историографии аграрной колонизации Степного края в аспекте переселенческого движения и переселенческой политики, стало исследование Р.М. Таштемхановой²⁷⁷. Приверженность концепции «абсолютного зла» автор обозначила уже в преамбуле своей работы, подчеркнув, что переселение крестьян в регион было подчинено общей стратегической цели империи – колонизации Казахстана²⁷⁸. В результате исследования Р.М. Таштемханова пришла к вполне предсказуемым выводам: формирование переселенческих поселений сопровождалось экспроприацией казахских земель; царизм не вникал в земельные нужды коренного населения; переселенческая политика не способствовала прогрессивному развитию казахского общества и наносила огромный ущерб развитию всех сторон его жизни²⁷⁹.

Исследователи переселенческого движения и переселенческой политики конца 1990-х – начала 2000-х гг. окончательно легитимировали в историографической традиции принципы колониального экспансионизма как основной цели крестьянских переселений в Степной край. Так, в работе С.И. Ибраева переселенческая политика рассматривается в контексте демографической ситуации в Северном Казахстане в конце XIX – начале XX вв. По мнению автора, влияние крестьянского переселения

²⁷⁷ Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Алматы, 1994. 29 с.

²⁷⁸ Там же. С.3.

²⁷⁹ Там же. С.23

на образ жизни и традиции коренного населения являлось резко негативным, поскольку сопровождалось массовым изъятием лучших казахских земель в переселенческий фонд²⁸⁰. Категоричность в оценке переселенческого движения и политики в миграционной сфере присуща и выводам А.А. Бельбаевой, констатировавшей факт изъятия из землепользования казахов не только земель, пригодных для хлебопашества, но и пастбищных угодий, вследствие чего колониальная администрация выдворяла казахское население в иные климатические полосы со скудной растительностью и отсутствием водных источников. По мнению автора, массовые аграрные переселения повлекли за собой вклинивание разрозненных земель, чересполосицу, что в равной степени наносило вред как земледельческой, так и скотоводческой отрасли²⁸¹.

В целом, в интерпретации историографии Республики Казахстан 1990-х – начала 2000-х гг. переселенческая политика российского правительства «... держала ориентир на превращение кочевого хозяйства в крепостное, а казахов в крепостных крестьян».²⁸² В результате традиционное скотоводческое хозяйство под влиянием политики государства стало трансформироваться и постепенно приходить в упадок²⁸³.

Симптоматично, что в рамках освоения темы переселенческой политики и переселенческого движения историки Республики Казахстан вовлекались в историографический дискурс аграрных отношений в регионе, организации крестьянских переселенческих хозяйств, взаимоотношений этнических и социальных групп в

²⁸⁰ Ибраев С.И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.): дис... канд. ист. наук. Алматы, 1995. 166 с.

²⁸¹ Бельбаева А. А. Переселенческая политика царизма в Казахстане в конце XIX – начале XX веков // Вестник КазГУ. Серия историческая. 1998. № 10. С. 78 – 82.

²⁸² Рахимбекова А. К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004. С. 70 – 71.

²⁸³ Акатай С. Колесо истории не повернуть вспять. К вопросу о формировании и закате конно-кочевой цивилизации. Астана: Мысль, 2001. С. 76 – 77.

колониционном процессе, что в известном смысле приводило к эволюции взглядов представителей «официального» направления. Данная особенность была отмечена российским исследователем Б.С. Токмурзаевым, утверждающим следующее: «Авторы, настаивая на принципе, согласно с которым «переселенческая политика не способствовала прогрессивному развитию казахского общества и нанесла огромный ущерб развитию...» локальных групп автохтонного населения Степного края, тем не менее признают, что русские поселения и казахский аул в условиях сосуществования перенимали взаимно методы хозяйства, причем хозяйственные контакты и культурно-бытовые связи носили не только негативный, но и позитивный характер. Тем самым происходит своеобразное разделение двух акторов колониционного процесса: властных структур и непосредственных субъектов переселенческого дела²⁸⁴.

К одному из важных элементов историографической традиции аграрной колонизации Степного края в ранней фазе становления национальной исторической школы Республики Казахстан относятся исследования, посвящённые практикам взаимодействия социальных групп в аграрно-колониционном процессе. В данном отношении наиболее дискуссионный характер в рамках официального направления имеют труды, посвящённые статусу и роли казачества в колониционном процессе. Для представителей официальной историографии сюжеты, связанные с участием казачества в освоении степных окраин, определения империей данной группы в качестве главного субъекта колонизации в середине XIX столетия, безусловно, вызывают «травматические» аллюзии. Не случайно «красной нитью» в работах разных поколений учёных 1990-х – начала 2000-х гг. проходит идея о тесной связи имперской колониальной политики и «охранительных» функций казачества в регионе. Алармические

²⁸⁴ Токмурзаев Б.С. Указ. соч. С.31.

тенденции в оценках казачьего сегмента аграрной колонизации развивались в условиях неблагоприятного этнополитического фона систематического вытеснения славянского населения из мест постоянного проживания.

В 1994 г. в Казахстане вышла монография М.Ж. Абдирова²⁸⁵, в которой автор делает акцент на участии казаков в подавлении национально-освободительных движений казахского народа, выделяя главным образом военный аспект истории казачества. Характеризуя русско-казахские отношения в XIX в. в контексте казачьей колонизации, М.Ж. Абдиров определил их как «геноцид на фазе перехода в этноцид против казахского народа»²⁸⁶. В данной связи исследование М.Ж. Абдирова, имеющее по большей части политическую, конъюнктурную направленность, было встречено негативно даже в среде сторонников «официальной» линии в историографии. В частности, в монографии А.С. Елагина, политическая составляющая казачьей колонизации уступила место характеристике образа жизни и хозяйственных занятий сословия²⁸⁷, а в диссертации А.Ш. Мусырмановой внимание автора сосредоточено на формах управления в казачьем войске, инкорпорации сословия в бюрократические механизмы империи на востоке страны, процессы социального расслоения в казачьей среде²⁸⁸.

Нельзя не отметить, что обращение историков «официального» направления к проблеме выявления роли казачества в аграрной колонизации практически регулярно сопровождается выводами политического и идеологического характера. Известно, что сюжеты

²⁸⁵ Абдиров М. История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.; Он же. Завоевание Казахстана царской

Россией и борьба казахского народа за независимость (Из истории военно-казачьей колонизации края XVI – начала XX вв.). Астана: Елорда, 2000. 204 с.

²⁸⁶ Он же. История казачества Казахстана... С.43.

²⁸⁷ Елагин А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане Алматы: Казахстан, 1993. 73 с.

²⁸⁸ Мусырманова А Ш Сибирское казачество на рубеже XIX - XX вв: основные проблемы социально-экономического развития: автореф. дис. канд. истор. наук. Алма-ты, 1995. 23 с.

участия казачества в колониационном процессе осваиваются и в современной российской историографии. При этом в работах российских историков, анализирующих данный сегмент проблемы, сегодня всё чаще говорится о негативных последствиях казачьей колонизации с точки зрения культуртрегерских возможностей субэтнуса, слабой вовлечённости казачества в земледельческие практики, сословном локализме группы и т.д.²⁸⁹. Между тем в параметрах «официального» направления казахстанской историографии вопросы статуса, роли и значения казачьего сегмента колонизации рассматриваются в локусе методологического схематизма и догматических конструкций: «...Сибирское казачье войско от возникновения до упразднения было слепым орудием в руках самодержавия в осуществлении колониальной политики...», «царизм всячески укреплял его военную структуру, расширял земельные владения, награждал разными привилегиями и льготами... казаки оправдывали свое назначение активным участием в борьбе с национально-освободительным движением казахского народа на протяжении XVIII - начала XX веков»²⁹⁰.

В целом, говоря о принципах и подходах, сформированных в рамках «официальной» историографии аграрной колонизации, можно констатировать их ярко выраженный контекстуальный характер и тотальную зависимость от идейно-политических установлений стартового периода становления национальной государственности. По утверждению А.Н. Алексеенко, характерологической особенностью постколониальных обществ является ситуация, при которой

²⁸⁹ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 47–74; Они же. Казачество в колониационных процессах конца XIX – начала XX века // На фронтах империи / Исследования Tartaria Magna 1'2011. С.17-36; Токмурзаев Б.С. Указ. соч. С.200-220; Чуркин М.К. К вопросу о социальной природе и самосознании сообщества русских казаков в контексте присоединения Сибири к России (XVI – XVII вв. // Недбаевские исторические чтения / ред. сост.: А.М. Лосунов и др. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С.254-258.

²⁹⁰ Борсукбаева А.М. Указ. соч. С.71.

стремление к восстановлению культурной аутентичности сочетается с фактом гибридности собственного происхождения под влиянием колонизации. В данной связи в Республике Казахстан в 1990-е – начале 2000-х гг. происходила стремительная архаизация общества, обусловленная миграционными процессами (отъездом «русских» и мощным притоком сельского населения). В этой ситуации происходило частичное снятие алармистского напряжения «славянской угрозы», что не способствовало продвижению европейских культурных тенденций, напротив, пробуждало изоляционистские настроения. В результате обретение национального суверенитета не избавило казахское общество от ощущения «внутреннего колониализма», что наиболее наглядно материализовалось в сфере формирования национального исторического нарратива, в котором «дискурс угнетённого» занял доминирующие позиции²⁹¹.

Тотальное доминирование в национальной историографии Республики Казахстан «официального» курса со свойственными ему штампами и схематизмом вовлекло национальную историческую науку в кризисное состояние. Трактовка национальной истории исключительно как истории этнической мобилизации, преобладание в оценках прошлого теорий и практик примитивного этницизма, методологический «архаизм» в подходах к ключевым сюжетам национальной истории создавали благоприятные условия для экспансии мифологизма и зарождения традиции мифологизаторства в истории²⁹², крайне негативно воспринятого частью научного сообщества Республики Казахстан²⁹³.

²⁹¹Алексеев А.Н. Этнодемографический аспект регионального развития Восточного Казахстана в конце XX – начале XXI в. // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск, 2010. С. 149.

²⁹² См. например: Аимбетов А. Первый человек был узбеком // Казахская правда. 2003. № 2; Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы: Жибек жолы, 1998. 208 с.; Тимофеев М. Казахи – прямые потомки арийцев. Этот факт можно считать реально установленным // Экспресс-К, 22.06.2005.

²⁹³ См. например: Ирмуханов Б.Б. История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования. Алматы: Изд. дом «Наш мир», 2004. 447 с.; Масанов Н.Э. и др. Научное знание и мифотворчество в

Также важно, что отдельными представителями казахстанской исторической науки было признано, что устранение «белых пятен» в истории и отказ от прежних имперских и советских идеологем сопровождается проникновением в массовое сознание новых мифологем о «золотом веке» степной государственности и культуры, особом уникальном вкладе кочевников-казахов в развитие других цивилизаций евразийского мира и «гармоническом характере социальных отношений у казахского населения Степи до насильственного включения его в состав Российской империи»²⁹⁴

Важным фактором, создавшим условия для формирования новых тенденций в исторической науке, стала достаточно жёсткая в республике взаимоувязанность государственной политики и научно-исследовательских штудий. Для представителей гуманитарного знания и власти становился очевидным и пугающим конфликт между чрезмерной актуализацией национальных интересов в общественном сознании и декларациями официальной национальной политики, в программах которой отсутствовало упоминание титульной нации, и был сделан акцент на гражданственность и национальное равноправие. Более того, с 2004 г. в Казахстане стартовала государственная программа «Культурное наследие», направленная не только на развитие и укрепление национального самосознания казахстанцев, но и предполагавшая создание на государственном языке полноценного фонда гуманитарного образования на базе лучших достижений мировой научной мысли, культуры и литературы²⁹⁵, что открывало возможности активной научной коммуникации в международном масштабе. На рубеже XX – XXI вв. в научном сообществе Республики Казахстан на фоне поиска путей не только национальной, но и

современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 296 с.

²⁹⁴ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Там же.

²⁹⁵ Государственная программа «Культурное наследие Казахстана»
https://nlrk.kz/page.php?page_id=8&lang=1. Дата обращения: 22.06.2018.

экономической самодостаточности остро встал вопрос о наполнении казахстанской модели государственности реальным научно-историческим знанием. В результате стали происходить знаковые перемены в методологических основаниях национальной историографии, что проявилось в аккомодации в канву исследований модернизационного подхода, как наиболее адекватного темпам экономического, политического и социокультурного развития Казахстана в условиях независимости.

В этот период происходят качественные изменения в образовательной политике Республики Казахстан, в основу которой были положены идеи поликультурности и интернационализации²⁹⁶, что не могло не оказать влияния на деятельность гуманитарной интеллигенции, в частности, историков, активно инкорпорируемых через международные конференции и программы академической мобильности в коммуникативное научное пространство²⁹⁷.

Вышеназванные обстоятельства предопределили «расщепление» единого историографического пространства и привели к появлению «умеренного» направления, в системе координат которого обозначились и новые подходы к проблемам аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

Следует сразу обратить внимание на то, что «умеренное» направление в казахстанской историографии формируется как реакция

²⁹⁶ Стратегия академической мобильности в Республике Казахстан на 2012-2020 гг. Астана, 2012.

²⁹⁷ Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 1999; Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: Материалы Пятой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2005; Алаш-Орда: Проблемы казахской государственности и культуры: Материалы Международной научной конференции. Алматы, 2008; Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII – XX вв.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2009; Ислам и православие: религии мира // <http://www.idmedina.ru/medina/?4991>; Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы международной научной конференции. Часть 1-2. Иваново, 2014 г; Казахское государство и евразийское пространство: история и современность; XI Евразийский научный форум. Астана, 2014; Модернизация отечественной исторической науки в контексте Национальной идеи «Мәңгілік Ел»: Материалы Международной научной конференции. Алматы, 2014.

«на романтизм в казахстанской исторической науке и эйфоризм в восприятии исторических фактов, которые и привели к мифологизации исследований новой истории Казахстана»²⁹⁸. Необходимо учитывать, что общие принципы исследовательской парадигмы в рамках «умеренного» направления вырабатывались в параметрах «официальной» концепции и государственной политики Республики Казахстан, представляя собой компромиссный вариант оценки имперского прошлого и аграрно-колониционных мероприятий в Степном крае. Исследовательское кредо «умеренного» сегмента в историографической традиции Казахстана наиболее предметно фиксируется в работе Д.Я. Фризена. Во-первых, автор предлагает своим коллегам искать позитивные и негативные последствия аграрной колонизации для коренного населения не только применительно к периоду второй половины XIX – начала XX вв., но и пытаться оценить перспективные последствия аграрных преобразований с точки зрения развития производительных сил региона. Во-вторых, настаивает на необходимости отказаться от непродуктивной практики оценивания колониционных процессов в степных областях исключительно с негативных позиций, что опровергается очевидными историческими фактами: развитием в регионе агрономии, ветеринарной службы, распространением медицинских знаний в кочевой среде²⁹⁹.

Определяющим моментом становления «умеренной» траектории казахстанской историографии стало обращение к подходам и практикам «новой имперской истории», адепты которой предложили новую терминологию и, в частности, концепты «внутренняя колонизация» и «внутренний империализм». Одна из ключевых идей А.

²⁹⁸ Ерофеева И. В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремистификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана: сб. науч. ст. Алматы, 2007. С.14-22

²⁹⁹ Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии республики Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. науч. ст. Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 181.

Эткинда о подчинённом статусе «субалтернов» империи в колонизации как акте тотального государственного доминирования и принуждения³⁰⁰ способствовала сближению историографических дискурсов России и Казахстана, в границах которых стали разрабатываться сходные сценарии переживания «травматической» ситуации.

В результате в работах историков Республики Казахстан первых полутора десятилетий XXI в. резко актуализировался интерес к имперской проблематике в связи с темой аграрной колонизации, что во многом оказалось обеспечено аккомодацией новых методологических подходов к исследованию ключевых сюжетов истории Степного края. Кроме того, становление «умеренного» направления происходило и под влиянием научного авторитета Н.Э. Масанова, неоднократно отмечавшего важность исследования экономических, политических, социокультурных аспектов исторического процесса и их приоритет перед этничностью³⁰¹.

В трудах исследователей данной группы можно выделить в качестве широко растиражированного и обновлённого сюжета, посвящённый вопросам переселенческого движения в Степной край. На новом витке историографической традиции Республики Казахстан эта, казалось бы, всесторонне освоенная тема получила новые варианты прочтения и интерпретации. Ряд авторов, избрав в качестве своеобразного исследовательского критерия характеристику роли имперских структур в колонизации, вышли на вопросы представлений власти о переселенческом движении и способах его государственно-административной регуляции, взаимоотношений коренного и миграционного сегментов в контексте социокультурной и экономической инкорпорации, взаимодействия центральных и

³⁰⁰ Эткинд А. Указ. соч. С.3.

³⁰¹ Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Указ. соч. С.121.

региональных органов управления в обстоятельствах массовых переселений, особенностей формирования образа колонизованных и колонизаторов и т.д.³⁰².

Симптоматично, что уже в начальный период институционализации «умеренного» вектора казахстанской историографии рельефно обозначился переход исследователей от изучения событий к осмыслению состояний. Данные аспекты переселенческой проблемы оказались рельефно отражены в работах А.К. Рахимбековой и З.Т. Садвокасовой.

В частности, А.К. Рахимбековой произведено исследование трансформации социально-политического устройства и традиционной хозяйственной структуры казахского общества под влиянием имперского фактора, методов колонизации в Степном крае. Выявлена роль имперского фактора в экономической, социальной, политической и духовной жизни социума казахов, сформулирован тезис о его разложении в процессе имперской колонизации³⁰³. Характерно, что обращение исследователя к категориям имперской истории открыло автору новые перспективы в реконструкции коммуникаций «субалтернов» империи – русских переселенцев и кочевников-казахов – в системе координат переселенческого процесса. Привлекая методологические приёмы постмодернизма к исследованию взаимоотношений кочевников и землепашцев, А.К. Рахимбековой удалось позиционировать казахов-кочевников, крестьян-переселенцев и колониальную администрацию в качестве акторов множества

³⁰² См. например: Рахимбекова А. К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004. 29 с.; Мырзахметова А.М. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 168 с.; Каженова Г.Т. Казахи и сибирские казаки в историческом и социокультурном пространстве Степного края (XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2008. 140 с.; Айтмагамбетов Д.Р. Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области): дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010. 146 с.

³⁰³ Рахимбекова А.Р. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества...

ситуативных практик повседневной жизни, выстраивавших свои взаимоотношения друг с другом, что позволило реконструировать полифонию их взаимоотношений в новых контекстах колониального времени³⁰⁴.

З.Т. Садвокасова, опираясь на широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, обратилась к проблеме духовной экспансии империи в сферах образовательной и конфессиональной политики, акцентируя внимание на имперских практиках русификации в Степном крае³⁰⁵. Автор справедливо отметила универсальность и масштабность русификаторских практик как важного элемента имперской национальной политики, принципы которой распространялись не только на восточные, но и западные окраины³⁰⁶, что являлось составляющим элементом обеспечения безопасности и стабильности империи. В сложившихся обстоятельствах, отмечает З.Т. Садвокасова, активизация переселенческого движения, в котором преобладало русское крестьянство, предоставляло дополнительные права имперской власти к проведению политики русификации, распространяемой не только на казахов, но и других представителей иноэтничных групп³⁰⁷.

Тенденции к переформатированию и модернизации историографической традиции аграрной колонизации Степного края в Республике Казахстан наиболее предметно запечатлены в диссертационных работах и научных публикациях последнего десятилетия³⁰⁸, что во многом объясняется отказом от исключительно

³⁰⁴ Рахимбекова А.К. Методологические подходы постмодернизма в исследовании взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев в повседневной жизни во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири : сборник научных статей / отв. ред. М. К. Чуркин, Т. А. Сабурова, И. И. Кротт. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С.132-149.

³⁰⁵ Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков). Алматы: Казак университеті, 2005. 339 с.

³⁰⁶ Она же. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отечественная история (Отан тарихы). 2008. №1. С.86-92.

³⁰⁷ Там же. С.91.

³⁰⁸ См. например: Айтмагамбетов Д.Р. Указ. соч.; Мырзахметова А.Ж. Указ. соч.; Фризен Д.Я. Аграрное развитие Западного Казахстана в начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральск, 2009. 24 с.;

негативной оценки процесса включения степных территорий в российское имперское поле, культивирования в национальных исследовательских проектах этнизации, а также частичным восстановлением коммуникативного научного пространства Казахстана и России.

Таким образом, утверждение имперской парадигмы в исследовательских практиках казахстанских историков сыграло позитивную роль в эволюции национальной историографии. По справедливому замечанию С.И. Ковальской, необходимо помнить, что национальная история всегда этноцентрична, что выражается в первую очередь в сочувственной фиксации своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания, а среди функций национальной истории основными являются легитимация власти, обоснование права на территорию, мобилизация членов нации на решение насущных проблем³⁰⁹. В этой связи принципы имперского подхода предоставляют благоприятную возможность поддержания национальной идентичности, а возвращение к модернизированной концепции «наименьшего зла», допускающей фиксацию позитивных последствий аграрной колонизации, увеличивает продуктивность и

Ахметжанова А.Т. Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект. Дис...канд. ист. наук. Алматы, 2010. 141 с.; Айтмухамбетов А.А. Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX начале XX вв. (исторический аспект): автореф. ... док. ист. наук. Семей, 2010. 39 с.; Еспенбетова А.М. Формирование новых сословий в казахском кочевом обществе в XIX - начале XX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Караганда, 2010. 31 с.; Садвокасова З. Т. Имперские мотивы как императивы образовательной политики самодержавия в Казахстане (2-я половина XIX – начало XX веков) // Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII – XX вв.» / Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С.149-157; Ильясов Ш.А. Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891-1917 гг.): дис... на соискание степени доктора философии PhD. Караганда, 2017. 181 с.; Ковальская С. И. Взаимоотношения «центра» и «периферии» в условиях этноконфессиональной гетерогенности имперского пространства // Материалы Второй международной конференции «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII – XX вв.» // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. Вып. 14. С.69-76; Ермекбай Ж. А. Западная Сибирь и Казахский край в XIX начале XX в.: организация имперской власти // Там же. С.34-41.

³⁰⁹Ковальская С.И. Как изучают Россию в Казахстане // <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/140958-1-kovalskaya-din-professor-kafedri-istorii-kazahstana-enu-gumileva-astana-kazakhstan-skovalsk-ma.php>. Дата обращения: 22.10.2018.

репрезентативность выводов, касающихся знаковых сюжетов взаимодействия казахского и русского народа в колониационном процессе.

Подводя общий итог научной рефлексии генезиса и эволюции национальной казахстанской историографической традиции аграрной освоения Степного края как способа инкорпорации региона в общеимперский конструкт, следует отметить, что общим идейно-интеллектуальным контекстом её формирования являлась «травма» колонизации, переживание которой легло в основу сюжетных линий национального исторического нарратива, конструируемого последовательно первыми представителями казахской интеллигенции, историками советского периода и современным научным сообществом эпохи обретения национальной независимости.

В процессе институционализации историографической традиции Казахстана отчётливо прослеживаются три этапа.

На первом этапе (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.), главными трансляторами научной рефлексии вопросов колонизации, а также аграрных её аспектов выступали представители первого поколения казахской интеллигенции, ставшие в значительной степени продуктом российской имперской образовательной системы в масштабах русификаторского курса государственной политики на окраинах. Узкая прослойка национал-интеллектуалов, формируясь в условиях мощного воздействия европейских политических и социокультурных институтов, помнила и о своём аристократическом происхождении, что способствовало поддержанию чувства острой национальной идентичности, а вместе с ним антиколониальных настроений, репрезентируемых в критике аграрных мероприятий правительства, направленных на дискриминацию коренного населения и разрушение традиционного уклада жизни.

Развитие казахстанской историографической традиции аграрной колонизации в советский период (1920-е – 1991 гг.) сопровождалось процессом огосударствления национальных исторических нарративов посредством учреждения научных центров в регионе под патронатом советской имперской системы. Государственный формат советской исторической науки способствовал последовательному исключению из концептуального поля оценок роли аграрных мероприятий власти в Степном крае, идеологически неприемлемых формул «абсолютного» и «относительного» зла, искусственно навязав научному сообществу тезис о добровольном характере и прогрессивном значении колонизации степных окраин.

Исчезновение СССР как имперского конструкта стимулировало мобилизацию этнических чувств, национального и политического самосознания в суверенной Республике Казахстан (1991 – до н.в.). Вполне логичным в сложившихся обстоятельствах националистической эйфории явилось тотальное возвращение историков суверенной Республики к принципам и положениям концепции «абсолютного зла». Симптоматично, что в условиях реструктуризации исторической науки, распада единого историографического поля и исследовательской традиции роль «первой скрипки» в создании общественного мнения и новой национальной истории взяла на себя центральная власть, а основным каналом репрезентации антиколониальных доктрин выступила публицистика. Основным результатом в данном временном контексте стало доминирование в исторических работах, в том числе и по аграрной проблематике, откровенного мифотворчества и мифологических схем, соединённых с крайними формами этнизации исторического знания.

Только к середине первого десятилетия 2000-х гг. (2004 – 2017 гг.) в параметрах колониального дискурса наметилась тенденция к поиску

компромиссных подходов к рефлексии колониционного процесса в отношении инкорпорируемых территорий Степного края в состав России, что оказалось обусловлено методологическим поворотом в исторической науке, возобновлением интеллектуальной коммуникации исторических школ и направлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс аграрной колонизации восточных окраин империи, знаковое место в котором во второй половине XIX – начале XX вв. занимало продвижение российской государственности в пределы степных территорий Зауралья, является не только актуальным с политической и социально-экономической точки зрения сюжетом, иллюстрирующим логику «внутренней» колонизации России, но и предметом интеллектуальной рефлексии. Историографический дискурс аграрной колонизации Степного края начал складываться во второй половине XIX столетия, став реакцией образованной части общества, включенной в обсуждение и практическую работу в системе координат колониационного дела, и в дальнейшем развивался и эволюционировал в условиях национально-государственного, политико-идеологического и социокультурного контекста XX – начала XXI вв.

В основе обсуждения в российской историографической традиции вопроса о причинах, протекании, последствиях аграрно-колониационных мероприятий в осваиваемом регионе располагались как общетеоретические научные, так и практические обоснования, что в конечном счёте определило её ключевые позиции и признаки.

Особенностью историографической ситуации второй половины XIX века являлось доминирование позитивистской методологической модели познания, отстаивавшей абсолютный приоритет идеи установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов,веряемых исторической практикой. Теоретическим базисом позитивистской модели выступала теория прогресса, лежавшая в основе эволюционистской интерпретации исторического процесса. Согласно этой логике, колониальная экспансия и империалистические притязания позиционировались в историко-исследовательской теории как благо, обеспечивающее

движение к прогрессу «субалтернов» колонизации, проживавших в границах территорий, не охваченных влиянием национальных государств и империй.

В практическом плане обсуждение задач колонизационного дела в степных областях Зауралья в период генезиса историографической традиции проблемы сближалось и в конечном итоге совпало с мероприятиями власти по проектированию и реализации имперских планов инкорпорации этих территорий. Исследовательская рефлексия различных сюжетов и ситуаций аграрно-колонизационного процесса в отношении Степного края разворачивалась в системе координат научной экспертизы инкорпорируемых земель, понимание и результаты которой репрезентировались с учётом текущей ситуации российского империостроительства. В 1870-х – начале 1890-х гг. научная экспертиза районов колонизации осуществлялась по либеральным лекалам и группировалась вокруг отделов и подотделов ИРГО, в частности, ЗСОИРГО, имперский характер деятельности которых был по большей части декларативным. Исследователи Степного края в этот период, выступая сторонниками эволюционистской теории, применительно к колонизационным практикам в регионе настаивали лишь на необходимости «взросления» «инородцев», постепенном их включении в социальное пространство империи. Однако на рубеже XIX – XX вв., когда кризисные явления в российском земледелии активизировали переселенческое движение на окраины и главным субъектом колонизационного процесса стало крестьянство, на первый план вышли сугубо имперские окраинные интересы, реализация которых в национал-консервативном сегменте дискурса тесно связывалась с задачами безопасности империи, что предопределило широкие практики создания этнически однородного пространства в степных областях Зауралья. В результате в этот период произошло переформатирование института имперских экспертов,

подчинённого учреждениям колониального типа, с чётким кругом задач и отчётливыми признаками сервильности власти в обсуждении вопросов аграрной составляющей колонизации.

Научно-исследовательская рефлексия широкого круга проблем аграрной колонизации окраин, в том числе Степного края, реализовывалась на фоне кардинальных социально-политических, идеологических и социокультурных изменений эпохи социальных потрясений первой четверти XX века. Позитивистские принципы анализа исторических явлений, выработанные в системе координат досоветской науки, синтезировался с марксистско-ленинской методологией, что способствовало политизации исторической науки и актуализации роли идеологического фактора в исследовании колониационной проблематики. В результате содержание, принципы и логика исследовательских практик в изучении аграрно-колониационных аспектов на окраинах бывшей империи оказались подчинены текущим задачам национальной политики и, как следствие, вписывались в доминирующие историографические доктрины.

В 1920-х гг., в период оформления и реализации принципов ленинской национальной политики, направленной на деколонизацию окраин и правовую легитимацию национальных меньшинств, в рамках российской историографической традиции исследуемого вопроса традиционные сюжеты переселенческой и аграрной политики, организации управления регионом, культуртрегерских мероприятий в отношении коренного населения осваиваются в аспекте жёсткой критики имперских мероприятий самодержавной власти и признания самобытных форм организации хозяйственной деятельности индигенных народов, что рассматривалось в качестве идеологического обеспечения стабильности власти большевиков на отдалённых окраинах страны. С укреплением их властных позиций в 1930-х гг. политика «империи положительной деятельности» постепенно

трансформируется в политику национал-большевизма, что сначала переориентировало историков к апологетике исторической концепции «относительного зла», выводившей на первый план геополитические интересы России и аборигенных групп населения, а с 1950-х – «добровольного присоединения Казахстана к России», в рамках которой инкорпорация Степного края характеризовалась в подавляющем большинстве работ как прогрессивное явление, обеспечившее переход «инородцев» к оседлому образу жизни и земледелию.

Современная российская историография вопроса, как и в предшествующие периоды, отличалась рельефно выраженной контекстуальностью. В обстоятельствах распада СССР, складывания независимых национальных государств (Республика Казахстан), подъёма национального самосознания и возрождения национальной идентичности происходила деактуализация подходов и исследовательских приёмов, аргументирующих концепцию добровольного присоединения степных территорий к Российской империи. В российской исторической науке, в осмыслении сложных проблем «внутренней колонизации» начинают активно задействоваться теоретические построения «новой имперской истории», что способствовало постепенному выведению аграрно-колониционной тематики за пределы методологического тупика, направляло исследователей от описательно-повествовательных и, как правило, оценочных моделей реконструкции процесса аграрной колонизации исследуемого региона к вскрытию форм и содержания имперских дискурсов колонизации. Всё это в конечном итоге позволило констатировать, что в условиях реализации имперских колониционных проектов России во второй половине XIX – начала XX вв. объектами колонизации и её субалтернами являлись не только национальные группы, но и представители титульного этноса – русское

крестьянство, в равной степени включённые в имперскую модель господства/подчинения.

Генезис и становление национальной казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. происходили на фоне эскалации крестьянских переселений в регион и административных усилий по инкорпорации Степного края в имперское пространство. Изменение принципов национальной политики России, основу которой составили теории и практики русификации и формирования «большой русской нации», стали важным социокультурным условием становления казахской национальной интеллигенции. Процесс институционализации образованного сегмента казахского социума сопровождался не только усвоением культурных ценностей колонизаторов, но и собственных национальных традиций, что в конечном итоге привело к оформлению антиколониальной линии в исследовательских подходах к оценке аграрно-колониционных мероприятий империи в Степном крае. Следует отметить, что российские власти в рамках осуществления теории создания на окраинах, в том числе степных, «большой русской нации» пытались создать необходимые условия для естественной русификации представителей аристократической казахской элиты, вовлекая её в образовательные, а в дальнейшем и в управленческие структуры. Формирующийся слой национальной интеллигенции активно включался в экспертную деятельность империи по исследованию колониционного фонда, вливаясь в отряд государственного чиновничества – группы с общими признаками профессиональной идентичности. Вместе с тем во второй половине XIX в., в период роста популярности сепаратистских настроений в обществе, образованные в европейском духе представители казахской интеллигенции активно воспринимали идеи сибирского областничества, а в начале XX

столетия – радикальных левых партий и движений, что являлось питательной интеллектуальной средой, в которой оформлялась антиколониальная риторика их публикаций, усиливалась политическая активность с выраженным националистическим оттенком, приобретала формы научного обоснования концепция «абсолютного зла» в оценке российского колониального опыта.

В советский период национальная казахстанская историографическая традиция аграрной колонизации Степного края существует и развивается в границах идейно-политических доктрин СССР и декларируемых властью концепций колонизации окраин. В то же время национальный сегмент историографии имел некоторые специфические признаки, обусловленные как существующими политическими тенденциями, так и исследовательскими ориентациями научно-исторических школ.

Прежде всего следует говорить о том, что в 1920-х гг. в период реализации большевистского проекта «империи положительной деятельности» магистральным путём национального сегмента советской историографии являлась концепция «абсолютного зла», в рамках которой осваивался широкий круг вопросов освоения степных областей Зауралья в имперский период. Критика имперской политики, в том числе и в решении национального вопроса в регионе, не только допускалась, но и поощрялась центральной властью. Ведущие позиции в формировании национального историографического дискурса занимали представители дореволюционной интеллигенции, активно отстаивающие принципы национальной самобытности казахов и отрицательной роли российского имперского фактора в колонизации. В 1930-х гг. изменилась политическая обстановка и, как результат, формы и содержание организации науки в республиках ССР. Созданные в национальных административно-территориальных образованиях филиалы (позднее – отделения) АН СССР получали

относительную самостоятельность исследовательской деятельности при условии беспрекословного следования декларируемой центром идеологической доктрине. В сложившейся ситуации сюжеты аграрной колонизации степных окраин оказались полностью переданы в исследовательскую компетенцию национальной (казахстанской) исторической школы. Следствием такого положения вещей стало активное включение новой генерации республиканских учёных в разработку истории Казахстана имперского периода, прирост источниковой базы, позволивший активизировать работу научного сообщества в исследовании таких вопросов, как этногенез казахов, формы общинной организации номадов, взаимодействие и взаимовлияние оседлых и кочевых культур, что естественным образом требовало определённого осмысления исторического контекста событий: переселенческой политики и переселенческого движения, землеустроительных мероприятий в регионе, образовательных практик и т.д. С другой стороны, подчинённость исследований идеологическим предначертаниям центра, ограниченность научной коммуникации усиливали догматичность и политизированность выводов национальных историков, сужали методологический потенциал в осмыслении ключевых вопросов аграрной колонизации Степного края, что в значительной степени обедняло историографическую традицию в конструировании национального исторического нарратива.

С распадом СССР и образованием Республики Казахстан национальная историография аграрной колонизации Степного края в поздний имперский период вступила в новую стадию своего существования. В 1990-х-2000-х гг. историографическая традиция проблемы также эволюционировала в тесной связи с общественно-политической и социокультурной ситуацией, приобретая зачастую отчётливые признаки исторической политики. Мобилизация этнических чувств и рост национального самосознания

реализовывались в условиях политической независимости, что в историографическом плане «развернуло» казахстанскую историографию в русло концепции «абсолютного зла». Важным фактором социально-политического развития Казахстана в 1990-е гг. стал значительный отток русского населения и переселения в города сельских жителей, что способствовало архаизации общества и возрождению казахских этнопсихологических стереотипов феодальных времён. На этом фоне усиливался процесс этнизации исторического знания, тем самым работы, написанные в контексте положений концепции «абсолютного зла», «обрастали» мифологическими сюжетами, поддерживаемыми властью и стремительно репрезентируемыми в публицистике.

Методологический поворот, происходивший в российской исторической науке, предполагавший не только отказ от марксистско-ленинской модели рефлексии фактов и событий прошлого, но и аккомодацию новых подходов к осмыслению знаковых сюжетов аграрной колонизации, не вошёл в теоретический арсенал исследовательских практик учёных Республики Казахстан. В результате научное сообщество казахстанских историков, сосредоточенных на различных сюжетах колониального прошлого, активно включилось в колониальный дискурс, основной направленностью которого является переживание национальной «травмы» колонизации. Наиболее предметно этот процесс оказался зафиксирован в связи с исследовательскими проектами и практиками «официального» направления современной казахстанской историографии, в границах которого утвердилась тенденция к однозначной характеристике имперской политики XIX – начала XX вв. как колониальной со всеми вытекающими отрицательными последствиями для коренного населения.

В рамках «умеренного» направления в историографической традиции аграрной колонизации Степного края, также интерпретирующей сюжеты национальной истории в системе координат колониального дискурса, основной акцент делается на преодолении мифологизма и романтизма в изучении имперского вектора аграрной колонизации Степного края, предлагается выявлять не только негативные, но и позитивные результаты аграрной колонизации для коренного населения относительно периода второй половины XIX – начала XX вв.

В целом можно констатировать, что современная национальная историографическая традиция проблемы под влиянием общественно-политической и социокультурной ситуации рубежа XX – XXI вв. стала приобретать такую черту, как телеологичность, что исключает альтернативность в оценке исторических событий; предельно акцентированное внимание к государствообразующей нации в ущерб истории других народов, исторически проживавших в границах национальной территории, воспринимаемых в качестве маргинальных.

В последнее десятилетие усилилась коммуникативная активность историков Республики Казахстан. Участие в международных форумах: конференциях, симпозиумах, круглых столах - порождает практики научного взаимодействия, в том числе и в области осмысления исторического опыта российской колонизации степных окраин. Обращение к исследовательским практикам «новой имперской истории», «новой культурно-интеллектуальной истории», «новой социальной истории» способствует переориентации научного сообщества Казахстана на поиск нетривиальных подходов в рефлексии ключевых вопросов национальной истории.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И
ЛИТЕРАТУРЫ:
ИСТОЧНИКИ:**

I. Монографии и диссертации:

а) Монографии

1. *Балакишин, Н.Н.* О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах / Н.Н. Балакшин. СПб.; Тип. МВД, 1887. 56 с.
2. *Букейханов, А.Н.* Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. // Тандамалы (избранное) / Глав. ред. Р. Нургалиев. А.: «Казак энциклопедиясы», 1995. 216 с.
3. *Валиханов, Ч.Ч.* О кочевках киргиз // Ч.Ч. Валиханов / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 105-109.
4. *Дубровский, С.М.* Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / С.М. Дубровский. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 599 с.
5. *Исаев, А.А.* Переселения в русском народном хозяйстве / А.А. Исаев. – СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
6. *Карпов, Н.* Аграрная политика Столыпина / Н. Карпов. М.: «Наука», 1925. 241 с.
7. *Кауфман, А.А.* Переселение и колонизация / А.А. Кауфман. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. Ч.1. Государство и переселения. 1861-1904. Ч.2. Переселения, их причины и значение для народного хозяйства; 349, 81 с.
8. *Козыбаев, М.К.* Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Кн.1 / М.К. Козыбаев. Алматы: Изд-во: «Галым», 2000. 248 с.
9. *Масанов, Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР / Э.А. Масанов. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. Т.36. 551 с.

10. *Потанин, Г.Н.* Материалы для истории Сибири / Г.Н. Потанин. М.: Унив. типография (Катков и К) на Страстном бульваре, 1867. 172 с.
11. *Ремнёв, А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков (под общей редакцией Н.Г. Суворовой) / А.В. Ремнёв. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
12. *Ремнёв А.В., Суворова, Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
13. *Садвокасова, З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков) / З.Т. Садвокасова. Алматы: Қазақ университеті, 2005. 339 с.
14. *Седельников, Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства) / Т.И. Седельников. СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.
15. *Тынышпаев, М.* История казахского народа / М. Тынышпаев. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. 224 с.
16. *Худяков, В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В.Н. Худяков. Томск: Изд-во ТГУ, 1986. 265 с.
17. *Щербина, Ф.А.* Киргизская народность в местах крестьянских переселений / Ф.А. Щербина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 48 с.;
18. *Ядринцев, Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н.М. Ядринцев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.;
19. *Ямзин, И.Л., Воцинин, В.П.* Учение о колонизации и переселениях / И.Л. Ямзин, В.П. Воцинин М.; Л.: Гос. издательство, 1926. 332 с.

б) Диссертации

1. *Абдиров, М. Ж.* Военно-казахья колонизация Казахстана (конец XVI - нач. XX в.): Опыт историко-эволюционного анализа: дисс.... докт. истор. Наук / М.Ж. Абдиров. Алматы, 1997. 267 с.
2. *Айтенова, Б.К.* Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в Казахской степи: дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2007.
3. *Айтмагамбетов, Д.Р.* Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области): дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010.
4. *Айтмухамбетов, А.А.* Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX начале XX вв. (исторический аспект): дис. ... док. ист. наук. Семей, 2010.
5. *Ахметжанова, А.Т.* Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект: дис...канд. ист. наук. Алматы, 2010.
6. *Байхожаев, А.Ж.* Сырдарьинская военно-политическая линия в системе колонизационной политики царизма в Северном Приаралье и Южном Казахстане (40–60-х гг. XIX в.): дис.... канд. ист. наук. Алматы, 1999.
7. *Безвиконная, Е.В.* Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в.: дис...канд. ист. наук. Омск, 2005.
8. *Борсукбаева, А.М.* Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана). дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 2005.
9. *Буктугутова, Р.С.* Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX вв.: дис...докт. ист. наук. Омск, 2007.

10. *Васин, К.Л.* Административные и судебные реформы 60 – 90-х гг. XIX в. в степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской): дис...канд. ист. наук. Омск, 2008.
11. *Волкова, Т.П.* Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
12. *Геллер, А.Б.* Переселенческая политика царизма и колонизация в Казахстане в XX веке (1900 – 1916 гг.) (по материалам бывшей Семиреченской области): дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1964.
13. *Дамешек, И.Л.* Окраинная политика России во второй половине XIX в.: Дис...канд. ист. наук. Иркутск, 1998.
14. *Еспенбетова, А.М.* Формирование новых сословий в казахском кочевом обществе в XIX - начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2010.
15. *Ешмуратов, А.К.* История изучения института собственности в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002.
16. *Ибраев, С.И.* Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.): дис... канд. ист. наук. Алматы, 1995.
17. *Ильясов, Ш.А.* Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891-1917 гг.): дис... на соискание степени доктора философии PhD. Караганда, 2017.
18. *Каженова, Г.Т.* Казахи и сибирские казаки в историческом и социокультурном пространстве Степного края (XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2008.
19. *Калышев, А.Б.* Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья: дис.... канд. ист. наук. М., 1989.

20. *Канафин, К.К.* Раимжан Марсеков. Формирование мировоззрения. Общественно-политическая деятельность. (1879-1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999.
21. *Кейлин, А.А.* Кризис переселенческого движения в Сибирь в период столыпинской реакции: дис. ... канд. ист. наук. Пушкин, 1955.
22. *Кузьмин, А. А.* Институциональный анализ переселенческого освоения новых территорий (на примере земледельческого освоения Сибири). дис...канд. эконом. наук. Омск, 2005.
23. *Мажитова, Ж.С.* Военное присутствие России в северо-западном Казахстане в XVII – начале XIX вв. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 1997.
24. *Минжуренко, А.В.* Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Томск, 1977
25. *Мусырманова, А. III.* Сибирское казачество на рубеже XIX - XX вв: основные проблемы социально-экономического развития: дис. ... канд. ист. наук. Алма-ты, 1995.
26. *Мырзахметова, А.Ж.* История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007.
27. *Плахотник, Т.Ю.* Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: дис...канд. ист. наук. Омск, 2007.
28. *Рахимбекова, А. К.* Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004.
29. *Рахимов, Е.К.* Этнография казахов в трудах отечественных и зарубежных исследователей XVIII – начала XXI вв.: дис... на соискание степени доктора философии PhD. Алматы, 2017.
30. *Сариева, Р.Х.* Колониальная политика царизма в Казахстане на примере Тургайской области (1868-1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: Алматы, 2002.

31. Смагулова, С.О. Национальная интеллигенция и аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999.
32. Сорока, Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв.: дис...канд. ист. наук. Омск, 2009.
33. Таиштемханова, Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): дис. ... канд. ист. наук: Алматы, 1994.
34. Тебаев Д.Б. Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.: дис. ...канд. ист. наук. Москва, 2009.
35. Токмурзаев, Б.С. Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX – начала XX вв.: дис...канд. историч. наук. Омск, 2016.
36. Черников, В.С. Крестьянская колонизация Северного Казахстана в конце XIX – начале XX века и ее социально-экономические последствия: дис. ...канд. ист. наук. М., 1966.
37. Чуркин, М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах: дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2000.
38. Шмачков, П.А. Крестьянское переселение в Туркестан (1867 – 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1961.

II. Материалы периодической печати, сборники научных статей, материалы научных конференций

а) периодическая печать

1. Ab Imperio. 2002. № 2; 2011. № 1;

2. Большевик Казахстана: теоретический и политический журнал ЦК КП (б) Казахстана. 1945. № 6; 1947. № 9;
3. Вестник Казахского филиала АН СССР (Вестник Академии наук Казахской ССР). 1945. № 6; 1947. № 6; 1951. №10; 1952. № 1; 1953. № 7;
4. Вестник Казахского государственного университета. Серия историческая. 1998. № 10.
5. Вестник Московского государственного гуманитарного ун-та им. М. Шолохова. История и политология. 2010. № 2;
6. Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. № 2;
7. Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 4 (20); 2015. № 401; 2016. № 406, 407; 2017. № 419;
8. Вопросы истории. 1951. № 4, 11; 1953. № 8; 1955. № 12; 1991. № 1;
9. Вопросы колонизации: периодический сборник / ред.: № 1 - О. А. Шкапский, № 2-3 - Г. Ф. Чиркин и А. В. Успенский, № 6-19 - Г. Ф. Чиркин и Н. А. Гаврилов, № 20 - Г. Ф. Чиркин. № 1 (1907)-№ 20 (1917). СПб., Петроград, 1907-1917. 1907. №1, 2; 1908. № 2, 3; 1909. №5; 1910. № 6, 7; 1912. № 11; 1914. № 14; 1915. № 18.
10. Восточное обозрение: лит. и полит. газета. Иркутск. Ежедн. 1882. № 12, 13, 19; 1883. № 23; 1885. № 5; 1887. № 3; 1888. № 5, 50;
11. Записки ЗСОИРГО: издание Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1878-1927. 1893. Кн. XV, XVI; Омск, 1894. Кн. XVII; 1897. Кн. XXI; 1900. Кн. XXVII; Т. XXXIX. Юбилейный. Омск: Издание ЗСОГРГО, 1927;
12. Заря. 1993. № 4;
13. Известия Академии наук Казахской ССР. Серия: история. Вып.6. 1950.
14. Казахстанская правда: республиканская газета. 10.08.1995; 18.03.1998; 11.02.2003;

15. Киргизская степная газета: особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским обл. ведомостям. Омск, 1888-1905. 1894. 19 мая; Степной край: обществ.-полит. и лит. газ. / ред.-изд. Л. К. Чермак. Омск, 1893–1905. 2–3 раза в нед. 1895. 19 октября. № 76.
16. Отечественная история (Отан тарихы). 2008. №1.
17. Политические исследования. 1992. № 5-6.
18. Русский архив. 1885. № 7.
19. Русский вестник: литературный и общественно-политический журнал / ред. М.Н. Катков. М., СПб., 1856-1906. 1882. Т.157, Т.160; 1883. Т.164; 1884. Т.174; 1885. Т.177; 1886. Т.182; 1890. Кн.11; 1906. Кн.12;
20. Сибирские вопросы: периодический сб., с 1906 г. – независимый прогрессивный журнал О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта / ред. П. М. Головачёв, с 1909 г. – ред. А. И. Иванчин-Писарев; изд. В. П. Сукачев, 1905–1913. СПб.: тип. Альтшулера, с августа по ноябрь 1908 г. Тип. И. Флейтмана. С 1-го июля 1906 г. – ежемесяс. С 1-го апреля 1907 г. (с № 4). Еженед. 1912. № 18;
21. Советская Киргизия. 1925. № 5-6;
22. Степной край: обществ.-полит. и лит. газ. / ред.-изд. Л. К. Чермак. Омск, 1893–1905. 2–3 раза в нед. 1895. 19 октября. № 76;
23. Столичное обозрение. 2.05. 1998;
24. Труды научно-исследовательской ассоциации при изучении национальных и колониальных проблем; Вып. 15 Ч.1., М. (б.и.), 1934.
б) сборники научных статей, материалы конференций
1. Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII – XX вв.: материалы Второй международной конференции / под ред. М.К. Чуркина // Вопросы истории Сибири: сб. науч. статей. Вып.14. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. 222 с.

2. Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. тр. / под. ред. Н.Г. Суворовой, С.А. Мулиной. Омск: Полиграфический центр «КАН», 2016. 480 с.
3. Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 136 с.
4. Алаш Орда: истоки казахской государственности и современность / Бас редактор Ә.Ә. Қуандықов. Әскемен: С. Аманжолов атындағы ШҚМУ «Берел» баспасы, 2013. 242 б.
5. Алаш-Орда: Проблемы казахской государственности и культуры: Материалы Международной научной конференции. Алматы: Семей, 2008. 168 с.
6. Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / науч. ред. В.Н. Худяков, отв. ред. М. К. Чуркин, Т. А. Сабурова, И. И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12.
7. Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / науч. ред. М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. Вып. 14.
8. Вопросы историографии Казахстана: Сборник / Академия наук Казахской ССР Институт Истории, Археологии и Этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1983. 251 с.
9. Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII – XX вв.): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск: СибАДИ, 2009. 496 с.
10. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. науч. ст. Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I.

- 11.Казахи: сб. статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Л.: Издание АН СССР, 1930. Вып.15.
- 12.Казахское государство и евразийское пространство: история и современность: XI Евразийский научный форум. Астана, 2014.
- 13.Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: Сб. науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ин-т; [Редкол.: Е. И. Соловьева (отв. ред.) и др.]. Новосибирск: НГПИ, 1981. 124 с.
- 14.Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 29 апреля 2010 г. Вып. II / под ред. А.В. Старцева. Барнаул: Азбука, 2010. 326 с.
- 15.Модернизация отечественной исторической науки в контексте Национальной идеи «Мәңгілік Ел»: Материалы Международной научной конференции. Алматы, 2014.
- 16.Недбаевские исторические чтения: Сб. науч. ст. / ред. сост.: А.М. Лосунов и др. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012.
- 17.Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н. Э. Масанов, Ж. Б. Абылхожин, И. В. Ерофеева; Friedrich Ebert Stiftung. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 291 с.
- 18.Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX - начало XX вв.). К 75-летию члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина: Материалы междунар. науч. конф. / [Редкол.: В.А. Ламин (отв. ред.) и др.]. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2002 (Ред.-издат. центр НГУ). 272 с.
- 19.Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XX вв.) : междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл. : тез. докл. и сообщ. / Ом. гос. ун-т, Евраз. нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева, Кокшетаус. ун-т им. Ч. Ч. Валиханова [и др. ;

редкол.: Н. Н. Бревнова, А. И. Казанник, А. В. Ремнев (отв. ред.) и др.]. Омск : [б. и.], 1998. 223 с. и др. годы (2001, 2003, 2005, 2007).

- 20.Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы международной научной конференции / под ред. П.В. Лепина, А.Ж. Жавярова, В.М. Алпатова. Новосибирск: НГПУ, 1999. 48 с.
- 21.Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы Пятой междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 24 нояб. 2005 г. / [редкол.: В. С. Бойко (отв. ред.), В. А. Бармин]. Барнаул : Лаб. "Россия и восток" БГПУ, 2005 (Барнаул: Азбука). 461 с.
- 22.Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: актуальные вопросы истории и международных отношений. Четвёртые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы международной научной конференции 22 мая 2009 г. / Под ред. А.В. Старцева. Барнаул: Азбука, 2009. 258 с.
- 23.Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
24. Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. Историография проблемы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1988. 251 с.
- 25.Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов обл. научной конференции по этнографии. Омск, 1984. 266 с.

III. Материалы академического делопроизводства

- 1.Задачи идеологической работы в Академии наук Каз. ССР в свете решений VIII пленума ЦК КП (б) Казахстана // Вестник Акад. наук КазССР. 1951. № 11. С.22-28.
2. Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период / [Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР С. П. Толстов и др.] ; Акад. наук СССР. Акад. наук

Узбек. ССР. Акад. наук Казах. ССР. Акад. наук Таджик. ССР. Акад. наук Туркм. ССР. Акад. наук Киргиз. ССР. - Ташкент : Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. 590 с.,

3.Материалы объединённой научной сессии, посвящённой прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент: Госиздат, 1959. 298 с.;

4.На общих собраниях отделения Академии наук КазССР // Вестник Акад. наук КазССР. 1957. № 6. С.94-97.

5.На расширенном заседании Президиума Академии наук Казахской ССР // Вестник Акад. наук КазССР. 1949. № 5. С.54-64.

6.На расширенном заседании Президиума Академии наук Казахской ССР // Вестник Акад. наук КазССР. 1949. № 10. С.13-20.

7.Научная сессия Института истории, археологии и этнографии // Вестник Акад. наук КазССР. 1956. № 2. С.94.

8.О планах научно-исследовательских работ на 1958 год // Вестник Акад. наук КазССР. 1957. № 10. С.110-112.

9.Общее собрание Академии наук Казахской ССР // Вестник Акад. наук КазССР. 1948. № 5. С.3-9.

10.Объединённая научная сессия по вопросам истории народов Средней Азии и Казахстана // Вестник Акад. наук КазССР. 1954. № 3. С.38-47.

11.Отчёты отделений о научной деятельности за 1953 год (в том числе по отделению общественных наук) // Вестник Акад. наук КазССР. 1954. № 4. С.118-181.

12.Сессии общего собрания Академии наук Казахской ССР // Вестник Акад. наук КазССР. 1952. № 5. С.20-29; 1953. № 6. С.38-54. 1954. №1. С.54-59.

13.Юбилейная сессия общего собрания Академии наук Казахской ССР // Вестник Акад. наук КазССР. 1954. № 6. С.99-101.

IV. Исследовательская литература

1. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛО, 2010. 392 с.
2. Абдрахманова, Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке / Б.М. Абдрахманова. Астана, 1998. 137 с.
3. Айзикова, И.А., Макарова, Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860-1890-х гг.: проблема диалога / И.А. Айзикова, Е.А. Макарова. Томск: Изд-во Том. университета, 2009. 266 с.
4. Акатай, С. Колесо истории не повернуть вспять. К вопросу о формировании и закате конно – кочевой цивилизации / С. Акатай. Астана: Изд-во: «Мысль», 2001. 265 с.
5. Алдажумов, К. Қазақтың әйгілі тұлғалары / К. Алдажумов. Алматы, 2013.
6. Алексеенко, Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав). 1870-1914 гг. / Н.В. Алексеенко. Алма-Ата: Наука, 1981. 112 с.
7. Апполова, Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. / Н.Г. Апполова. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1948. 254 с.
8. Апполова, Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. / Н.Г. Апполова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
9. Артыкбаев, Ж. О. Казахское общество: традиции и инновации / Ж.О. Артыкбаев. Астана: Изд-во: «Мысль», 2003. 290 с.
10. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

11. *Асфендияров, С.Д.* История Казахстана (С древнейших времен). 2-е изд-е: Учебное пособие / С.Д. Асфендияров. Алма-Ата.: Казак университеті, 1993. 304 с.
12. *Асылбеков, М.Х.* Развитие сети железнодорожных дорог Казахстана в конце XIX- начале XX века. // Казахстан в канун Октября. Сборник статей / Под общей ред. д.и.н., профессора П.Г. Галузо. Алма-Ата: изд. «Наука» Казахской ССР, 1968. С. 178 – 213.
13. *Асылбеков, М.Х. Сеитов, Э.Т.* Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и учёный / М.Х. Асылбеков, Э.Т. Сеитов. Алматы, 2003.
14. *Атушева, С.* Переселенческая политика царской России и кризис традиционного казахского общества / С. Атушева. Астана: Изд-во: «Мысль», 2000. 322 с.
15. *Балакшин Н.Н.* О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах / Н.Н. Балакшин. СПб.; Тип. МВД, 1887. 56 с.
16. *Бахрушин, С.В.* Научные труды. Т.III. Ч.1. / С.В. Бахрушин. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 379 с.
17. *Безвиконная, Е.В.* Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в. / Е.В. Безвиконная. Омск: Б.м., 2005. 239 с.
18. *Беккер, С.* Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С.76-77.
19. *Бекмаханов, Е.Б.* Казахстан в 20-40-е годы XIX века // Изд. первое. Под общ. ред. доктора исторических наук, проф. М. П. Вяткина / Е.Б. Бекмаханов. Алма-Ата: Каз. объедин. гос. изд-во, 1947. 391 с.
20. *Бекмаханов, Е.Б.* Присоединение Казахстана к России / Е.Б. Бекмаханов Алма-Ата: АН СССР, 1957. 337 с.

21. *Бекмаханова, Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма(60-е годы XIX в. - 1917 г.) / Н.Е. Бекмаханова. М.: «Наука», 1986. 246 с.
22. *Бекмаханова, Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии / Н.Е. Бекмаханова. М.: Наука, 1980. 280 с.
23. *Бельбаева, А. А.* Переселенческая политика царизма в Казахстане в конце XIX – начале XX веков // Вестник КазГУ. Серия историческая. 1998. № 10. С. 78 – 82.
24. *Борзунов, В.Ф.* К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С.97-107.
25. *Браинин, С., Шафиро, Ш.* Очерки по истории Алаш-Орды / С. Браинин, Ш. Шафиро. Алма-Ата, 1935.
26. *Букейханов, А.Н.* Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. // Букейханов А. Тандамалы (избранное) / Глав. ред. Р. Нургалиев. А.: «Казак энциклопедиясы», 1995. 216 с.
27. *Букейханов, А.Н.* Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года / А.Н. Букейханов. Омск, 1902. 27 с.;
28. *Букейханов, А.Н.* Казахи: историко-этнографические труды / А.Н. Букейханов. Астана: «Алтын кітап», 2007. 248 с.
29. *Букейханов, А.Н.* «Киргизы» // Формы национального движения в современных государствах. Под ред. Костелянского А.И. / А.Н. Букейханов. Петербург-Петроград, 1910. 586 с.
30. *Ваганов, О.А.* Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907 –1914 годы)// Исторические записки / Отв. редактор академик Б.Д. Греков. Вып. № 31. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 56-87.
31. *Валиханов, Ч.Ч.* О кочевках киргиз // Ч.Ч. Валиханов / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 105-109.

32. *Валиханов, Ч.Ч.* О мусульманстве в степи // Ч.Ч. Валиханов / Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 71-76.
33. *Венюков, М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М.И. Венюков. СПб.: Типография Безобразова, 1873. 575 с.
34. *Воцинин, В.П.* О термине «колонизация» // В.П. Воцинин / О земле. Вып.2. М., 1922. 238 с.
35. *Галузо, П.Г.* Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1869 – 1914 гг. / П.Г. Галузо. Алма-Ата: Наука, 1965. 345 с.
36. *Галузо, П.Г.* Очерк советской историографии аграрных отношений в Казахстане в период капитализма / П.Г. Галузо. Алма-Ата: Б.и., 1971. 113 с.
37. *Герасимов, И., Глебов, С. Могильнер, М.* Написание истории России как истории империи: опыт Сеймура Беккера // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С.42-43.
38. *Горюшкин, Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917) / Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1976. 342 с.
39. *Горюшкин, Л.М.* Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Л.М. Горюшкин / Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Аграрные структуры в XIX веке» (Канада, Монреаль, 24-26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988.
40. *Горюшкин, Л.М.* Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Л.М. Горюшкин / Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков «Сравнительное

- изучение экономического развития России и Японии» (Япония, Токио, 19-23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989.
41. Горюшкин, Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, конец XIX - начало XX в. / Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1967.
42. Горюшкин, Л.М., Миненко, Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.) / Л.М. Горюшкин, Н.А. Миненко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. 315 с.
43. Гурвич, И.А. Переселения крестьян в Сибирь / И.А. Гурвич. М.: Тип. «А. Левенсон и К°», 1888. 342 с.
44. Дамешек Л. М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Издво ИГУ, 1990. – 82 с.
45. Дамешек Л. М. Сибирские «иногородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. / Л. М. Дамешек. Иркутск: Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. 320 с.
46. Дахшлейгер, Г.Ф. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии / Г.Ф. Дахшлейгер. Алма-Ата:Наука, 1973. 215 с.
47. Дахшлейгер, Г.Ф. Историография советского Казахстана / Г.Ф. Дахшлейгер. Алма-Ата: Наука, 1969. 189 с.
48. Дубровский, С.М. Столыпинская земельная реформа: из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / С.М. Дубровский. М.: Издат. Академии наук СССР, 1963. 599 с.
49. Дулатова, Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861-1917 гг.). Алма-Ата: Наука, 1984. 272 с.
50. Егiazарова, Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России / Н.А. Егiazарова. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 191 с.
51. Елагин, А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане / А.С. Елагин. Алматы: Казахстан, 1993. 73 с.
52. Ельмуратова, Б.Ж. Историография социально-политических движений в Казахстане / Б.Ж. Ельмуратова. Павлодар: Кереку, 2008.

53. *Емельянова, Т.Н.* Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности / Т.Н. Емельянова. СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2004. 265 с.
54. *Ерасов, Б.С.* Социальная культурология : В 2 ч. / Б.С. Ерасов. М. : АО «Аспект-пресс», 1994. 238 с.
55. *Ермекбай, Ж.А.* Из истории изучения Казахского края в Российской империи в XVIII – XIX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 404. С.81-89.
56. *Ерофеева, И. В.* События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремистификации // И.В. Ерофеева / Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Сб. науч. ст. Алматы, 2007. С.14-22.
57. *Есмагамбетов, К.Л.* Действительность и фальсификация (англо-американская историография о Казахстане) / К.Л. Есмагамбетов. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 200 с.
58. *Ефремов, П.Н.* Столыпинская аграрная политика / П.Н. Ефремов. М.: Госполитиздат, 1941. 144 с.
59. *Жиренчин, К.А.* Политическое развитие в Казахстане в XIX – начале XX вв. / К.А. Жиренчин. Алма-Ата: «Жеті жарғы», 1996. 352 с.
60. *Инсебаев, Т.А.* Очерки истории Павлодарского Прииртышья с древнейших времён до XX века / Т.А. Исенбаев. Павлодар: НПФ -ЭКО, 2000. 240 с.
61. *Ирмуханов, Б.Б.* История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования / Б.Б. Ирмуханов. Алматы: Изд. дом «Наш мир», 2004. 447 с.
62. *Исаев, А.А.* Переселения в русском народном хозяйстве / А.А. Исаев. – СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
63. *Исмаил-заде, Д.И.* Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX – начало XX в. / Д.И. Исмаил-Заде. М.: Наука, 1982. 311 с.

64. История Казахской ССР. В 5 т. (с древнейших времён до наших дней) Т.3.: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979.
65. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы: Изд-во «Дайк-пресс». 2006. Т. VII. Г. Н. Потанин. Исследования и материалы. 594 с.
66. Кабульдинов, З.Е. Казахи внутренних губерний России во второй половине XVIII - начале XX вв. (историко-демографический аспект) / З.Е. Кабульдинов. Павлодар: Издательство ПГУ им. С. Торайгырова, 2002. с. 47.
67. Кандеева, А.Г. Слово о Ядринцеве / А.Г. Кандеева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 160 с.
68. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. М.: Традиция – Прогресс – Традиция, 2000. 344 с.
69. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» (сборник) / <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/430042-marina-mogilner-mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma-sbornik.html>. Дата обращения: 10.03.2018. С.54-57.
70. Карих, Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения: XIX – начало XX в. / Е.В. Карих. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 232 с.
71. Карпов, Н. Аграрная политика Столыпина / Н. Карпов. М.: «Наука», 1925. 241 с.
72. Касымбаев, Ж.К. Развитие джатачества как следствие социальной дифференциации казахского аула в XIX – начале XX века. // Ж.К.

- Касымбаев / Известия АН РК. Серия обществ. наук. Алма-Ата, 1992. № 6. С. 36 – 41.
73. Катанаев, Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске / Г.Е. Катанаев. Омск: Типогр. Окр. Штаба.1904. 45 с.
74. Катков, М. Н. Идеология охранительства // М.Н. Катков / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800с.
75. Кауфман, А.А. Переселение и колонизация: [С прил.] / А. А. Кауфман. – СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1905. – IX, 349, 81 с.: табл. - (Библиотека "Общественной Пользы"). Ч. 1. Государство и переселения. 1861-1894. Ч. 2. Переселения, их причины и значение для народного хозяйства.
76. Ковальская, С.И. Взаимоотношения «центра» и «периферии» в условиях этноконфессиональной гетерогенности имперского пространства // С.И. Ковальская / Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. М. К. Чуркин. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. Вып. 14. С.69-76.
77. Ковальская, С.И. Как изучают Россию в Казахстане / С.И. Ковальская // <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/140958-1-kovalskaya-din-professor-kafedri-istorii-kazahstana-enu-gumileva-astana-kazahstan-skovalsk-ma.php> (дата обращения: 26.06.2018).
78. Ковальская, С.И. Политическая и социально-экономическая модернизация казахской степи первой половины XX в. в казахстанской и зарубежной историографии // С.И. Ковальская / Экономическая история. Т.14. № 1. 2018. С.9-23.
79. Ковалышкина, Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль / Е.П. Ковалышкина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – 326 с.
80. Кожаметов, Г.З. Государственная Дума и народы Степного края в 1905-1917 гг. / Г.З. Кожаметов. Караганда: Болашак-Баспа, 1999. 129 с.

81. *Козыбаев, И.М.* Историография Казахстана: уроки истории / И.М. Козыбаев. Алма-Ата: Руан, 1990. 125 с.;
82. *Козыбаев, И.М.* Историческая наука Казахстана в 40 - 80-е гг. XX века / И.М. Козыбаев. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 149 с.
83. *Козыбаев, М.К.* «История России есть история страны, которая колонизируется» // М.К. Козыбаев / Столичное обозрение. 2.05. 1998.
84. *Козыбаев, М.К.* История и современность // М.К. Козыбаев / Академия наук Казахской ССР Институт Истории, Археологии и Этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата: Изд-во: «Галым». 1991. 256 с.
85. *Козыбаев, М.К.* Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х кн. Кн.1 / М.К. Козыбаев. Алматы: Изд-во: «Галым», 2000. 248 с.
86. *Красовский, М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 3. / М. Красовский. СПб., 1868. 282 с.
87. *Кузембайулы, А.* История дореволюционного Казахстана / А. Кузембайулы. Алма-Ата: Рауан, 1992. 192 с.
88. *Кузнецов, Д.В.* Работа администрации по заготовке колонизационного фонда в Среднем Прииртышье в конце XIX – начале XX века. // Д.В. Кузнецов / Исторический ежегодник. Омск: ОмГУ, 1999. С. 23 – 31. [Электронный ресурс]
<http://omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1998/a023/article.shtml> от 15.04.2001.
89. *Кун, Т.* Структура научных революций / Т. Кун. М.: «Прогресс», 1977. 300 с.
90. *Кыдыралина, Ж.У.* Нация и история / Ж.У. Кыдыралина. Астана: Елорда, 2009. 304 с.
91. *Мартин, Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939 / Т. Мартин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 663 с.

92. *Масанов, Н.Э.* и др. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 296 с.
93. *Масанов, Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР / Э.А. Масанов. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.
94. *Матханова, Н.П.* Казахи в мемуарах миссионеров Русской православной церкви XIX в. // Н.П. Матханова / Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX веках: Сб. материалов международной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 75-79.
95. *Матханова, Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX века / Н.П. Матханова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
96. *Миллер, А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // А.И. Миллер / Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 33-65.
97. *Мирзоев, В.Г.* Историография Сибири (домарксистский период) / В.Г. Мирзоев. М.: Мысль, 1970. 391 с.
98. *Муканов, М.С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза / М.С. Муканов. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.
99. *Найт, Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 / Н. Найт // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М.: Новое издательство, 2005. С.155-199.
100. *Некрасов, А. А.* Советская историческая наука 1930 – начала 1950-х гг.: текст лекций / А.А. Некрасов. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 63 с.
101. Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр исследований Национализма и Империи», 2004. 652 с.

102. *Ноздрин, Г.А.* Государственная и общественная помощь переселенцам в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Г.А. Ноздрин / Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII – XX вв. Материалы международной научной конференции, 19-21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 124-126.
103. *Огановский, Н.П.* Народное хозяйство Сибири / Н.П. Огановский. Омск: Изд. Центросоюза, 1921. 167 с.
104. *Огородников, В.И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч.1. / В.И. Огородников. Иркутск: Б.и., 1920. 289 с.
105. *Остафьев, В.А.* Очерк Акмолинской области // В.А. Остафьев / Сведения о Сибири. СПб., Б.м., 1897. 151 с.
106. *Островский, И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма / И.В. Островский. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. 311 с.
107. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, В. П. Шахеров, А. С. Маджаров, Т. А. Перцева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 261 с.
108. *Погребинский, А.П.* Столыпинская реформа на Украине / А.П. Погребинский. Харьков, 1931. 265 с.
109. *Потанин, Г.Н.* Материалы для истории Сибири / Г.Н. Потанин. М: Унив. типография (Катков и К) на Страстном бульваре, 1867. 172 с.
110. *Потанин, Г.Н.* Завоевание и колонизация Сибири // Г.Н. Потанин / Живописная Россия. СПб.; М., 1884. Т. 11. С. 31–48.
111. *Потанин, Г.Н.* Сибирские казаки // Г.Н. Потанин / Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под ред. П.П. Семенова. СПб., М.: Издание товарищества М.О. Вольфа. 1884. Т. XI. С. 107-116.
112. *Путинцев, Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-

- сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории / Н.Г. Путинцев. Омск: типогр. Окружного штаба, 1891. 185 с.
113. *Пыпин, А.Н.* История русской этнографии. В 4-х т. Т.4. Белоруссия и Сибирь / А.Н. Пыпин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. 488 с.
114. *Разгон, В.Н.* Столыпинская аграрная реформа и Алтай // В.Н. Разгон, А.А. Храмков, К.А. Пожарская. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 278 с.
115. *Ремнёв, А.В.* Западно-Сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (Биографические очерки) // А.В. Ремнёв / Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.): Краеведческий сборник / Под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994. С.5-31.
116. *Ремнёв, А.В.* Западные истоки сибирского областничества // А.В. Ремнёв / Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 142-146.
117. *Ремнёв, А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // А.В. Ремнёв / Сибирская заимка / <http://www.nsu.ru> (дата обращения: 22.09.2014).
118. *Ремнёв, А.В.* Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX в. / А.В. Ремнёв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
119. *Ремнев, А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века / А.В. Ремнёв. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. 236 с.
120. *Ремнёв, А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков (под общей редакцией Н.Г. Суворовой) / А.В. Ремнёв. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
121. *Ремнёв А.В., Суворова, Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.

122. *Ремнев, А.В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // А.В. Ремнев / *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.
123. *Репина, Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. М.: Круг, 2011. 560 с.
124. *Репина, Л.П.* Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 606 с.
125. *Родигина, Н.Н.* Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. // Н.Н. Родигина / Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории. Сб. науч. тр./ Под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: НГПУ, 2003. С.85-89.
126. *Родигина, Н.Н.* Российские губернаторы о переселении крестьян в Сибирь в 1860-1880-е гг. // Н.Н. Родигина / Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII – XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 1999. С.46-48.
127. *Рошер, В.* Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности / В. Рошер. М.: Типография Грачёва и Ко, 1869. 688 с.
128. *Рыскулов, Т.Р.* Избранные труды / Т.Р. Рыскулов. Алма-Ата: Казахстан, 1984. 260 с.
129. *Сабитов, Н. С.* Мектебы и медресе у казахов / Н.С. Сабитов. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1950. 44 с.
130. *Садвокасова, З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков) / З.Т. Садвокасова. Алматы: Қазақ университеті, 2005. 339 с.

131. *Сулейменов, Б.С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX века (1867 – 1904 г.г.) / Б.С. Сулейманов. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1963. 411 с.
132. *Сулейменов, Б.С., Басин, В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века / Б.С. Сулейменов, В. Я. Басин. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.
133. *Сундетов, С.А.* О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана (на материале северо- восточных областей) / С.А. Сундетов. Алма-Ата: Наука, 1970. 126 с.
134. *Седельников, Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства) / Т.И. Седельников. СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.
135. *Серповский, Н.* Переселения в России в древнейшее и новое время / Н. Серповский. Ярославль, Типо-лит. Г. В. Фальк , 1885. 185 с.
136. Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: НЛО, 2007. 368 с.
137. *Скляр, Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л.Ф. Скляр. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1962. 588 с.
138. *Степынин, В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В.А. Степынин. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т., 1962. 260 с.
139. *Сулейменов, Б.С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX века (1867 – 1904 гг.) / Б.С. Сулейменов. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 411 с.
140. *Тернова, И.К., Исетов, Р.К.* Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова / И.К. Тернова, Р.К. Исетов. Костанай: Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.

141. *Тихонов, Б.В.* Переселения в России во второй половине XIX в. / Б.В. Тихонов. М. Наука. 1978. С. 215 с.
142. *Толочко, А.П.* Роль Западно-Сибирского отдела русского географического общества в исследовании Степного края (конец XIX-начало XX вв.) // А.П. Толочко / Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: междунар. Евразийский форум: тезисы докладов и сообщений. Астана-Омск-Томск, 2003. С.98-99.
143. *Толыбеков, С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Политико-экономический анализ / С.Е. Толыбеков. Алма-Ата: Наука, 1971. 534 с.
144. *Турсунбаев, А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан / А.Б. Турсунбаев. Алма-Ата: АН КазССР, 1950. 101 с.
145. *Турсунбаев, А.Б.* Казахский аул в трех революциях / А.Б. Турсунбаев. Алма-Ата: Наука, 1967. 484 с.
146. *Тынышпаев, М.* Материалы по истории казахского народа / М. Тынышпаев. Ташкент, 1925. 263 с.
147. *Уманец, Ф. М.* Колонизация свободных земель России / Ф.М. Уманец. СПб.: Б.м, 1884. 243 с.
148. *Ухтубужский, П.* Русский народ в Азии. I) Переселение в Сибирь. II) Жёлтая опасность // С послесловием В.М.Пуришкевича / П. Ухтубужский. СПб.: Типография Товарищества «Свет», 1913. 99 с.
149. *Холквист, П.* Российская катастрофа (1914-1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // П. Холквист / Россия XXI. М., 1998. № 11-12.
150. *Худяков, В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В.Н. Худяков. Томск: Изд-во ТГУ, 1986. 265 с.
151. Центральная Азия в составе Российской империи // Отв. ред. С.Н. Абашева, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмаханова. М.: НЛЮ, 2008. 464 с.

152. *Чуркин, Г.Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье / Г.Ф. Чуркин. СПб., б.г., б.м., 105 с.
153. *Чуркин, М.К.* Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
154. *Чуркин, М.К.* Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социальное-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.) / М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 116 с.
155. *Чуркин, М.К.* Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. / М.К. Чуркин, Б.С. Токмурзаев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 262 с.
156. *Шахматов, В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения) / В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. 206 с.
157. *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.) / М.Б. Шейнфельд. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т. 1973. 399 с.
158. *Шиловский, М.В.* К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // М.В. Шиловский / Европейские исследования в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. Вып.3. С.11-16.
159. *Шокай, М.* Тандамалы. Избранное / М. Шокай. Алматы: Кайнар, 1999-2004. Т. 1-2. 341 б.
160. *Шонанулы, Т.* Жер тагдыры - ел тагдыры / Т. Шонанулы. – Алматы: Санат, 1995. 224 б.
161. *Щербина, Ф.А.* Киргизская народность в местах крестьянских переселений / Ф.А. Щербина. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 48 с.

162. *Эткинд, А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
163. *Ядринцев, Н.М.* «Я сын девственной и могучей страны...» / Сб. статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. 244 с.
164. *Ядринцев, Н.М.* Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып. 1880 г. 16 с. Отд. издание.
165. *Ядринцев, Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н.М. Ядринцев. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
166. *Ямзин, И.Л., Воцинин, В.П.* Учение о колонизации и переселениях / И.Л. Ямзин, В.П. Воцинин. М.; Л.: Гос. издательство, 1926. 332 с.
167. *Dave, Bhavna.* Kazakhstan: Ethnicity, language and power. — Abingdon, New York: Routledge, 2007. 242 с.
168. *Donald, M.* Tre adgold . The Great Siberian migration; Government and peasant in resettlement from emancipation to the First World War. Princeton, 1957. 278 p.
169. *Zenkovsky, S.* American research on Russia's moslems // «The Russian Review, 1959, vol. 18, N. 3, p. 201.
170. *Lansdell, Henry.* Russian Central Asia, vol. 1, p. 1; «The Encyclopedia Americana». New York, Chicago, 1-944 edition, vol. 16, p. 354.
171. *Kolarz, W.* Russia and her Colonies. L., 1952. 231 p.
172. *Krader, L.* Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology. 1955, vol. II. N. 2, pp. 67-92.
173. *Sokol, E.D.* The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor, 1954. 188 p.
174. *Wheeler, G.* The Modern History of Soviet Central Asia. L.-N.Y., 1964. 126 p.